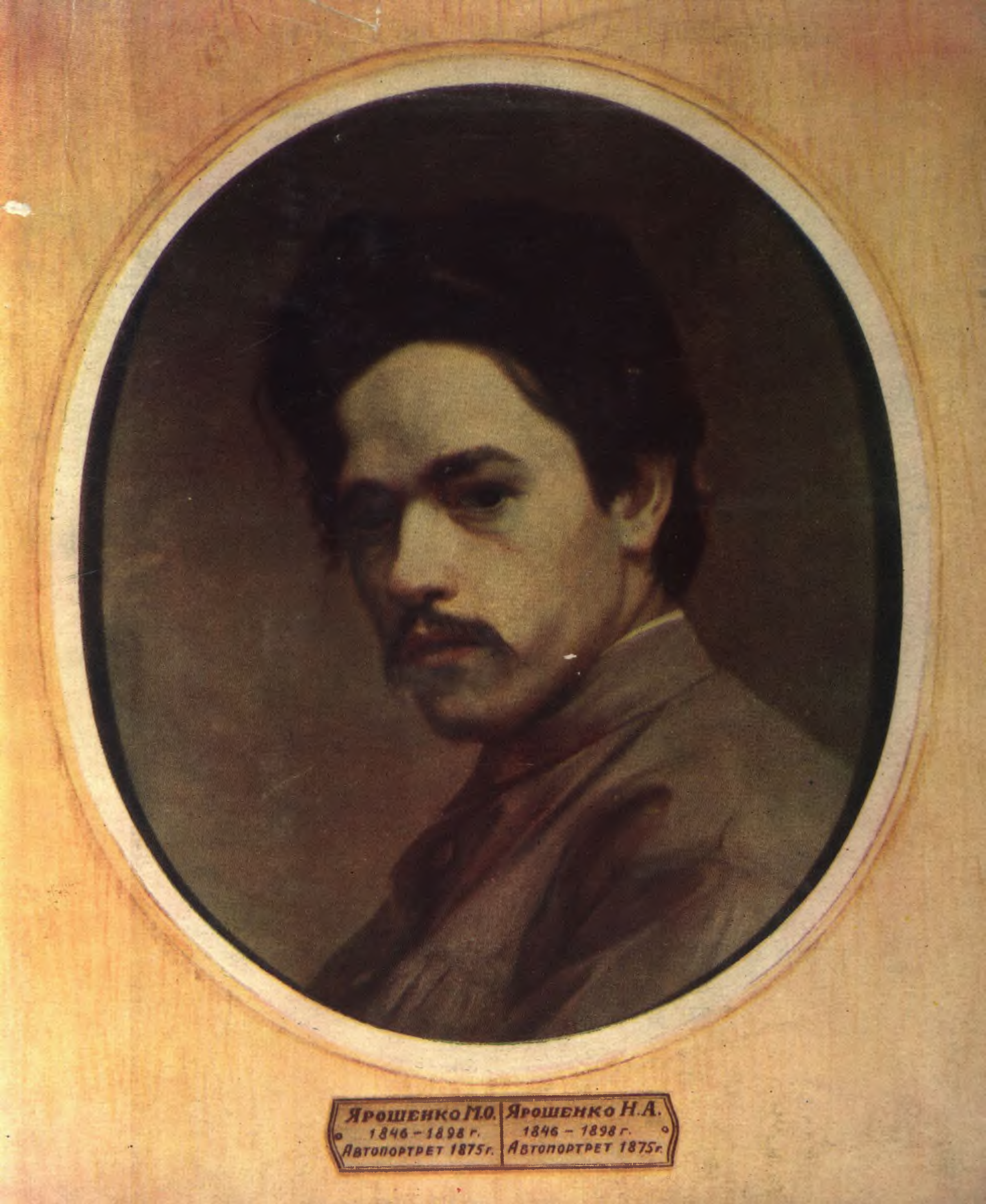

Ярошенко М.О.
1846 – 1898 г.
Автопортрет 1875 г.
Ярошенко Н.А.
1846 – 1898 г.
Автопортрет 1875 г.

Н. Ярошенко



В. СЕКЛЮЦКИЙ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯРОШЕНКО



КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАВРОПОЛЬ · 1963

75С1
С 28

Секлюцкий В. В.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯРОШЕНКО.
Ставрополь, кн. изд., 1963.
120 с., 29 л. илл.

Редактор Л. Харченко.
Художник С. Каретко.
Худож. редактор Н. Панасюк.
Техн. редактор А. Кобыльниченко.
Корректоры Н. Паращенко, А. Кузнецова.

Сдано в набор 28.II-63 г. Подписано к печати 24.VII-63 г.
Авт. л. 7,15. Уч.-изд. л. 9,14. Печ. л. 7,98+2 тетради вклеек.
Бумага 70x84 1/16. Бум. л. 3,75. Заказ № 1750.
Тираж 25 000 экз. Цена 1 р. 11 коп. ВГ32010.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Вот замечательный художник!

...— Подумайте, это кадровый военный человек, и, представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!.. Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань.

(из воспоминаний М. В. Фофановой о В. И. Ленине)

ОТ АВТОРА

Почему я написал эту книгу? Что меня побудило?

Любовь к художнику и человеку.

Занимаясь с 1948 года созданием музея Н. А. Ярошенко, я невольно, а порой и сознательно, знакомился с людьми, которые бывали в семье художника, знали его лично. Когда я собрал много интересного материала, у меня возникла мысль — написать о Н. А. Ярошенко не только как о художнике, но и как о человеке с душевным простором и большой сердечностью. Было бы непростительно не сделать достоянием народа все, мною собранное.

В разделе «Иллюстрации» такие фотографии с картин Н. А. Ярошенко, как Бурлак, Чертков у картины «Курсистка», «Украинка», Портрет артистки М. Г. Савиной, Портрет Тани Богданович, Голова еврея, Бакинец, Пасечник, Портрет молодого человека, Портрет В. Г. Черткова, Голова ученого, Портрет ученого, Портрет А. П. Симановской, Дагестанец, Бештау, Иерусалим, Красные камни, Снежные вершины, Порт Палермо, Дружеские шаржи, Благословение, Набросок с И. П. Павлова,— печатаются впервые.

Пусть о нем узнают многие!

Приношу глубокую признательность Л. Р. Варшавскому, кандидату искусствоведения, за отзывчивость и помощь. Не могу обойти молчанием и тех, кто передал свои записки-воспоминания. Это родственники и современники Н. А. Ярошенко: Н. Н. Трусова — племянница Николая Александровича, Е. Н. Юркина-Савельева — приемная дочь Ярошенко, О. М. Нестерова-Шреттер — дочь художника М. В. Нестерова, С. Р. Левицкая (племянница Мясоедова), Е. Д. Аглинцева — пианистка-компо-

зитор, М. Ф. Сталь—отличница здравоохранения, Е. К. Бондарева—соседка Ярошенко по дому, семья Крымшамхаловых, писатель А. Г. Глебов, Лобач-Жученко и другие, кто так искренне и с уважением отнеслись к памяти замечательного художника.

Директор музея —
член Союза художников СССР —

В. СЕКЛЮЦКИЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателю предлагается небольшая и интересная книга, написанная энтузиастом русского искусства художником В. В. Секлюцким, посвятившим много лет своей жизни созданию музея Николая Александровича Ярошенко в Кисловодске и собиранию материалов об этом художнике-демократе, который воплотил в своем искусстве лучшие заветы идейного реализма.

Автор книги поставил своей задачей ознакомить возможно более широкий круг зрителей, посетителей музея с искусством замечательного мастера кисти, с периодом его жизни и творчества в Кисловодске.

С 1882 года Н. А. Ярошенко почти каждое лето проводил в Кисловодске, а с 1892 до последних дней своей жизни (1898) жил в Кисловодске в своей небольшой усадьбе. После Петербурга Кисловодск стал для него вторым родным городом.

Ему нравились окрестности Кисловодска, горные пейзажи. Их и людей, населяющих этот край, он писал в большом количестве. Свой мольберт он старался приблизить к хижинам горцев.

Природа и быт Северного Кавказа находят у Н. А. Ярошенко любопытного истолкователя, с любовью передающего в картинах и рисунках все то, что он видит и переживает. Эта любовь к краю обнаружилась и в его известном завещании, в котором он предлагает продать его усадьбу и на вырученную сумму построить в Кисловодске Горное училище. Это предложение было продиктовано патриотическим чувством художника-гражданина, жизнь и творчество которого составляли одно неразрывное целое.

Для историка русской художественной мысли периода 80—90-х годов прошлого столетия творчество Ярошенко играет огромную роль в том отношении, что в это время им созданы такие известные произведения, как «Студент», «Курсистка», «Причины неизвестны», «Всюду жизнь», «В теплых краях», «Хор», «Песни о былом»; портреты Г. Успенского, Д. Менделеева, П. Стрепетовой, М. Салтыкова-Щедрина, А. Плещеева, В. Соловьева, В. Короленко, Н. Ге.

Портреты преимущественно передовых людей своего времени, созданные Ярошенко, связаны с общественным движением эпохи. Они превратились в яркий социальный образ, с широким социальным обобщением. Проникнутые демократическими идеями своего времени, эти портреты сохранили свою ценность и в наши дни, выявляя совершенство человеческой личности в неразрывной связи с преобразованием всего общества.

Книга о творчестве Ярошенко представляет собою по существу среднее между обычной публикацией материалов и популярной монографией. В описании и характеристике отдельных произведений художника автор обнаруживает умение владеть анализом и пониманием идейной направленности художника. Но здесь же следует отметить, что автор вовсе не претендует на исчерпывающий анализ творчества Ярошенко. После капитального труда В. Прыткова о художнике, выпущенного в 1960 году крохотным тиражом — 2 500 экземпляров (книга, которая скоро явится библиографической редкостью), вряд ли следует повторяться.

Автор новой книги о Ярошенко приложил все усилия к тому, чтобы внести значительное и любопытное в изучение творчества художника, прибавить к имеющимся и известным материалам некоторые детали. Бесспорно, что для тех, кто мыслит исторически и кто от некоторых подробностей из жизни художника захочет перейти к обобщающей концепции, книга представит свой интерес.

Выявление тематического творчества Ярошенко, построенного на «местном» материале, тщательно подобранные воспоминания современников, встречавшихся с художником на Кавказе, иногда и позировавших ему, является наибольшим достоинством книги.

Надо ли говорить, насколько собранные здесь факты помогают уяснению многого в творчестве Ярошенко? Оценить достоинство книги о творчестве художника—это значит не только выяснить особенности искусства мастера, но и установить в его произведениях наличие образов, организующих социальное сознание зрителя. Автор в меру своих сил это и сделал, за что и благодарен ему будет зритель, побывавший в возрожденном музее Ярошенко.

Л. ВАРШАВСКИЙ,
кандидат искусствоведения.

Москва.

К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

В одном из скверов в центре города-курорта Кисловодска стоит памятник видному русскому художнику-передвижнику Николаю Александровичу Ярошенко.

На черном мраморном постаменте его бронзовый бюст. Сбоку высечена отполированная палитра с кистями, лежащими на пальмовой ветке. Памятник выполнен по эскизу академика живописи Михаила Васильевича Нестерова, а бронзовый бюст — другом художника скульптором Леонидом Владимировичем Позеном. Отлив в бронзу произвел А. Моран.

Н. А. Ярошенко и Л. В. Позен были связаны многолетней дружбой. Как и Ярошенко, Позен родился в Полтаве и жил там до 1892 года, после чего переехал в Петербург. Бывая в Полтаве, Ярошенко неизменно посещал Позена и в 1885 году написал здесь его портрет (масло), который находится в частной коллекции в Ленинграде.

После переезда в Петербург Позен часто бывал у Ярошенко на его знаменитых «субботах», где собирались все передвижники.

Позен создал три портрета Ярошенко: в 1888 году — бюст Ярошенко в молодости и сразу этюд (оба произведения не сохранились), в 1899 — бюст Ярошенко на склоне лет. Эти работы сохранились в нескольких отливах: бронзовый установлен в Кисловодске, на могиле Ярошенко.

Дань признательности и уважения художнику и гражданину отдают и жители Кисловодска, и отдыхающие в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод.

Заботливые руки постоянно украшают памятник букетами живых цветов, выражая этим сердечную признательность и народную любовь творческому наследию Ярошенко, отдавшему свою жизнь служению Родине, а свою палитру — созданию произведений, занимающих и поныне достойное место в сокровищнице русского изобразительного искусства.

Современники Ярошенко, лично знавшие художника, отзываются о нем как о гуманном, кристально честном, принципиальном человеке.

Николай Александрович Ярошенко родился в Полтаве 1 декабря (ст. стиля) 1846 года. Отец его, Александр Михайлович, происходил из дворян



Памятник Н. А. Ярошенко.

Черниговской губернии. Мать, Любовь Васильевна Мищенко, была дочерью отставного поручика артиллерии. А. М. Ярошенко пошел по военной линии, дослужился до чина генерал-майора, в котором и вышел в отставку. Он был высокообразованным человеком, знал французский, немецкий и латинский языки.

От отца первенец Николай унаследовал неподкупную честность и прямоту. У мальчика рано проявилась любовь к рисованию, но никому из родных не приходила в голову мысль развить этот талант. Отец хотел сделать сына военным. Когда Николаю шел девятый год, он отдал его в Полтавский кадетский корпус. Окончив его, Н. А. Ярошенко 25 августа 1863 года поступил в 1 военное Павловское училище, а 20 июля 1864 года был переведен в Михайловское артиллерийское училище, которое и окончил с отличием. В августе 1865 года в чине подпоручика был зачислен в артиллерийскую бригаду, а через два года, будучи поручиком, выдержал экзамен и поступил в Михайловскую артиллерийскую академию. По окончании ее Ярошенко «за отличные успехи в науках» был произведен в штабс-капитаны и в октябре 1870 года назначен заведующим штамповальной мастерской на Петербургском патронном заводе. На этом заводе Н. А. Ярошенко проработал более 20 лет и за отличную службу в 1892 году был произведен в генерал-майоры с зачислением в запас полевой пешей артиллерии по Петербургскому уезду. В этом же году он переехал в Кисловодск, а в 1893 году вышел в отставку. Дворянин по происхождению, военный по профессии и художник по призванию, он был революционным демократом по убеждению. Николай Александрович целиком отдался любимому с детства искусству.

Это было время второй половины XIX столетия. Россия вступила на путь капиталистического развития. Появление рабочего класса на арене общественно-экономической жизни России оказало огромное влияние на ход исторических событий. Тяжелая жизнь, бесправие и произвол, невыносимые условия труда и жестокая эксплуатация со стороны царского са-

модержавного строя,—все это, естественно, порождало волнения, недовольство, горячую ненависть к царю и помещикам трудового населения.

Царское правительство усиливает террор. Русские революционные демократы призывают к открытой борьбе, к свержению самодержавия. Бьет в набат «Колокол» Герцена. Раздаются выстрелы террористов «Народной воли». Всколыхнулись лучшие передовые силы России. Народ стал в центре внимания писателей, композиторов, художников. Некрасов в своих стихах рисует бесправную тяжелую долю русского крестьянства: «Могучая кучка» русских композиторов создает свои незабываемые произведения, в которых простой народ занимает главное место.

Музыка Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского и других, где широко использованы народные мелодии, будит, обличает и зовет на борьбу. В стенах императорской Академии художеств также происходят знаменательные события большой политической важности, связанные с судьбами русского изобразительного искусства.

Таким образом, социально-экономическую обстановку, в которой жил и создавал свои замечательные произведения Николай Александрович Ярошенко, можно охарактеризовать словами Алексея Максимовича Горького, который говорил:

«...В области искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир.

Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников слова, звуков и красок...

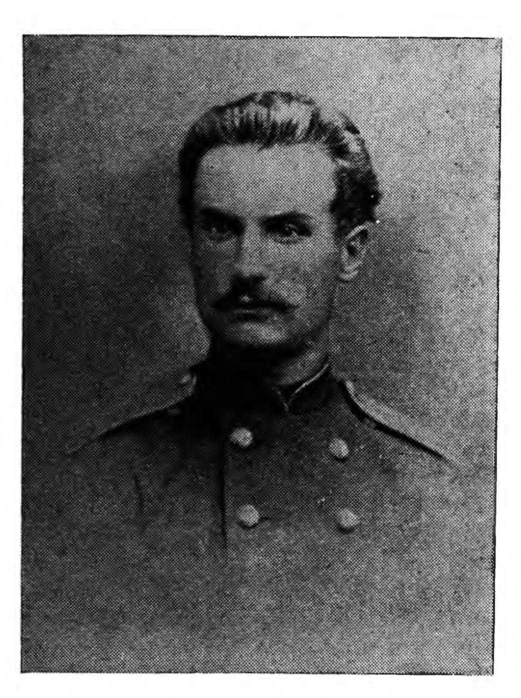
Все это грандиозное создано Русью менее чем в сотню лет. Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их».

Н. А. Ярошенко почти всю жизнь делил время между живописью и военной службой, которая давала ему средства и возможность заниматься искусством, а главное — быть независимым в своем творчестве.

После окончания кадетского корпуса Ярошенко начал серьезно заниматься живописью и рисунком.

Его первым учителем был художник Адриан Маркович Волков, являвшийся постоянным художником журнала «Искра». Кружок А. М. Волкова посещал В. С. Курочкин — редактор органа радикальных разночинцев сатирического журнала «Искра», близко стоявшего по идеям к журналу «Современник».

В этом кружке не стеснялись присутствия совсем еще юного Ярошенко и часто вели откровенные разговоры. Художник А. М. Волков был современником В. Г. Перова. Он автор ряда картин изобличающего жанра. Лучшим произведением Волкова является «Прерванное обручение», ныне находящееся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.



Н. А. Ярошенко в юнкерской форме.

Зерна, брошенные Волковым в творчество Ярошенко, дали прекрасные всходы. В доме своего учителя Ярошенко знакомится с передовыми литераторами, сплоченными вокруг «Искры». Под их влиянием формируются социальные взгляды юного художника, кристаллизуется серьезное отношение к изобразительному искусству.

60-е годы XIX столетия стали хорошей жизненной школой для молодого художника, понявшего, что цель его искусства — служение общественным интересам. Решающее влияние в формировании мировоззрения и художественных взглядов Н. А. Ярошенко оказали идеи великих просветителей и революционеров — Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Их произведения являлись настольными книгами художника.

Будучи артиллерийским офицером и живя в Петербурге, Ярошенко посещал вечерние рисовальные классы при школе Поощрения художеств, которая находилась на Васильевском острове в одном из зданий Академии наук.

В этой школе Ярошенко приобретает профессиональные навыки в рисунке, живописи, познает законы композиции. Здесь же формируются и его взгляды на искусство.

Известный художник И. Н. Крамской, преподававший в этой школе, обратил особое внимание на способности артиллерийского офицера.

В 1867 году Ярошенко поступает в артиллерийскую военную Академию и одновременно становится вольнослушателем Петербургской Академии художеств. Упорство, сила характера, большая страстная любовь к искусству позволили художнику получить художественное образование.

В период занятий в Академии художеств Ярошенко сблизился с кружком литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Отечественные записки». Здесь он познакомился с М. Е. Салтыковым-Щедриным, Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, поэтом А. Н. Плещеевым и другими передовыми людьми.

Не случайно поэтому, что все то, чему служила передовая литература того времени, сделалось содержанием творческой деятельности художника. Вот почему идейная и дружеская близость Н. А. Ярошенко с передовыми людьми русского общества, в особенности с вождем передвижников И. Н. Крамским, окончательно сформировала его взгляды на идейное реалистическое искусство.

Критический реализм в России, на платформе которого стояли лучшие художники и деятели передовой культуры, являлся ведущим в искусстве и литературе 60—80-х годов. Горячая любовь к родине, желание видеть свой народ свободным, глубокий показ общественных явлений, беспощадный реализм в изображении народной жизни были отличительными чертами представителей критического реализма.

Мировоззрение Ярошенко формировалось в сложной обстановке социальных противоречий, происходивших в пореформенной России.

Несмотря на свое официальное положение старшего офицера царской армии, Николай Александрович вместе с другими передовыми людьми своего времени своими картинами активно протестовал против насилия и произвола царского правительства и этим самым явился прямым последователем той части русской интеллигенции, о которой Владимир Ильич Ленин писал:

«Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».*

Последние ленинские слова полностью относятся и к творческой деятельности Ярошенко.

С именем Ярошенко связана целая эпоха в истории развития русского реалистического искусства — эпоха передвижничества.

До 50-х годов прошлого столетия в России существовало так называемое академическое искусство. Центром академического искусства являлась императорская Академия художеств в Петербурге. Правда, Академия художеств была основательной школой рисунка, живописи и композиции. Но по существу Академия художеств находилась под опекой царского правительства.

Мастера академического искусства в своих картинах изображали события древней Греции и Рима, а если и изображали события из русской истории, то в ложно-классическом освещении. Большинство художников писали портреты великих князей, вельмож. Более того, даже своей русской, родной природе они предпочитали пейзажи Италии. Чрезвычайное значение приобрело также писание икон для церквей и соборов.

Такое академическое искусство становилось, по существу, реакционным, лишенным жизненной правды.

---

* Ленин. Соч., изд. 4, том 19, стр. 294—295.

Академия художеств являлась единственной монопольной правительственной «законодательницей искусства». Она тормозила развитие искусства по пути реализма, народности и национальности. Она культивировала далекое от жизни, отвлеченное, условное искусство. Академия игнорировала русскую народную жизнь, требовала приверженности к религиозным, мифологическим, аллегорическим сюжетам, требовала идеализации, условности.

Вся система академического воспитания состояла в том, чтобы оградить будущих художников от реальной жизни, от передовых идей. Темы в их картинах уводили зрителя от жгучих вопросов современности.

Выпускники просили начальство Академии художеств предоставить им выбор тем и сюжетов в зависимости от творческих склонностей каждого.

Начальство отказало в такой просьбе, заподозрив в этом недостойный подрыв существующих академических «устоев». Тогда в знак протеста 14 выпускников навсегда покинули Академию. Среди них были И. Н. Крамской, Н. Дмитриев-Оренбургский, А. Корзухин, Н. Шустов, А. Литовченко, К. Маковский, Ф. Журавлев, Н. Петров. К. Лемох, М. Песков и другие, уже зарекомендовавшие себя в области реалистического жанрового искусства. Четырнадцатым «протестантом» был скульптор В. Кретан.

Выход из Академии художеств рассматривался как своеобразный бунт, вследствие противоречий, существовавших между академической косностью и запросами русской действительности.

О политическом «Бунте 14-ти» сообщили полицейским властям, и выпускники были взяты под негласный надзор.

По этому поводу В. В. Стасов писал: «В шестидесятых годах в русском искусстве произошло такое событие, которого никто предвидеть не мог, но которое было необыкновенно: художественный бунт. Двадцатилетняя молодежь возмутилась теми программами на высшую золотую медаль (с поездкой за границу), которые навязывались ученикам Академии в продолжение ста лет, еще со времени Екатерины II. Движимые духом времени и проснувшимся тогда в России чувством самосознания, они отказались от Академии, наград и заграницы, устроили собственную артель и начали жить и работать сообща, вместе»

Стасов предлагал художникам день 9 ноября 1863 года отмечать как праздничный день. И. Н. Крамской, беседуя с А. И. Куинджи, говорил: «Наш организованный выход из Академии был продиктован самой жизнью. И год-то 63-й каким был! Волна народного движения. Возмущение куцей крестьянской реформой. Подъем национальной гордости, а мы в Академии ходим на иностранных помочах. Знаете, какой сюжет был дан историкам-живописцам? «Пир в Валгалле», где герои-рыцари вечно сражаются, где председательствует бог Один, у него на плечах сидят два ворона, а у ног — два волка и, наконец, там в небесах, между колоннами, месяц, гонимый чудовищем, тоже в виде волка... И много другой гали-

матьи! А в это время в деревнях крестьянские бунты. Народ тянется к грамоте, к жизни, а получает нагайки и плети.

Вот мы и потребовали от начальства Академии: «Подавайте нам национальное, русское, да еще народное. Не можете? Не надо. У нас у самих есть сила. Мы не зависим от вас. И золотые медали, и заграничные поездки нам не нужны, если нельзя писать конкурсные работы на близкую душе тему. Мы воевали за свою независимость, за свободные темы, за новые мысли, за русское реалистическое искусство».

Покинув Академию, художники объединились и организовали в России первый коллектив русских художников — артель.

Строя жизнь коллектива, их идейный вождь И. Н. Крамской говорил своим товарищам: «Пора нам расстаться с этой душной курной избой (следует понимать Академию) и построить свой дом, новый, светлый и просторный».

Так и было. Художники жили в одном доме, имели общую залу, где рассматривались эскизы к картинам, обсуждались готовые произведения. Здесь велись оживленные споры и беседы о задачах литературы и искусства. Читались статьи Белинского, Чернышевского, Герцена и других передовых деятелей культуры того времени. И вот в этой творческой и, прежде всего, идейной обстановке формировался первый коллектив русских художников, который составлял славу русского изобразительного искусства. Идейное и бытовое содружество в духе тех коммун, о которых писал Чернышевский в своей книге «Что делать?».

Артель просуществовала около шести лет, сделав много для развития русского искусства.

После создания замечательных картин из жизни русского народа художники стали показывать их бесплатно простому русскому человеку, вначале в Петербурге, затем в Москве, Одессе, Нижнем Новгороде, то есть стали делать их передвижными по всем городам России. Отсюда они и получили свое историческое название художников-передвижников.

Открытием в 1871 году Первой передвижной выставки в Петербурге на Васильевском острове демократическое искусство России одержало одну из самых блистательных, самых «долговечных» своих побед. Лучшие деятели литературы и искусства встретили первую выставку передвижников как большое и радостное событие.

Выставка явилась самым могучим ударом по уже тогда окончательно расшатавшемуся зданию академических устоев. Художники произнесли веское, обдуманное, предельно правдивое слово. Возразить, противопоставить им было нечего. Путь русского искусства определился. Путь, как показала история, единственно верный и необычайно плодотворный путь реализма. Народ с наслаждением смотрел на выставках замечательные творения Крамского, Перова, Репина, Сурикова, Васнецова, Поленова и многих других художников-передвижников.

В журнале «Отечественные записки» М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «...Русское искусство отныне вышло из стен Академии и сделалось достоянием всех, искусство перестает быть секретом, перестает отличать званых от незваных, всех призывает и за всеми признает право судить о совершенных им подвигах».

«Передвижение» первых выставок по городам было сплошным триумфальным шествием.

В искусстве передвижников народ стал главным героем, он впервые заявил о своих нуждах, страданиях и запросах. Не случайно поэтому великий художественный критик Владимир Васильевич Стасов называл художников-передвижников людьми протеста.

Придавая огромное значение передвижным выставкам, Ярошенко говорил своим товарищам: «Мы должны не ограничивать круг наших путешествий, а, напротив, постоянно стремиться к его расширению, захватывая по возможности большее число городов».

Передвижников по справедливости можно сравнить с мощной рекой, в своем стремительном течении увлекавшей за собой, вбиравшей в себя все наиболее сильное и яркое, жизнеспособное и передовое в русском искусстве второй половины прошлого столетия.

Дружба у передвижников была особенной, необыкновенной, прочной. Они радовались удаче других, печалились провалу, предупреждали ошибки.

Внимание и большой интерес народа к выставкам сказывались не только в том, что выставку посещали много раз, но и в более существенных проявлениях. В первые же дни на многих картинах появлялись этикетки с надписями «продана», «приобретена» или «является собственностью». Картины приобретались не только такими меценатами, как П. М. Третьяков, И. Е. Цветков и К. Т. Солдатенков. Картины покупались и людьми с очень средними средствами — так велик был интерес к искусству передвижников.

Владимир Ильич Ленин высоко ценил искусство передвижников. Именно о таком направлении в искусстве и его содержании Владимир Ильич, беседуя с Кларой Цеткин, Надеждой Константиновной Крупской и Розой Люксембург, говорил:

«Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их...»*

И вот Николай Александрович Ярошенко и являлся одним из таких ярких и достойных представителей русского искусства.

---

*Клара Цеткин. О Ленине.

С этого времени на протяжении многих лет Ярошенко остается активным участником товарищества передвижных художественных выставок.

На 4-й передвижной художественной выставке в 1875 году Ярошенко впервые выступил со своей картиной «Невский проспект ночью» как оформившийся художник, выставляясь ежегодно до 1898 года. В 1876 году за участие на выставке картиной «Невский проспект ночью» Ярошенко единогласно приняли в члены Товарищества передвижников. Вскоре его избрали в правление. Вместе с И. Н. Крамским Николай Александрович бессменно, в течение двадцати лет, руководил всей творческой и идейной направленностью передвижников — этого могучего движения, объединявшего лучшие, талантливые художественные силы России.

Не случайно Крамского называли Разумом, а Ярошенко Совестью русских художников. Они выгодно дополняли друг друга.

Ярошенко всю жизнь шел по тому пути, на который вступил в начале своего творчества, и до конца был верен демократическим принципам передвижничества. В письме к Черткову Николай Александрович резко осудил барско-пренебрежительное отношение к выставкам.

8 августа 1895 года С. П. Б.

Милый Владимир Григорьевич!

Ваше письмо я получил в день своего отъезда отсюда, 30 мая. Уезжал я с больными глазами, лечил их еще долгое время в Кисловодске, так что было не до писем.

Но если я Вам не писал, это не значит, что я о Вас не думал, не радовался выздоровлению Анны Константиновны и Димы, не жалел о том, что не удалось с Вами свидеться, и не печалился по поводу односторонности Ваших суждений и об искусстве, и (не сердитесь) барских взглядов на выставки, их цели и значение.

Чем обуславливается значительное содержание картины? Какого рода мысли признаете Вы пригодными для картины и сообщающими ей интерес? Ведь Вы для общего определения задачи искусства сами говорите, а когда судите о выставке и картинах,— ограничиваете эту задачу, требуя освещения только некоторых сторон жизни.

Художник, помогающий Вам видеть и понимать красоту, увеличивающий, таким образом, количество радостей жизни и поводом ее любить, бодро и энергично в ней участвовать, исполняет ли великую задачу искусства или нет?

Ограничивая задачу искусства одной моралью и педагогической стороной, Вы ответите отрицательно и будете неправы потому, что задачи и содержание произведений искусства могут и должны быть так же разнообразны, как сама жизнь, и если Вы искренне хотите те стороны искус-

ства, которые Вам наиболее симпатичны, постоянно развивать и разрабатывать, Вы должны желать, чтобы одновременно развивались и другие, иначе может случиться, что одностороннее направление искусства вызовет реакцию, при которой это направление будет вовсе и надолго заглушено.

Я не стану этого делать в письме, но при встрече берусь Вам доказать, что на прошлой выставке было много картин, полных жизни и живого и интересного содержания. Публика, посещающая выставку, это оценила, и посещение ее больше, чем обыкновенно.

Вы считаете эту, так называемую интеллигентную публику развращенной и некомпетентной в деле истинного искусства, но другой публики у нас нет, они составляют ту массу людей, которая откликается на призыв художников, обнаруживает к искусству интерес, а следовательно, относиться к ней презрительно мы права не имеем.

Вы вообще против выставок, смотрите на них исключительно, как на базары для наиболее удачного сбыта товара, и общение художников с публикой на выставке признаете вредным, в силу развращающего влияния последней на первых.

Я ничего не имею против того, что художники продают свои произведения на выставках или других местах. Всякий трудящийся имеет право на заработок, и безвозмездного труда нет. Благотворительности можно ожидать только от лиц, с избытком обеспеченных, но я решительно протестую против заподозревания художников в исключительно дурных побуждениях к работе.

Я не только верю, но и знаю, что художники выставляют свои картины не только потому, что рассчитывают продать, что, затевая свои произведения, в большинстве они не руководствуются соображениями, ни вкусами публики, ни расчетом на продажу.

Давайте, Владимир Григорьевич, с большим доверием относиться к лучшим сторонам человеческой натуры, а то ведь иначе будет трудно и нечем будет дышать.*

После смерти Крамского передвижники по заслугам оказали доверие Ярошенко, избрав его идейным руководителем. Он оправдал доверие своих товарищей, проводил принципиальную, решительную борьбу со всякими проявлениями и влияниями декадентства, проникавшего в русское изобразительное искусство. Ярошенко до последних дней своей жизни являлся подлинным стражем и хранителем лучших традиций коллектива передвижников.

Михаил Васильевич Нестеров, отмечая место Ярошенко в истории Товарищества передвижных выставок, писал: «Он становится со смертью Крамского одним из самых деятельных руководителей Товарищества, да-

* Центральный Гос. архив литературы и искусства СССР, ед. хр. № 2831, листы № 31, 31-об, 32, 32-об, 33, 33-об, 34; 34-об.



Члены правления Товарищества передвижников (слева направо): К. А. Савицкий, И. Н. Крамской, П. А. Брюллов, Н. А. Ярошенко, И. И. Шишкин.

вая ему возможно серьезное направление, придавая в то же время более моральную устойчивость».

Голос его звучит на собраниях, и слушают так же внимательно, как привыкли слушать Крамского.

Ярошенко был скромен, требователен к себе, сдержан и в то же время тверд. Мягкий по внешности — он кремень духом.

Вот что вспоминал академик живописи Василий Николаевич Бакшеев, у которого автору данной книги довелось побывать 23 февраля 1955 года по вопросу создания музея Ярошенко в Кисловодске.

«Однажды известный богач Елисеев предложил передвижникам построить на Тучковской набережной постоянное выставочное помещение, что сулило немалые удобства и денежные выгоды.

Узнав об этом, Ярошенко решительно запротестовал, заявляя: незачем нам. Пусть молодежь идет в Товарищество не на сладкий пирог с начинкой, а ради идей. Негоже передвижникам с торгашами компанию водить...» И настоял на своем.

Подобный пример твердости убеждений не единичен. Отмечая безупречность и принципиальность Ярошенко в отношении осуществления идей передвижничества, Нестеров писал:

«...Он настаивал, горячился, требовал, чтобы те люди, которые служат одному с ним делу, были на той же нравственной высоте и так же верны своему долгу, как и он сам...»

90-е годы в России характеризовались нарастающим революционным движением. События эти оказали сильное влияние на настроение революционной интеллигенции, в том числе и на передвижников. Некоторые из них не поняли движения новой революционной эпохи в России, когда в центре внимания стал рабочий класс, а не крестьянство.

Часть художников поэтому отходила от прежних взглядов передвижников. Острые социальные темы в творчестве некоторых художников уже не играли ведущей роли.

Революционные события 90-х годов в России оказали сильное влияние на настроение интеллигенции, и в том числе на передвижников. Н. А. Ярошенко по-прежнему стоял на позициях демократического искусства и с присущей ему страстностью боролся за чистоту взглядов передвижников.

Тяжело пережил Николай Александрович переход членов Товарищества на службу в так называемую реформированную Академию художеств. Десять художников—членов Товарищества передвижников — И. Е. Репин, В. Е. Маковский, А. И. Куинджи и другие вступили в Академию, надеясь передать ученикам основы реалистического искусства. Ярошенко отказался от баллотирования в члены Академии и впоследствии разошелся с художниками, изменившими свои взгляды на передвижничество.

В. В. Стасов писал Третьякову:

«...Что я предвидел, что предсказывал, то и получилось. Прежние передвижники более не существуют... Один-одинешенек, непоколебим и тверд остался Ярошенко, и с ним одним отвожу еще душу...»

Ярошенко не допускал никаких компромиссов. М. В. Нестеров говорил: «Крамской и Ярошенко в свое время были «совестью» передвижников, и пока эти два художника были живы, было живо и Товарищество в лучших своих принципах и деяниях».

Авторитет Ярошенко среди художников, как членов Товарищества, так и экспонентов, был необычайно велик. «К молодежи и начинающим художникам он нес такой горячий привет, что никто из них не уходил от Ярошенко без ласки и одобрения»,— вспоминает И. С. Остроухов.

Подобная черта характера принципиальности и твердости художника проявлялась во многих случаях. Так, например, Ярошенко много раз отказывался от повышения по военной службе, понимая, что если он будет и дальше оставаться военным, то это не только отразится на его творчестве, но и принудит его, как художника, оставить живопись.

Н. А. Ярошенко постоянно отстаивал свою независимость и самостоятельность в творческой работе, никогда не подчинялся прихотям заказчиков или покупателей. Он отказывался писать портреты великих князей или портреты царской фамилии, а когда «царская фамилия» приходила на передвижные выставки, то Николай Александрович демонстративно на них отсутствовал.

Подчеркивая свою принципиальность и свое нежелание расшаркиваться и заискивать перед властями и представителями печати, Ярошенко писал 26 сентября 1891 года Е. М. Хруслову (Хруслов с 1890 года был на службе у Товарищества передвижников в качестве уполномоченного и сопровождающего выставки) по поводу заказанных Хрусловым билетов для посещении передвижных выставок:

«...Дело в том, что я всегда был жестоким противником всех почетных билетов как для городских властей, так и для представителей печати...»

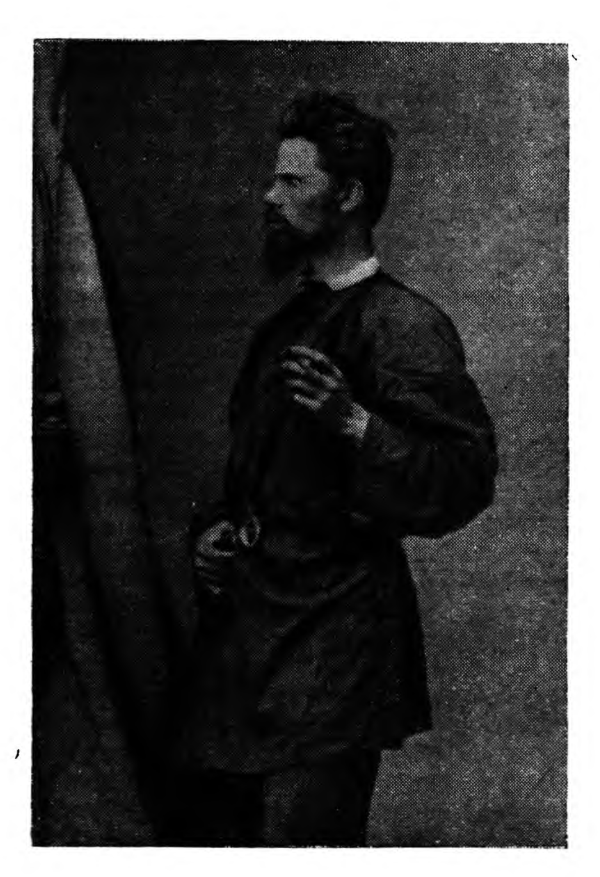
Отношение художника Ярошенко к самодержавному строю было самым отрицательным и непокорным. Не случайно Ярошенко как художник всю свою жизнь оставался для царского самодержавного строя одним из самых «неблагонадежных», самых подозрительных художников.

На искусство и на работу художника Ярошенко смотрел не как на увлечение и частное дело, а как на общественное служение народу, в искусстве он высоко ценил его идейно-воспитательное значение.

Мыслями об искусстве Николай Александрович поделился с создателем Третьяковской галереи Павлом Михайловичем Третьяковым. 5 июня 1879 года он писал ему: «Вы имеете за собой достаточно продолжительное и красноречивое прошлое, чтобы положение Ваше по отношению к русскому искусству стало ясным и определенным. Вы не принадлежите к числу тех собирателей произведений искусства, для которых мотивами и побуждениями к приобретению их служат: прихоть, каприз, а чаще необходимость занять пустое место на стене в голубой или розовой гостиной, в бильярдной или столовой. Вам, по-видимому, чужд также довольно распространенный взгляд на полное и исключительное право собственности по отношению к приобретенным произведениям искусств, и Вы, не признавая за собой нравственного права исключительного пользования ими, сочли справедливым коллекцию Вашу сделать общедоступною.

Нет сомнения, что помимо любви к искусству, еще и сознание пользы, какую оно приносит обществу,— побуждает Вас постоянно пополнять галерею, чтобы она была, по возможности, полной и всесторонней выразительницей русского искусства и чтобы каждый посетитель вынес из нее наиболее полное знакомство с нашим искусством и извлек из него всю ту сумму пользы и влияния, какое оно может дать.

Слухи о намерении Вашем сделать свою галерею впоследствии общедоступным достоянием только подкрепляет сделанные мною выводы. Но ведь такая деятельность как по цели, так и по избранному к ней пути до



И. Н. Крамской.

такой степени близко соприкасается с задачами Товарищества, что разногласию между Вами и им нет ни малейшего места.

Как Вы, так и оно любит одно и то же дело и одинаково стремится вывести его на свет божий, расширить круг его почитателей и знакомых, словом, вывести искусство из тех замкнутых теремов, в которых оно было достоянием немногих, и сделать его достоянием всех».

Такие мысли об искусстве, о его служении народу постоянно волновали художника Ярошенко. Если присмотреться к его картинам, то мы, пожалуй, не найдем ни одного такого произведения, которое художник написал бы кому-либо по заказу, ради заработка. Кстати сказать, в его картинах не найдешь безразличных фигур потому, что Николай Александрович писал только тех, кого он высоко ценил и считал достойными для истории.

Как же относилась реакционная критика к выступлениям на передвижных выставках художника и в то же время офицера царской армии? Нужно сказать, что появление таких картин, как «Заключенный», «Кочегар», «Всюду жизнь» и другие, не нравилось реакционной критике. Произведения Ярошенко всегда вызывали озлобление и нападки с ее стороны, так как идейная направленность, социальная сущность, глубокое волнение художника, пережитое сердцем своих героев, были ей не по душе.

Критики обвиняли художника в его рассудочном подходе к искусству, утверждая, что его картины слишком мрачны и унылы, что художник обходит светские стороны жизни, упрекали в отсутствии чувств и даже мастерства.

«Как пристал господин Ярошенко к этой нелегальной партии, так и не

отстает от нее. Ну понравились художнику эти худосочные лица, патологические сложения, грязные руки и золотуха.

Он с любовью по мере сил своих пишет год, два, пишет десять лет...»— писали реакционные критики.

По поводу этих частых злобных нападок Николай Александрович отвечал им следующими словами:

«Я пишу то, что дает мне жизнь в данное время, мимо чего равнодушно пройти не могу, а в будущем это искусство запишется в историю».

Эти поистине вещие слова художника и сбылись в наше время.

Произведения Ярошенко были направлены против социально-политического строя самодержавной России и радостно встречались народом. Художнику советовали бросить свой жанр и перейти к более безобидным сюжетам, но Ярошенко не отступил от своих убеждений. Он неоднократно говорил таким советчикам: «Любя искусство, я не могу писать то, что меня не трогает».

Творчество Ярошенко было разносторонним. Художник живо и выразительно, с большими живописными достоинствами писал жанровые сцены, портреты и пейзажи. Как жанрист он написал ряд замечательных произведений: «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь». В них выражена страстность, драматизм, влюбленность художника в окружающую жизнь, в простых людей.

Как портретист Ярошенко создал портретную галерею выдающихся передовых деятелей русской науки, литературы и искусства. И как пейзажист художник обладал большой способностью передавать различные состояния природы. Художник Н. А. Ярошенко обладал замечательными композиционными достоинствами, был мастером сюжетных картин.

В живописи сюжетная картина занимает ведущее место. Она представляет наиболее широкие возможности для разностороннего и полного отображения общественных явлений. Владеть композицией — особая одаренность художника. Ведь композиция, костяк картины — это остроумное жизненно правдивое расположение действующих лиц и предметов на холсте, при котором сюжет, содержание становятся понятными и доступными зрителю. Вот почему композиционное дарование, живописная сдержанность, технические достоинства придают произведениям Ярошенко силу зрительного притяжения.

Ярошенко—художник исключительной честности и прямоты. Пристально вглядываясь в смысл всего происходящего вокруг, Ярошенко во многих своих полотнах показал тяжелую драму, которая разыгрывалась в жизни почти каждого передового, мыслящего интеллигента и простого человека того времени.

В условиях сложной обстановки социальных противоречий пореформенной эпохи художник Ярошенко пишет «Невский проспект ночью». Он горячо откликается на подневольное положение женщины в этот период

(картина «Выгнали»). Так называемый «женский вопрос» был в центре внимания передовой русской общественности. Картины, в которых выражен протест против бесправного положения женщин, можно было встретить ранее у Перова («Приезд гувернантки в купеческий дом»), Пукирева («Неравный брак»), Неврева («Воспитанница») и другие.

Можно вспомнить и статью Короленко по поводу картины Поленова «Христос и блудница», в которой писатель видит вызов художника современному обществу, допустившему унижение, угнетение женщины и ее бесправие.

Картина «Невский проспект ночью» раскрывает нам трагическую участь женской доли в царской России. Не пышный Петербург с нарядной толпой класса имущих, освещенный ярким солнцем, показывает нам художник. Ярошенко пишет пустынный Невский проспект в глухую позднюю осеннюю ночь, с моросящим дождем.

В такую погоду «хороший хозяин собаку не выгонит». А вот условия жизни большого столичного города, социальная неустроенность гонят бездомных женщин на «заработок». Только тяжелая нужда выгнала их в такое ненастье на улицы, на панель.

Произведение явилось смелым и открытым выступлением художника в его официальном положении офицера царской армии. Такая картина, по существу, была продолжением лучших традиций искусства шестидесятых годов.

Картина написана художником не только из наблюдений, но также и по мотивам, которые в то время преобладали в литературе. Известно, например, что к такой тяжелой теме обращался современник Ярошенко писатель В. М. Гаршин (рассказ «Надежда Николаевна»). К величайшему сожалению, произведение не дожило до наших дней. Оно находилось в экспозиции Полтавского областного музея и во время гитлеровской оккупации было сожжено фашистами.

Близкой по теме к «Невскому проспекту» следует отнести картину «Выгнали».

Будучи у племянницы Ярошенко Н. Н. Трусовой, проживающей во Фрунзе, я попутно посетил города Ташкент и Ашхабад, где имеются произведения художника Н. А. Ярошенко. В Ташкентском музее искусств я встретился с картинами «Выгнали» и «Юноша перед экзаменом», о которых нельзя умолчать.

Когда смотришь на вертикально построенную композицию картины «Выгнали», которая так типична для художника Ярошенко, то невольно становишься свидетелем сцены бесчеловечности. Композиционно скупо и вместе с тем до мелочей убедительно и просто написана эта картина.

Пасмурная, ненастная погода. Часть фасада богатого господского особняка. Двери этого особняка навсегда захлопнулись для гувернантки, которую лишил девичьей чести барин. Двери надежно охраняет дремлющий

дворник в глянцевых сапогах и белом фартуке, которому нет никакого дела до одинокой, беззащитной, выброшенной из дому беременной женщины. У нее нет ни крова, ни средств, ни поддержки. Ему строго приказано «не пускать!»

В ее поникшей голове с грустным взглядом выразительных печальных глаз следы глубоких раздумий и о пережитом, и о том, что сулит ей мрачное будущее.

В опущенных натруженных руках, придерживающих зонтик, художнику удалось передать их характер. Руки эти не изнеженной барышни! Несмотря на молодость, они знают, что такое труд под громким окриком госпожи и строгим взглядом барина.

И за все это — бесчестие, горькая участь. Ее выбросили с жалкими пожитками: круглой белой коробкой, желтой небольшой сумкой и плетеным темным саквояжем, прикрытым сверху белым узлом.

Вот, кажется, и все! Но присмотритесь внимательней, подумайте, ведь и эта попала на панель, на ту самую, которую Ярошенко показал в своей первой картине «Невский проспект ночью».

Небезынтересна и другая деталь. На стекле оконной рамы подвального помещения написано: «сдаеца угол».

Ярошенко и здесь откровенно и смело подчеркнул, что господам—хоромы и особняки, а простому люду — сырые подвалы. И нужно обладать необыкновенной человечностью, чтобы выразить столько любви и сочувствия к простым людям и их судьбе.

В Полтавском музее Изобразительных искусств кроме «Невского проспекта» погибли в огне от рук фашистских извергов картины Н. А. Ярошенко «Причины неизвестны», «Мечтатель», «Лето», написанная с Евгении Константиновны Бондаревой у стога сена, «Девочка с игрушкой», «Спящий ребенок в колыбели», замечательный и красиво написанный портрет жены художника Марии Павловны Ярошенко, относящийся к 1875 году, портрет Михайловского, «Иуда».

Сожжена также картина «Орлы среди облаков», написанная по вертикали, умело скомпанованная, сочная по живописи. Погибло более 12 лучших картин Ярошенко, в том числе и портрет В. Г. Короленко.

Если учесть, что наследие художника не столь велико и особенно в живописи, то такая потеря очень ощутима для русского изобразительного искусства.

* * *

Лучшим произведением Ярошенко является «Кочегар». По общей теме — жесточайшей эксплуатации народа, непомерно тяжелой доле — «Кочегар» Ярошенко перекликается с ранее написанными картинами «Бурлаки на Волге» Репина, «Ремонтные работы на железной дороге» Савицкого.

В «Кочегаре», написанном в 1878 году, художник создал яркий и прав-

дивый образ уже сложившегося русского индустриального рабочего-пролетария 70-х годов, возбудившего внимание общественности.

Впервые в русском искусстве изображен рабочий во всей своей неприкрашенной правде. Ярошенко отлично понимал значительность этого нового образа и первым ввел его в русскую живопись. В «Кочегаре» художник показал представителя класса будущего, исполинскую мощь русского рабочего, то есть ту общественную силу, которая способна изменить мир. На полотне, точно живой, кочегар-труженик. Он только что оторвался от работы, от топки и разогнул усталую спину, чтобы через минуту-другую снова приняться за изнурительный труд.

На его выразительном лице мы читаем суровое, медлительное раздумье о своей тяжелой жизни и в то же время угадываем пробуждающееся чувство классового сознания и человеческого достоинства.

В глазах вопрос: за что такая участь? Его ли одного? Что надо сделать? А сделать надо! Объединить усилия и сбросить гнет. Вот о чем думает этот изуродованный непосильным трудом человек.

Ярким пламенем, жарой топок котла озарен он снизу доверху, грузный, коренастый, с большой заросшей головой, с огромными натруженными, хорошо выраженными жилистыми руками. Почти исподлобья смотрит он на зрителя из темной кочегарки.

Живописное решение произведения своеобразно, красиво по колориту, построенное на ярких цветовых отношениях багрово-красного отражения огня на руках и сдержаннее на лице, золотисто-зеленоватый тон одежды подчеркивают состояние, усиливают драматизм впечатления и яркость образа. Правдивая, решительная и смелая кисть художника сумела выразить варварскую капиталистическую эксплуатацию.

О картине художника Ярошенко «Кочегар» И. Н. Крамской писал в статье о VI Передвижной выставке (статья эта была задержана цензурой).

«...Я останавливаюсь, как вкопанный, и смотрю, и не могу оторваться, и не могу дать себе отчета, почему вдруг из сотни кочегаров, которых я перевидел на белом свете и мимо которых проходил с полнейшей безучастностью, как проходят мимо пароходных и железнодорожных паровиков, труб, рельсов, вдруг один этот кочегар г. Ярошенко мог приковать мое внимание...

Ярошенко взял меня за плечи и поставил, приковал перед одним из этих непризнанных мною существ...

Настоящая человеческая голова, мало того, она смотрит на вас мыслящим взором, моя совесть зашевелилась от этого взора.

... Я давно уже не видел художественного произведения, которое взволновало бы меня так глубоко. Я стал всматриваться в эту картину мало известного до сих пор г. Ярошенко, и мне пришло в голову, в чем же тут вся суть, чем условлено действие одной фигуры, без всякой сколько-нибудь занимательной обстановки, без всякого движения, спокойно стоящей

красноватым пятном на черном фоне, одной фигуры, которая вдруг оказывается целою, глубоко волнующею картиною!

Первое и существеннейшее условие, конечно, должно заключаться в том, что художник сам в сильной степени был проникнут чувством, которое так беспокоит зрителя; он писал свою картину с глубоким убеждением. Второе, не менее важное условие: художник не мешает мне воспринять это чувство, так как оно воспроизведено в формах, в реальном существовании которых я не могу усомниться ни на минуту, которым я абсолютно верю. Я вглядываюсь в картину, нельзя ли подо что-либо подкопаться, не солгал ли где-нибудь художник? Нет, все до мелочей смотрит на вас суровою правдою действительной жизни...»

Не случайно тот же Крамской в своем письме к И. Е. Репину ставил «Кочегара» Ярошенко на уровень с репинским Протодьяконом». «Кочегар» и «Дьякон» — балансируют: не знаешь, который лучше, — писал он ему. — Разумеется, «Кочегар» в живописи уступает «Дьякону», но впечатление, типичность — равны; оба весят здорово». Это было величайшей оценкой начинающему художнику.

Павел Михайлович Третьяков еще до открытия VI Передвижной выставки, на которой картина выставлялась, приобрел «Кочегара» для своей галереи, где она находится и поныне.

* * *

В конце 70-х и начале 80-х годов образ революционера трактуется не как жертва царской реакции, а как образ активного положительного героя с его правотой, силой и мужеством.

Народники 70-х годов, хотя и не видели правильных путей борьбы с царизмом, показали себя истинными героями революционного движения и сыграли известную роль в создании революционных традиций в России. Русские художники не могли не восхищаться деятельностью героев освободительного движения; она вдохновляла их на создание замечательных полотен.

Рядом с произведениями, изображавшими жизнь народа, картины, посвященные революционерам, явились вершинами русской живописи.

Одним из замечательных русских художников революционной темы был Н. А. Ярошенко. Встречаясь с рабочими, зная и понимая их революционные настроения, художник одновременно работал над образом «Кочегара» и революционера.

Картина «Заключенный» имеет огромное социальное значение. В ней показан один из революционеров, ненавидящий царя, любящий свой народ и идущий на приступ трона.

«Заключенный» говорит о беззаветном мужестве революционеров, борцов за народное счастье, чью волю не сломили ни тюрьмы, ни каторга.



П. М. Третьяков.

На картине изображена тесная, мрачная тюремная камера-одиночка, на отсыревших стенах нацарапаны различные надписи, типичная камера для политических, которые называли их «каменным мешком».

Четким живописным силуэтом читается фигура узника, и особенно поворот лица, освещенный лучами солнца, проникающими в небольшое решетчатое окошко. Падающий из окна свет усиливает силуэт головы и плеч узника. Это лицо не преступника, а человека, который борется за счастье и свободу своего народа, человека спокойного и решительного, жертвующего своей жизнью.

Деталей в картине мало, но они о многом говорят. Хорошо вписана в общую композицию картины смятая постель, столик с жестяной кружкой на нем и рядом книга, на переплете которой изображен крест, что говорит о ее религиозно-духовном содержании. И тем, что книга не раскрыта, художник подсказывает зрителю, что такое «произведение» никак не интересует заключенного.

Заключенный забрался на край стола, облокотился на покатый подоконник, подняв голову кверху. Он мучительно любуется сквозь решетчатое окно кусочком голубого неба. Свет в окне камеры — это мир. Выразительная поза заключенного передает его душевную тоску по свободе.

«Заключенный», вне всякого сомнения, является политическим заключенным. Образ заключенного написан с писателя Г. Успенского.

Композиция картины говорит о том, что Ярошенко стремился избавиться от лишних слов и фраз, мешающих художнику в лаконичной форме довести до зрителя свою идею.

«Заключенный» — одно из лучших произведений Ярошенко на революционную тему. Оно правдиво по своему содержанию, интересно по об-

разному воплощению идеи. Картина, написанная в 1878 году, вызывала у зрителей сочувствие и признательность мужеству и стойкости борцов за свободу.

Не случайно среди репродукций с произведений русской живописи, таких как «Не ждали», «Перед казнью» —Репина, можно было увидеть и репродукцию с картины Ярошенко «Заключенный».

Эти репродукции украшали стены и камины жалких мансард, в которых до Великой Октябрьской революции ютилась русская политическая эмиграция в Париже, Женеве, Лондоне, Берлине. Репродукции с картины продавались на всех митингах, рядом с нелегальными брошюрами и газетами.

В 1906 году, после поражения революции, цензура запрещала печатать репродукции с «Заключенного».



В. В. Стасов.

В Полтавском художественном музее находится этюд головы к картине «Заключенный».

Композиционной основой «Заключенного» явился хорошо проработанный карандашный рисунок камеры-одиночки, в которой художник находился под арестом с 1 по 10 ноября 1862 года и иронически назвал камеру «даровой квартирой со всеми удобствами».

Художественный критик Владимир Васильевич Стасов писал:

«Когда глядишь на эту простую, ужасно простую картину, то забудешь всевозможные высокие стили и только подумаешь, будто сию секунду щелкнул перед тобой ключ, повернулась на петлях надежная дверь и ты вошел один в один из тех каменных гробиков, где столько людей иной раз проводят месяцы и годы своей жизни».

Картины «Кочегар» и «Заключенный» принесли Н. А. Ярошенко широкую известность.

VI Передвижная художественная выставка в 1878 году явилась чрезвычайным событием в истории русского изобразительного искусства.

Выставленные художником Ярошенко «Кочегар» и «Заключенный» явились знаменем передовых идей. В этих картинах Ярошенко впервые показал лучшие образы людей из народа и его замечательную героическую историю.

Незавершенность картин подобного цикла—«В пересыльной тюрьме» эскиз «Арест пропагандистки», «Под конвоем» и ряд других—говорят о том, что художник неоднократно возвращался к теме героя-революционера 70—80-х годов.

Один из биографов художника писал: «Ни один из русских художников, за исключением Репина, не дает такого живого представления о том, как жила и боролась блестящая плеяда революционеров 70-х годов, как Н. А. Ярошенко.



И. Е. Репин.

Николай Александрович Ярошенко являлся выразителем идеалов той революционно настроенной русской учащейся молодежи семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия, которая зачитывалась статьями Белинского и Чернышевского, увлекалась стихами Некрасова и очерками Салтыкова-Щедрина и прислушивалась к «Голосу» Герцена. Этим «штурманам будущей бури», по выражению Герцена, художник посвятил свое творчество, создав немало волнующих произведений.

В России в конце 70-х и начале 80-х годов произошли события, привлекшие внимание не только третьего отделения жандармерии, но и передовых революционно настроенных людей.

Все говорили о покуше-

нии Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова, об убийстве шефа жандармов Мезенцева С. Кравчинским.

На эти события откликнулись Репин, Ярошенко, Маковский и другие художники.

Образы революционеров-разночинцев, передовой студенческой молодежи занимают центральное место в творчестве Ярошенко. О тесной связи художника с молодежью В. В. Стасов писал:

«Этого художника можно назвать по преимуществу портретистом современного молодого поколения, которого натуру, жизнь и характер он глубоко понимает, схватывает и передает. В этом главная его сила».

Художник хорошо знал и любил молодежь, видел в ней надежду — залог большого будущего, без которого настоящее теряет смысл и значение. Молодежь называла его «своим художником».

Появление революционной молодежи, вставшей на борьбу с самодержавием, было характерным явлением в русской жизни второй половины XIX века. Представители такой молодежи — студенты и курсистки — часто служили Ярошенко моделями к его картинам. Заслуживают большого внимания такие его произведения, как «Студент», «Курсистка», «У литовского замка», «Причины неизвестны» и другие.

* * *

«Студент» — это не буржуазный студент в мундире, а студент-демократ, который входил в политические кружки, испытав тюрьму и ссылку, студент, который связан с движением народных масс.

В историю русского искусства «Студент» вошел как один из типических образов русской передовой молодежи, увлекавшейся идеями революционного народничества. В этом образе сочетается мысль о единстве интересов учащейся молодежи и народа.

За углом большого дома, на фоне серой стены, изображен портрет молодого человека. Он одет в черное пальто, на плечах плед, а на голове широкополый фетр. Из-под него на зрителя пытливо, настороженно смотрят черные глаза. Лицо студента бледное, худощавое, с жиденькими усами и бородкой.

Выражение лица и глаз, в которых сквозит ненависть и убежденность, говорят, что он революционер. Но все было так умно и тонко скомпоновано Ярошенко, что цензура стала в затруднение и не знала, что предпринять? Было ясно выражено, кто изображен, но доказать невозможно, и «революционера» оставили на выставке привлекать внимание и симпатии зрителей, и особенно молодежи.

«Студент» написан с Филиппа Антоновича Чирко, выходца из рабочей среды. Чирко — иконописец. С 1879 года учился в Академии художеств и за успехи добился малой золотой медали.

Ярошенко, заметив этого человека, нашел его интересным и очень подходящим для своей картины «Студент», так как именно такие студенты и были в то время.

В творческом наследии Ярошенко обращает внимание обилие картин, посвященных изображению женской молодежи.

В 70-е годы женский вопрос был одним из центральных, острых вопросов современности. В это время особенно горячий отклик в русском обществе находили мысли Н. Г. Чернышевского об освобождении женщины, ее равноправии.

В России появился новый тип русской женщины, включившейся в борьбу против самодержавия, обездолившего и угнетавшего ее.

И впервые в русском искусстве появились образы передовых русских женщин «курсисток», созданных Н. А. Ярошенко.

В царской России девушке трудно было получить высшее образование. И все-таки стремление быть полезной людям побеждало. Одни шли учить и сеять разумное, доброе, вечное, другие — лечить, облегчать страдания простым людям, третьи принимали участие в революционном движении.

Художник горячо приветствует стремление женщин быть на арене общественной деятельности. Он много работает над образом девушки-курсистки, которая стремилась к свету, знаниям, труду.

* * *

Наблюдая за жизнью учащейся женской молодежи, Ярошенко создает свою прославленную «Курсистку». Тысячи таких, именно таких «курсисток» наполняли тогда Петербург, чтобы учиться, иметь знания, самостоятельное положение в обществе.

«Курсистка» появилась на XI Выставке передвижников в 1883 году и вызвала у зрителей широкий интерес и уважение к изображенной девушке. Глеб Успенский особенно высоко оценил эту картину, ее художественное и, в первую очередь, общественное значение.

Лишь Крамской, который видел первую «Курсистку» еще в мастерской художника, не согласился с изображенным. Он нашел, что «Курсистка» слишком женственна и хрупка, она не передает и не выражает собой идеи современного женского движения.

Н. А. Ярошенко, выслушав замечания Крамского, признал их верными и убедительными, написал новый вариант этого произведения, который и был выставлен на XI Передвижной художественной выставке.

Первый вариант этой картины является портретом В. Г. Успенской (Полтавский областной музей). Второй вариант «Курсистки» Ярошенко написал с Анны Константиновны Чертковой, жены писателя и издателя Владимира Григорьевича Черткова, друга Л. Н. Толстого.

Картина изображает обычный для Петербурга осенний туманный день. Прошел дождь, лужи на тротуаре, с серебристым отражением на влажном асфальте. Серая дымка воздуха с легким силуэтом больших зданий, и на всем этом фоне петербургского пейзажа быстрой, торопливой походкой шагает юная девушка с целеустремленным выражением и думами на лице. Во всем ее облике честность, трудолюбие, пламенная вера в лучшее будущее. Подстриженные волосы и мужская шапочка. Под накинутым пледом видны книги. Внешний облик говорит о том, что она является представительницей разночинной демократической молодежи. Обаяние молодости, скромность, светлый ум делают курсистку привлекательной.

Этому милому произведению Глеб Успенский посвятил очерк «По поводу одной картины», напечатанный в «Отечественных записках» (1883 г.).

Картина «Курсистка» экспонировалась на выставке Русского искусства в Америке. В 1959 году в Лондоне и в 1960 году в Париже, во время визитов Н. С. Хрущева, были открыты выставки русского классического и советского изобразительного искусства. Среди многих картин постоянный и неизменный успех у зрителей имела и картина Ярошенко «Курсистка».

Образ «Курсистки» художник развил дальше, написав картину «У литовского замка» (литовский замок — это тюрьма в Петербурге). Первоначально Ярошенко назвал ее «У тюрьмы». В ней также одним из первых русских художников Ярошенко создал убедительный, мужественный, волевой образ русской женщины-революционерки, сыгравшей положительную роль в народно-освободительном движении 70—80-х годов прошлого века.

Обращает на себя внимание лицо молодой революционерки. Она смотрит на верхние окна тюрьмы. В ее мужественном профиле много энергии, внутренней напряженности, смелости и готовности к подвигу. Живой взгляд выразительных глаз, вдохновенное энергичное лицо говорят об активном, действенном герое. Смелая, мужественная и волевая революционерка в костюме курсистки пришла во двор знаменитой петербургской тюрьмы, чтобы выполнить принятое решение.

Замысел композиции не случаен. Он навеян громким процессом Веры Засулич, которая стреляла в градоначальника Петербурга Трепова.

Первого марта 1881 года террористами-народовольцами был убит Александр II. По случайному стечению обстоятельств, именно в этот день открылась IX Передвижная выставка, на которой были выставлены большой холст «У литовского замка» и вместе с ним — картина «Старое и молодое».

Эти две картины также связаны с революционным движением тех лет. Газета «Порядок», обобщая их, пишет: «Между ними есть внутренняя связь и что девушка, слушающая в одной картине юношу, та же самая, которая выжидательно смотрит в верхнее окно тюрьмы».

Художественные идеи, проводимые в картинах Николаем Александровичем, вызывали у его близких тревогу и опасения за его личную безопасность.

Царское правительство видело в Ярошенко неблагонадежного художника. Когда в 80-х годах велись переговоры с великим князем Михаилом Александровичем о том, чтобы Ярошенко дать особое поручение по службе, князь возразил: «Ведь какие картины он пишет! Он просто социалист! Он не наш».

Художник Ярошенко был обвинен в том, что в образе курсистки изобразил одну из революционерок Веру Засулич или Софью Перовскую. Полицейские власти убрали картину с выставки, а сам художник был несколько дней под домашним арестом.

К картине «У литовского замка» художник тщательно готовился, собирая необходимый этюдный материал. Об этом свидетельствуют сохранившиеся рисунки и наброски, глубокие по своей психологической характеристике.

Смелый показ политической темы в образе женщины-революционерки, готовой идти на все во имя принятой идеи, высоко поднимает значение творчества художника.

После написания картины «У литовского замка» за художником установилась слежка, а цензура к каждой его картине относилась крайне подозрительно и придирчиво.

По поводу этой картины Ярошенко был «приглашен» на беседу к самому министру внутренних дел Лорис-Меликову. И на вопрос Меликова к Ярошенко: ведь вы не только художник, но и офицер царской армии, зачем вы писали в картине образ революционерок Веры Засулич и Софьи Перовской, Ярошенко ответил:

— Ни ту, ни другую я не писал. Не писал потому, что не был с ними знаком, а если бы я был знаком, то наверное написал бы с удовольствием, так как это такие личности, на которых нельзя не обратить внимания.

* * *

Нельзя обойти молчанием картину «Старое и молодое», находящуюся ныне в экспозиции Государственного Русского музея Ленинграда. В этом произведении Ярошенко, как и во всех своих произведениях, не изменяет правде жизни. Он передает в ней типические образы, ярко выражающие сущность данного социального явления.

Время работы над картиной падает как раз на те годы, когда Россия прошла через революционную ситуацию, которая не завершилась революцией. В картине «Старое и молодое», написанной в 1881 году, художник выступает как обличитель старого мира.

Известно, что нарождающееся новое настойчиво пробивало себе доро-

гу, не сдаваясь под нажимом реакции. А отсюда идейное значение этого произведения — показ борьбы нового со старым, стремление художника вселить уверенность в неизбежность победы нового, прогрессивного, над уходящим, угасающим старым.

Картина скомпанована очень оригинально. На полотне изображена сцена спора отца с сыном. Вся композиция картины построена на резких цветовых контрастах и противопоставлениях света и тени, что дает возможность художнику усилить впечатление борьбы двух идей.

Старик отец, умудренный жизненным опытом, указывая на книги, лежащие на столе, как на старые книжные истины, резко возражает, яростно защищая свое старое.

Правая рука молодого и вся его фигура даны художником в стремительном движении вперед. Сын приводит убедительные доводы о нарождающемся новом времени. Его страстная, взволнованная речь тому подтверждение.

Спор давно уже принял политический характер. Отец, подавшись немного вперед, сам прислушивается к новым мыслям и новым идеям. Молодой наступает. Больше всех полна внимания младшая сестра. Она, будущая курсистка, сидит за спиной отца и всем своим существом сочувствует брату. Для нее такая речь является настоящим откровением, она с жадностью ловит каждое слово, скрывая свое волнение. Полуоткрытый рот, решительный взгляд горящих глаз, залитые румянцем щеки говорят о том, что она может, должна совершить смелый, благородный подвиг во имя будущего. Лишь одна мать, не принимая участия в разговорах и смирившись с этим, сидит за столом у светильника, раскладывая пасьянс.

Художнику особенно удался образ сестры. (Этюд находится в музее Н. А. Ярошенко.)

Как в предыдущих, так и в этой картине Ярошенко сумел передать характерные черты передовой русской молодежи, социально-положительный образ молодого человека своего времени.

* * *

...История появления картины «Причины неизвестны» не случайна. Когда в газете появилось сообщение о курсистке, которая после обыска покончила с собой, Ярошенко под большим впечатлением подобных частых случаев не мог молчать и взялся за написание картины, выразив этим гневный протест против насилия власти.

На полотне изображена полутемная, бедно обставленная комната. Среди беспорядка, вызванного «непрошенными гостями», на постели лежит отравившаяся девушка-курсистка. Обстановка комнаты ясно говорит о том, что самоубийца принадлежит к революционной учащейся молодежи.

Быть может, она не вынесла оскорбления, а может быть, сознание то-

го, что в ее шкатулке нашли письма, которые принесли гибель близкому и дорогому ей человеку, заставили ее пойти на самоубийство.

На столе подсвечник с догорающей свечой, подсказывающей, что жандармы были ночью. Но вот нарождается новый день. Сквозь шторы, неплотно сдвинутые, в окно пробивается бледный свет туманного серого утра. Этот свет усиливает картину, освещает всю фигуру девушки и хорошо выраженную безжизненно спущенную руку. На полу пузырек с ядом, изорванная бумага и пустой стакан на столе. Такая немногословность в композиционном решении полотна волновала очень многих зрителей, но особенно сильное впечатление картина произвела на молодежь. Произведение вызывало у молодежи глубокое сочувствие к жертвам самодержавного строя, возмущение и ненависть деспотизмом и произволом царских опричников.

Картина «Причины неизвестны» является смелым осуждением общественного строя, приводившего к гибели и самоубийству лучшую русскую молодежь.

«Причины неизвестны» написана по «горячим следам жизни курсистки». Подруги умершей впопыхах прибежали к «своему художнику» и упросили набросать ее портрет», — пишет М. Неведомский в своей статье о Ярошенко.

К числу картин о молодежи следует отнести «Арест пропагандистки», «Сестра милосердия», «Прогрессистка», многие портреты «неизвестных» студентов.

Произведения Ярошенко, отображающие передовую революционную молодежь того времени, бесспорно, составляют одну из лучших страниц изобразительного искусства.

Курсистки и студенты Ярошенко — простые, глубокие натуры, живая и деятельная молодежь, задумывающаяся над самыми серьезными проблемами жизни. Эти произведения Ярошенко играли революционизирующую роль в русском обществе, вдохновляли на борьбу его лучших представителей. Никто из художников не сумел сделать эти образы такими убедительными и глубокими, как Ярошенко. Все они были написаны художником с натуры, с живых участников событий.

И если такие произведения Ярошенко, как «Курсистка» и «Старое и молодое», говорили об участии революционной молодежи в теоретических вопросах, то в картинах «У литовского замка» и «Студент» художник показал их в действии.

Тема о молодежи находит в творчестве Ярошенко свое полное выражение и содержит историческую и познавательную ценность.

* * *

Десятилетний период наивысшего расцвета и зрелости творческой деятельности Ярошенко завершается картиной «Всюду жизнь».

Над этим произведением художник много потрудился, о чем свидетельствуют эскизы, рисунки и этюды к картине. Один из последних эскизов к этой картине можно видеть в музее Ярошенко в Кисловодске (эскиз передан музею московским художником М. В. Маториным).

Ни одна из картин Н. А. Ярошенко не получила такого широкого распространения в репродукциях, графических оттисках, открытках, иллюстрациях, как «Всюду жизнь». Это самое популярное произведение художника.

Волнующая и трогательная сцена, изображенная на полотне, не является случайной. Художник сам был свидетелем этой сцены на одной из железнодорожных станций во время своих частых путешествий.

Картиной «Всюду жизнь» художник-гражданин заявил народу, что за решеткой вагона не злодей и не преступник, а лишь жертвы самодержавного строя царской России, которых загнали в тюремный вагон бесправие, произвол и тяжелая жизнь.

Композиция картины интересна, оригинальна. Ярошенко срезает все лишнее, ненужное: сверху, снизу, слева и справа. Он обращает внимание зрителя на самое главное и существенное — на окно арестантского вагона. К окну вагона вписан кусочек железнодорожной платформы, и все объединяется слетевшимися на платформу голубями. Когда смотришь на такое вертикальное построение композиции картины, то она представляется как бы выхваченным из жизни отдельным кадром.

В окне вагона старик крестьянин, солдат, рабочий, молодая мать с ребенком на руках. Ребенок бросает крошки хлеба слетевшимся голубям, а взрослые добродушно наблюдают эту милую картину—сцену кормления. На лицах людей написано выражение трогательного и грустного раздумья, охватившее их при виде свободных птиц на платформе.

За решеткой сгрудились разные по возрасту, но объединенные общей участью люди. А на воле свет, солнце. Злобы на лицах не видно, но сколько внутренней душевной красоты! Они любуются жизнью. Присутствие маленького, ни в чем неповинного ребенка и его матери, глубоко погруженной в размышления, усиливает впечатление происходящего.

Художник наделяет своих героев чертами доброты, раскрывая хорошие, подлинно человеческие душевные качества. Моральная высота этих людей, их правота и невиновность подчеркивают произвол царского правительства. Картина вызывает сочувствие к людям, оторванным от жизни. Она будит светлые, гуманные чувства у зрителя.

Это произведение, выставленное на XVI Передвижной художественной выставке в Обществе поощрения художеств в Петербурге в 1888 году, вызвало особый интерес у зрителей. Слышались восторженные голоса у картины:

— Женщина. У нее лицо изумительное. И где только Ярошенко разыскал такую модель?

Позировала художнику детская писательница Стефания Степановна Караскевич-Ющенко. И это не случайно. Она являлась гарибальдийкой и принимала участие в освободительном движении Италии.

«Николай Александрович Ярошенко долго не показывал нам эту, еще не оконченную картину,— вспоминает А. Менделеева, жена ученого,— и когда я его как-то спросила: «Что вы пишете?» — художник со свойственной ему тонкой улыбкой ответил: «Мадонну».

Модель всегда бессознательно участвует в творчестве художника, и всегда испытываешь восторг, когда слышишь одобрение создателю этого замечательного произведения.

Лучший и близкий друг Николая Александровича художник Михаил Васильевич Нестеров написал об этой картине волнующие слова: «Какой отдых усталой душе! Но вот поезд тронулся, голуби с шумом отлетели, и потянулись дни, недели, быть может, месяцы тяжелой, однообразной, подневольной жизни, до самого «места назначения».

Этим произведением художник осуждает социальный строй царской России и в то же время выражает торжество жизненных идей, прокладывающих себе пути.

В 1889 году Л. Н. Толстой при осмотре Третьяковской галереи обратил внимание на картину Ярошенко «Всюду жизнь» и, восторгаясь ею, говорил:

«...Какая чудная вещь! И как она говорит вашему сердцу... Вы отходите от картины растроганным... Вот как должен действовать на вас художник,—и продолжает:—По моему мнению, все же лучшей картиной, которую я знаю, остается картина художника Ярошенко «Всюду жизнь».

«Какой чудесный, какой глубокий сюжет! Какая сцена! Какие типы! Великолепно!»— восклицал В. В. Стасов.

Считаю уместным поместить письмо и стихи поэта Марка Лисянского, посвященные картине «Всюду жизнь».

14 апреля 1962 г.

Дорогие товарищи!

Посылаю мое стихотворение «Я люблю картину Ярошенко» в музей, о котором я недавно узнал. Я люблю этого художника, этого человека.

Написал я стихотворение в Бресте, куда ездил в связи с работой над поэмой «Петя Клыпа».

Стихотворение опубликовано в книге «День поэзии» (1961 г.) и будет помещено в моей книге «Здравствуй!», которая выйдет в Изд. «Сов. писатель» в конце этого года.

С уважением Марк Лисянский.

Дому-музею

Николая Александровича Ярошенко.

Я люблю картину Ярошенко
«Всюду жизнь». Люблю ее давно.
Посмотрите: вот глядит с простенка
Мальчик сквозь тюремное окно.
Вспомнив на минуту,
Не забудьте,
Как мальчонка, улыбаясь нам,
Смотрит сквозь заржавленные прутья
И бросает крошки голубям.
А вокруг ребенка арестанты
С добрыми морщинами у глаз,
Жизнелюбы, мастера, таланты,
Чьи шедевры не дошли до нас.
Жизнь им застилала ясны очи,
Убивала — не могла убить.
А они ее любили. Очень!
Завещали нам ее любить.

Лучшим критерием творчества Ярошенко явилась оценка В. И. Ленина.

Владимир Ильич любил его картины, высоко ценил творческий и гражданский подвиг художника. Об этом свидетельствует выступление члена КПСС с 1905 года М. Л. Сулимовой, опубликованное в газете «Пионерская правда» от 10 января 1958 года. Вот о чем говорила М. Л. Сулимова:

«Я расскажу вам о случае, который произошел с Лениным в Петрограде во время его последнего подполья, на квартире у М. В. Фофановой. Владимир Ильич скрывался под именем Константина Петровича Иванова. Однажды Маргарита Васильевна купила несколько открыток, чтобы послать их своим детям.

— Константин Петрович, посоветуйте, пожалуйста, какую открытку мне выбрать для детей,— спросила она у Ильича.

Ленин перебрал все открытки и сказал:

— Вот эту!

На открытке был изображен тюремный вагон; за решеткой — рабочий, его жена с изможденным лицом и ребенок, который кормит голубей. Это была картина Ярошенко «Всюду жизнь».

— А знаете, кем был Ярошенко? Царским офицером. Но сходите в Третьяковку, посмотрите на его картины, и вы скажете, что человек, который рисовал поселенцев, курсисток, каторжников, был нашим человеком.

За это и ценил его Ильич. Интересно, что после победы Октября в Кисловодске, где похоронен Ярошенко, по указанию Ленина был поставлен обелиск в честь художника.

Видите, друзья, каким был наш Ильич! При всей своей занятости он не забыл о художнике, который приносил людям пользу».

А вот что пишет Маргарита Васильевна Фофанова, из квартиры которой, как известно, 24 октября 1917 г. Владимир Ильич Ленин ушел в Смольный, чтобы стать во главе вооруженного восстания Петербургского пролетариата.

«... Владимир Ильич очень любил и хорошо знал живопись. У меня на письменном столе лежала открытка с репродукции картины художника Ярошенко «Всюду жизнь», я решила послать ее своим ребятам. Владимир Ильич увидел открытку и говорит:

— Вот замечательный художник!

А кто такой Ярошенко, я по-настоящему не знала. Он мне рассказал его биографию.

— Подумайте, это кадровый военный человек, и, представьте себе, какой он прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!

Я вытаскиваю из своего письменного стола еще одну открытку с репродукцией картины Ярошенко «Заключенный». Владимир Ильич говорит:

— Прекрасно! Когда будем хозяйничать, чтобы не забыть. Такому человеку надо отдать дань».

Картина «Всюду жизнь» всегда находилась на идейном вооружении политических наравне с нелегальной литературой.

В музее Н. А. Ярошенко экспонируется открытка с репродукции картины «Всюду жизнь». Ее передали музею политкаторжане Сахаровы, проживающие ныне в г. Пятигорске по улице Урицкого, в доме № 56. Хранили они ее 50 лет.

— Открытки с репродукции картины Ярошенко «Всюду жизнь» мы храним, как самую дорогую реликвию своей политической деятельности. Эта маленькая открытка помогала нам вести агитацию среди солдат, рабочих и среди народов различных национальностей, — ингушей, кабардинцев и других. Открытка находилась у нас на идейном вооружении наравне с нелегальной литературой Белинского, Чернышевского и других писателей-демократов. Иной раз словами так не скажешь, как скажет эта маленькая открытка.

За любую брошюру или найденную листовку гнали на каторгу. Царские сатрапы не подозревали сущности воздействия этих открыток, а она помогала нам вдвойне; мы обязаны ей многим в своей трудной конспиративной работе. К тому же открытка «Всюду жизнь» напоминала нам собственную участь. В ней много общего с тем, что было нами пережито, все так правдиво и жизненно написано.

ПОРТРЕТНАЯ ЖИВОПИСЬ

Подметить индивидуальные особенности человека, разгадать характер, уловить его черты, раскрыть внутренний мир — свойства портретиста, которыми должен обладать настоящий художник.

В дневнике писателя Достоевского по этому поводу имеется следующая запись:

«...Художник-портретист должен настойчиво отыскивать «главную идею физиономии», ловить тот момент, когда человек становится самим собой, невольно выражая свое внутреннее состояние, свои чувства и мысли. В умении «приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

Ярошенко умел передавать самые сокровенные чувства человека, выражающиеся не только в лице, но и в малейшем движении рук, в сцепленных пальцах, в улыбке, грусти и скорби. Чутким сердцем и внимательным взором он умел проникать в их души.

В портрете так же, как и в других жанрах, Ярошенко ставит на первый план содержание, отличительной чертой которого являются выразительность, вдумчивость и правдивость характеристики.

Дар психолога и наблюдателя, глубокий интерес к личности, долголетняя дружба с передовыми людьми своего времени помогли художнику создать замечательную портретную галерею выдающихся деятелей русской науки, литературы и искусства. Им написано около ста портретов с Г. И. Успенского, П. А. Стрепетовой, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. И. Менделеева, А. Н. Плещеева, В. М. Гаршина, Н. Н. Ге, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, И. И. Шишкина, В. Г. Короленко и других.

«Психологический анализ едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту»,— говорил Чернышевский. Знание психологии, по его мнению, драгоценно потому, что дает «прочную основу для изучения человеческой жизни, для разгадывания характеров и пружин действия». Эти слова Чернышевского были очень близки творческому исканию художника Ярошенко, считавшего общественным долгом изображать в своих картинах-портретах лучших современников, которых художник хорошо знал, любил и высоко ценил.

Отличительная черта портретов, написанных Ярошенко, — глаза. Они как бы разговаривают со зрителем: смеющиеся глаза ребенка, мечтательно устремленный взгляд юноши, серьезно-сосредоточенное лицо ученого, задумчивые и грустные глаза писателя, скорбные глаза страдающего человека, вдохновенное состояние людей искусства.

В ряде психологических портретов художник показывает высокие моральные и интеллектуальные черты лучших его современников, раскрывает присущее им чувство национальной гордости.

В поисках создания типического образа в портретных работах Ярошенко шёл по пути своего учителя Крамского. Пожалуй, основная разница, противоположность их искусства состоит в том, что Н. А. Ярошенко в большей степени, чем И. Н. Крамской, подчеркивает социальную характеристику изображаемого им человека.

В 1876 году художник пишет портрет своего учителя и идейного воспитателя И. Н. Крамского (находящийся в экспозиции Государственного Русского музея Ленинграда).

О душевной близости этих замечательных вожаков-идеологов, передвижников, людей твердых убеждений, серьезных и глубоких взглядов и понимания задач искусства, говорит и тот факт, что оба художника не раз писали друг друга, между ними существовала деятельная переписка.

В портрет Крамского Ярошенко вложил всю теплоту своих чувств, признательности и уважения к своему учителю и идейному воспитателю. Основой творческого замысла портрета является стремление передать образ художника-борца.

Крамской показан человеком твердой воли, острого, пытливого ума. Он изображен в действии (это наиболее типичная, присущая Крамскому поза).

Резкий поворот головы в сторону зрителя. Он как будто остановился, а перед этим только что горячо и убежденно говорил, доказывал, разъяснял, расхаживая по комнате, жестикулируя и осуждая. Хорошо выраженный пристальный, проницательный взгляд его серых строгих глаз устремлен на противника. От такого взгляда «не спрячешься». Все в нем говорит о выдержке, твердости и непоколебимости. Поворот фигуры передает движение, которое подчеркивается легкой небрежностью расстегнутого пиджака. Одна рука в кармане, а в другой, как будто только что остановившейся в споре, погасла давно забытая папироса. Светлый, холодный по тону костюм хорошо вписан в теплый темно-красный фон.

Глядя на портрет Крамского, трудно судить, похож ли он, присуща ли ему такая поза, но в сознании зрителя он остается именно таким — художником, гражданином, борцом за новое реалистическое искусство.

Портрет Крамского писали многие художники, и только Ярошенко удалось создать образ, который по художественным достоинствам и силе выразительности не уступает таким портретам, как портрет Достоевского, написанный Перовым, Мусоргского Репиным и Шишкина Крамским.

Одним из самых выразительных женских портретов в живописи передвижников является портрет любимицы передовой русской демократической интеллигенции актрисы Пелагеи Антипьевны Стрепетовой. Он является шедевром русского реалистического портрета как по силе психологического выражения, так и по своему общественному звучанию.

Ярошенко вложил в портрет глубокий общественный смысл, выразив в нем не только личную драму актрисы, но и скорбь за судьбу своего народа, за судьбу и участь русской женщины.

Образ Пелагеи Антипьевны удался художнику. Он очень скромен, строг, но полон огромной мысли, глубокого переживания и печали, что хорошо передано в широко открытых скорбных глазах и сомкнутых губах. Ярошенко раскрыл в портрете душу актрисы, показал ее внутреннее благородство.

Играя в Александринском театре, актриса Стрепетова создавала такие впечатляющие образы, которые служили обвинительным актом современной жизни. Это она своей игрой заставляла зрителей глубоко задуматься над теми муками и страданиями, которые власть имущие приносили простым людям. Стрепетова часто бывала у Ярошенко на Сергиевской, «отводила душу»...

В этом портрете нет ничего театрального, зрелищного. Художник написал актрису в полурост. Худенькая, бледная, некрасивая и даже не миловидная изображена Стрепетова в темной одежде. Ее оживляют белые кружевные манжеты и такой же воротничок. Бессильно опустив руки с крепко сплетенными пальцами, она смотрит на зрителя осуждающим взглядом. Широко открытые темные, печальные, выразительные глаза с особой силой говорят о глубине переживаний. Тяжелый платок на плечах скрывает сгорбленность фигуры.

Когда смотришь на такое композиционное решение портрета, то представляешь, что это обвиняемая дает на суде свои показания, уверенно и спокойно отстаивая правоту.

Портрет Стрепетовой, написанный Ярошенко, не только человеческий документ, но и законченный художественный образ, превосходное живописное произведение.

Глубину идеи, заложенную в портрете, не мог не отметить такой тонкий мыслитель, как Крамской. Он писал: «Когда мы все сойдем со сцены, то я решаюсь пророчествовать, что портрет Стрепетовой будет останавливать всякого... всякий будет видеть, какой глубокий трагизм выражен в глазах, какое безысходное страдание было в жизни этого человека, и зритель будущего скажет: «И как все это искусно приведено к одному знаменателю, и как это мастерски написано! Несмотря на детали, могущество общего характера выступает более всего».

Скупой на похвалу и трезво рассудительный П. М. Третьяков говорил: «Стрепетова очень хороша; это тип, но не портрет».

Портрет Стрепетовой признан одним из самых поразительных женских портретов в живописи передвижников.

Портрет экспонировался на XII Передвижной выставке, был поставлен зрителями на первое место, затмив другие произведения Ярошенко.

Близким к портрету Стрепетовой является портрет писателя Глеба Ивановича Успенского, написанный Ярошенко в 1884 году.

Образ Стрепетовой, передававшей на сцене трагическую судьбу русской женщины в условиях царской России, и образ писателя, создавшего проникнутые глубоким трагизмом очерки и рассказы о мрачной российской действительности, были духовно едины, родственны. Именно эти черты и позволяют считать их близкими.

Лучший представитель демократической литературы, страстно обличавший капитализм, один из самых популярных писателей на Руси, Г. И. Успенский получил за свое творчество высокую оценку В. И. Ленина.

«Глеб Успенский,—писал Ленин,—одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию».*

Прочность долголетней дружбы писателя и художника покоилась на основе их идейной близости, их революционного просветительства.

Портрет написан в сдержанной, мягкой гамме. Писатель сидит в спокойной, присущей ему позе. Фигура наклонилась вперед, голова чуть склонена на грудь. На коленях лежат красиво написанные сложенные руки, одна из которых, правая, устало опустилась, держа папиросу. Взгляд широко открытых умных, внимательных глаз, пристальный, печальный. Погруженные в грустные раздумья, эти глаза смотрят вопросительно, выжидающе.

Примечательно, что портрет Г. И. Успенского появился на XII Передвижной выставке в 1884 году и был показан вместе с «Не ждали» И. Репина, «Неутешным горем» И. Крамского и другими замечательными произведениями русских художников. Он пользовался постоянным вниманием и неизменным успехом у зрителей. Все сделано с такой силой выразительности, что этот портрет считается лучшим из имеющихся портретов писателя.

В 1887 году Ярошенко написал замечательный портрет великого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Портрет является большой творческой удачей художника. Он был выставлен на XV Передвижной художественной выставке и после, как ни странно, к удивлению всех, бесследно исчез.

В этом портрете Ярошенко передал выразительную характеристику писателя революционера-демократа, «судьи своего века». Он сидит в кресле в халате, с накинутым пледом на плечах. Хорошо переданы худое измученное лицо, высокий лоб, суровые, осуждающие глаза писателя, их непри-

---

* Ленин о литературе, стр. 161, Изд-во «Художественная литература», 1941 год.

миримый, непреклонный взгляд. Пафос общественного служения, выраженный в портрете, был отмечен А. В. Луначарским в статье, посвященной 100-летию со дня рождения писателя: «Какая суровость, какие глаза судьбы! Какая за всем этим чувствуется особенная твердая, подлинная доброта! Как много страдания, выразившего морщины на этом лице, поистине лица подвижника!..

Вы не думайте, что этот человек с колючими глазами и судья со скорбным ртом будет Вам читать тяжелые, хотя и режущие проповеди, — нет, это человек неистощимой веселости и блестящего остроумия... мастер такого смеха, смеясь которым человек становится мудрым».

В этом портрете художник достигает настоящего мастерства. Композиционная скромность, живописная сердечность и душевная нежность придают портрету громадную силу. Чтобы так написать, необходимо было то созвучие душ, которое и существовало между писателем и художником.

На той же XV Передвижной выставке, в том же 1887 году, вместе с портретом Салтыкова-Щедрина был выставлен портрет друга Ярошенко — поэта А. И. Плещеева. В молодости А. И. Плещеев являлся одним из ярких представителей кружка петрашевцев.

Царское правительство жестоко расправилось с ним. Плещеев был лишен дворянского звания, имущественного состояния и сослан в Оренбургский край рядовым солдатом. Поэт повторил печальную участь Т. Г. Шевченко.

Возвратившись из ссылки в 1872 году, Плещеев вновь активизировал свою деятельность. Он руководил отделом поэзии в журнале «Отечественные записки». Последние годы его жизни были омрачены материальной нуждой, напряженным литературным трудом, болезнью. Вот таким мы и видим его на изображенном портрете.

Умное, благородное лицо с большими седыми волосами и белой пушистой бородой красиво сочетается с нейтральным фоном, темным костюмом и красным креслом. Правая рука облокотилась на ручку кресла, пальцы худощавых рук соединены в привычном сплетении. В глазах затаилось страдание, как отклик писателя на окружающее зло, угнетавшее поэта в период реакции 80-х годов.

Молодежь очень любила поэта, находя в нем постоянную опору и поддержку на литературном пути и последовательного защитника своих интересов. Не случайно юноши и девушки называли его своим «падре». Портрет находится в экспозиции Харьковского государственного художественного музея.

В самом начале 90-х годов Н. А. Ярошенко пишет портрет проповедника гуманистических идей, выдающегося художника Н. Н. Ге — автора известной в народе картины «Петр I и Алексей» — и превосходный портрет Герцена.

Ярошенко показал Ге как художника-мыслителя. Он только что отор-

вался на некоторое время от начатого холста, присел к столу. Подавшись немного вперед и подняв лицо, озаренное глубокой мыслью, Ге смотрит вопросительно на зрителя. В правой стороне портрета видна в подмалевке его картина «Что есть истина». С этим же вопросом, решающимся на картине, и обращается Ге к зрителю. Художник Ге не сомневается в торжестве истины, он настойчиво и последовательно следует к ней.

Изображенные детали на портрете — книга, лежащие на ней очки, оставленный на начатом холсте муштабель и маленькая палитра на полу у картины — не лишают смыслового значения портрета, а, напротив, дополняют, раскрывая его сущность. Лицо Ге написано широко и сочно. Оно живописно. Ярошенко удалось создать светлый образ художника-гуманиста, оптимизм и благородство натуры Ге, что отмечали все близко знавшие его люди.

Являясь признанным мастером портрета, Ярошенко все внимание сосредотачивал на передаче лица и рук, не интересуясь окружающей обстановкой. Но есть примеры, когда художник прибегал к характеристике портрета посредством вещей и окружения. Таким является портрет Д. И. Менделеева.

В конце 70-х годов стали популярными «менделеевские среды», неизменным участником которых был Ярошенко.

Д. И. Менделеев живо интересовался изобразительным искусством. На «средах» собирались крупнейшие деятели русского искусства, среди них были: Репин, Крамской, Стасов, Ярошенко, Куинджи и другие. В одном из разделов в квартире-музее Д. И. Менделеева экспонируется стенд, на котором размещены: слева — большая фотография художника И. Н. Крамского, справа,— такого же размера,— Н. А. Ярошенко. Этих двух художников Менделеев высоко чтил и ценил.

Дружба и общение с Менделеевым породила у Николая Александровича желание написать с него портрет, на что охотно согласился Дмитрий Иванович.

Прежде всего, художник поставил перед собой задачу — показать зрителю великого русского ученого за его любимой работой — химией.

Написан портрет в интерьере, то есть во внутренней части большой комнаты, которая являлась рабочим кабинетом Д. И. Менделеева.

Ученый изображен в рост в своей лаборатории, за конторкой.

Композиционное построение и живописное решение портрета найдены удачно. Вас прежде всего привлекает лицо ученого, его взгляд, устремленный вдаль, его рука, прислоненная ко лбу. Поза выражает глубокую мысль, сосредоточенное состояние ученого.

В портрете имеется интересная деталь: в поднятой руке перо, то самое перо, с которым Менделеев не расставался всю жизнь.

Окружающая обстановка: рабочая конторка, слева — столик с красной скатертью и большим стеклянным сосудом с зеленой, яркой жидкостью,

колбы, различные записи на листках бумаги, книги в цветных переплетах не отвлекают от главного, а, напротив, все это многообразие придает смысловое значение композиционному и живописному строю картины. И во всем этом многокрасочном окружении вас поражает живописная уравновешенность, умелое письмо и правильность тональных отношений.

Этот портрет и поныне находится в квартире-музее Менделеева при Ленинградском Государственном университете и экспонируется на том месте, с которого Н. А. Ярошенко писал портрет.

Привожу историю создания портрета из воспоминаний жены ученого, Анны Ивановны Менделеевой.

Ярошенко писал портрет Менделеева два года. Закончив его, Николай Александрович попросил И. Н. Крамского посмотреть и сказать свое мнение.

— В назначенный день и час,— вспоминает Анна Ивановна,— Иван Николаевич приехал. Долго он смотрел на портрет и на оригинал портрета, потом стал говорить: говорил целый час, не оставив ни одной черты, не обсудив и не критикуя.

Он был строгим, внимательным учителем своего бывшего любимого ученика. Под конец И. Н. Крамской сказал, что Ярошенко может написать лучше и должен это сделать.

Портрет на выставку не был послан. Упросив Д. И. Менделеева, Ярошенко осенью, когда все съехались, вновь стал писать, и к весне портрет был написан и вывешен в кабинете Менделеева, где находится и поныне.

В одном из писем к Д. И. Менделееву Николай Александрович писал: «Многоуважаемый Дмитрий Иванович! Дни стоят чудесные. Если в субботу Вы свободны, то не приедете ли постоять на натуре. Буду ждать Вас до 12 часов, если к этому времени Вы не будете — буду знать, что Вы заняты...

В случае тумана или очень темного дня, разумеется, приезжать не стоит.

Преданный Вам Н. Ярошенко".

Дмитрий Иванович очень любил Ярошенко за его умные суждения. Он был лучшим собеседником. Анна Ивановна Менделеева вспоминала:

«Редким качеством обладал Ярошенко. Он умел слушать. Когда уже не было его на свете, Дмитрий Иванович сказал как-то одному из наших знакомых: «Год жизни отдал бы, чтобы сейчас сидел тут Ярошенко, чтобы поговорить с ним».

Николай Александрович выразил желание написать сына Д. И. Менделеева, пятилетнего Ваню. Он изображен в натуральную величину. Портрет с Вани считается лучшим из детских портретов.

Много позднее Ярошенко сделал еще портрет Дмитрия Ивановича акварелью. Он изображен в красной докторской мантии Эдинбургского уни-

верситета с синими шелковыми отворотами, в черном бархатном берете. Повышенное цветовое пятно костюма не отвлекает от главного — от лица ученого, в этом особенность портрета. Костюм, по английскому обычаю, Дмитрий Иванович должен был надевать в Англии на торжественных собраниях.

Менделеев выглядит русским мудрецом-чародеем; лицо спокойное, с устремленным взглядом в сторону. Он как бы прислушивается к собственным мыслям, обращается к новой дерзновенной мечте.

Акварель Ярошенко приобрел П. М. Третьяков, она и поныне находится в экспозиции галереи его имени.

О местонахождении портрета Н. П. Симановского, выполненного Н. А. Ярошенко, мне стало известно со слов внучки Симановского — Ольги Александровны Поповой.

Николай Петрович Симановский являлся первым в России основателем клиники уха, горла, носа Военно-Медицинской Академии и ее профессором. Н. А. Ярошенко был другом Н. П. Симановского.

У Ярошенко был туберкулез горла, и он ходил к Симановскому довольно часто. Кстати, в отделе хранения рисунков Государственного Русского музея имеется шарж, сделанный Ярошенко по этому поводу: Симановский иглой прокалывает горло Ярошенко.

У Симановского, будучи на нелегальном положении, лечился Владимир Ильич Ленин.

Ярошенко выразил желание написать портрет Н. П. Симановского, который охотно согласился ему позировать. Портрет поколенный, в натуральную величину. Сделан мокрым соусом на бумаге.

В данном случае художник Ярошенко показал себя как великолепный рисовальщик. Портрет хорошо скомпанован, удачно найдена поза, принятая Симановским, свойственная ему манера держаться.

Этот портрет Ярошенко подарил Симановским. Находился он у Надежды Петровны Симановской, родной сестры Николая Петровича, а позднее она передала его в клинику отоляринологии (уха, горла, носа), образованную Симановским, где этот портрет находится и поныне.

Симановский высоко ценил Ярошенко, как большого и умного художника, часто гостил у Ярошенко на даче в Кисловодске.

Ныне при Военно-Медицинской Академии на кафедре отоляринологии имени Воячека В. И. имеется музей Н. П. Симановского. В. И. Воячек—один из лучших учеников Симановского, продолжатель его дела. Недавно В. И. Воячеку присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Умение художника Ярошенко выявлять сущность личности сказались также в портрете выдающегося журналиста и публициста Н. К. Михайловского, сотрудника «Отечественных записок», а позднее редактора самого популярного среди демократической интеллигенции (до распространения идей марксизма) народнического журнала «Русское богатство».

В 1894 году библиографический журнал «Книжный вестник» известил читателей о том, что «художник Н. А. Ярошенко закончил недавно прекрасный портрет графа Л. Н. Толстого». Ярошенко явился четвертым автором портрета великого писателя. Впервые Лев Николаевич Толстой был написан И. Н. Крамским в 1873 году, когда писатель был еще молод, в пору работы над «Анной Карениной».

Через десять лет Льва Николаевича пишет художник Н. Н. Ге — близкий друг Толстого, а И. Е. Репину удалось создать портрет писателя в 1887 году. Николай Александрович, в отличие от всех ранее написанных портретов писателя, создает свой вариант портретного изображения. Он изобразил писателя сидящим в кресле со сложенными на коленях руками. Живописное решение портрета лишено какого-либо эффекта, кисть Ярошенко здесь не широка и письмо не сочно. Спокойная тональная гамма. Ничего резкого, кричащего. Во всем умелая цветовая сдержанность. Глубокий зеленовато-коричневый фон. Темная одежда холодного тона и на всем этом хорошо читается теплое по колориту лицо, мягко вписаны в нем светлые тона бороды, усов и темнеющая голова. Профессиональное мастерство художника здесь на высоте. На худощавом старческом лице Толстого большая озабоченность, углубленность в мир своих чувств и идей. Во взгляде его простых, небольших, открытых серых глаз превосходно выражена внутренняя тревога. Перед нами образ писателя поздней поры. Достоинство этого портрета в правдивом изображении исторической личности Л. Н. Толстого. Ярошенко, как и два его предшественника — Крамской и Репин, — является творцом наиболее удачных портретов великого писателя. Портрет находится в Пушкинском доме Академии наук СССР (Ленинград) и занимает в экспозиции центральное место.

Последним портретом, написанным художником в год своей смерти, так и оставшимся не совсем законченным, был портрет писателя В. Г. Короленко.

Ярошенко и Короленко были земляками, часто встречались в Полтаве, будучи уже популярными в народе.

Живописный почерк портрета резко отличается от предыдущих; Короленко написан широко, свободно и контрастно по освещению. Он правдив.

Портрет находился в Полтаве, занимая центральное место в музее-квартире Короленко. В период немецкой оккупации в музее разместился гитлеровский комендант, который приказал убрать портрет в конюшню, где он и погиб.

В созданной художником Ярошенко портретной галерее выдающихся деятелей русской науки, литературы и искусства сказались дар психолога, острая наблюдательность, глубокая симпатия и уважение к людям, связанным с передовым общественным движением своего времени.

РИСУНОК

Несправедливо обойти молчанием способность Ярошенко как художника-рисовальщика. Наряду с его живописными произведениями мы встречаем у Ярошенко много хороших рисунков, акварелей, эскизов к картинам, шаржей и карикатур. Они представляют большой интерес, как бы являясь творческой лабораторией художника.

Ко всему этому необходимо прибавить его остроту видения умелого рисовальщика. Это еще одна отличительная особенность творчества художника. А рисовальщик он хороший, добросовестный. Автору этой книги представилась возможность просмотреть десятки альбомов с рисунками и акварелями Ярошенко, находящимися в архивах Государственного Русского музея Ленинграда, Киевского музея Русского искусства, Художественного музея Полтавы. Поражает обилие подготовительных работ к картинам, его искания, мышление, настойчивость в достижении цели. Здесь и наброски, и тщательно проработанные рисунки фигур, интерьеров комнат, различных деталей и множество другого, а главное, — искания и еще раз искания композиционных решений для своих картин.

Их масса. Это лучшее подтверждение вдумчивости художника, его проникновения в отображаемые события.

То же можно сказать и о других его работах акварелью. Они великолепны. Особенно портреты. Вот что поистине хочется смотреть, смотреть вдумчиво и долго, чтобы учиться, знать и уметь.

Жаль, очень жаль, что такие сокровища являются достоянием лишь архивов и десятки лет не видят зрителя-народа, для кого создавал художник.

Во всех работах какая лепка формы, какое умение выражать состояние, психологию человека, его характер! Все это поразительно без преувеличения. Если перед вами лицо смеющейся женщины, то вы разделяете ее радость. Видите грусть — сочувствуете, заносчивость — осуждаете. Вы как бы переживаете вместе с художником, участвуете вместе с ним.

Заслуживают внимания рисунки к картинам «У литовского замка» (особенно профили курсисток), «Мечтатель», «Песни о былом» и, наконец,

совсем неизвестные до последнего времени рисунки из альбомов художника: «Бурлак», «Без работы», набросок к «Кочегару», «В каменоломне» для картины из жизни горно-уральцев. Из них особенно интересен рисунок, изображающий старого служивого солдата. Прислонившись к облупленной каменной стене, стоит старый солдат. Одет он в поношенную шинель. Его испитое лицо печально. Всю свою жизнь и силы он отдал на защиту Родины, а на старости лет остался без куска хлеба и крова, одиноким и никому не нужным. Так царское правительство отплатило ему, как и тысячам других, за долгую и верную службу.

Рисунок отличается теплотой и проникновенностью. В нем глубокое сочувствие автора к человеку, почему он и показан лицом к зрителю, и полное неуважение и пренебрежение к проходящему офицеру, изображенному спиной к нам.

Графические пейзажи также отличаются тщательностью, передачей состояния природы. Этикетки с названием искать не надо. Каждая работа говорит за себя. И будь то берег моря, лесная чаща или хаты его родной Полтавы, или зарисовки из его путешествий по России и за рубежом, вы верите художнику. В них искренность и правда.

Какая чуткая душа, умелая рука, горячее сердце и зоркий глаз во всем!

ЯРОШЕНКО В КИСЛОВОДСКЕ

Многие годы жизни художника Ярошенко в туманном, под моросящим небом Петербурге не приносили ему сколько-нибудь облегчения от его постоянного недуга.

У Николая Александровича был туберкулез горла, видимо, от непрестанной и многолетней работы в цехах Петербургского патронного завода.

Последнее время Ярошенко говорил шепотом, а временами голос пропадал совершенно. Здоровье ухудшалось с каждым днем.

И вот здесь-то, внемля добрым советам и пожеланиям врачей, Ярошенко решил изменить климат и переехать в Кисловодск, куда он приезжал летом в 1875 году.

Жена художника, Мария Павловна, всегда заботилась о здоровье Николая Александровича. Зная, что ему нужен мягкий, ласковый климат, она приобретает в Кисловодске дачу-усадьбу с небольшими тремя домами-хатами, которые Ярошенко перестроил впоследствии по своим рисункам. Все дома сохранились до наших дней. В одном из этих домов ныне музей Ярошенко. В другом — административное здание, в третьем — квартиры.

Надо хотя бы мысленно перенестись в Кисловодск 80-х годов прошлого столетия, чтобы почувствовать весь колорит той жизни. Здесь за принятием нарзана богатеи проводили летние дни, наслаждаясь воздухом и прогулками по парку.

Вот в такую Кисловодскую Слободу переехал Н. А. Ярошенко из Петербурга в 1892 году.

Здесь он чувствовал себя значительно лучше, даже хорошо и, будучи в отставке, целиком отдался творческой работе. Зажил художник открытой, гостеприимной жизнью. Его дом стал центром передовой художественной культуры того времени. А дача — это великолепный уголок с разросшимися фруктовыми деревьями, цветочными клумбами и какая-то необъяснимая, милая обстановка.

Дом и флигель со службами стояли на возвышенном месте, над парком. По тропинке, через фруктовый сад, спускались к Стеклянной струе. Другой стороной дом выходил на Соборную площадь, ныне Красная пло-

щадь. К дому Ярошенко прилегал красивый сад, так называемый «Ярошенкин сад», заманчивый и влекущий.

Дом был (вспоминает А. И. Менделеева — жена ученого) невелик. В местном стиле, с террасой, стены которой расписал сам Николай Александрович. На этой террасе обедали, пили чай и летом проводили большую часть дня.

С этой террасы открывается живописный вид на гору Сосновку. Здесь Николаем Александровичем была написана небольшая картина «В теплых краях» с жены В. Г. Черткова, той самой, с которой в свое время была написана «Курсистка». Картина «В теплых краях» находится в Государственном Русском музее Ленинграда. Другой вариант поступил в Свердловскую галерею от писателя-драматурга В. В. Тэна.

Это произведение было написано художником в 1890 году. На полотне изображена часть веранды, часть дома и часть двора. На фоне горы Сосновки и обрыва, в кресле полулежит на подушках женщина с наброшенным пледом. Увядающий взгляд усталых глаз задумчив. Она полна воспоминаний. Болезнь подточила ее здоровье. Теплый, солнечный, благоухающий климат вселяет уверенность, вливает новые силы, возбуждает жажду к жизни. Всюду зелень, много цветов, чистый горный воздух, дышится легко. В глазах — задумчивость, в них тонко выражено горячее стремление к жизни, губы как бы произносят одно слово — «жить».

Живописное достоинство этого полотна неоценимо. Оно волнует зрителя, пробуждая в нем чувство сострадания, вызывает желание помочь и облегчить страдания больной. Картина полна грусти. Она не требует многих объяснений. Ее содержание говорит за себя. Это полотно, изображающее одну из бесчисленных жертв чахотки.

Николай Александрович писал своей натурщице Чертковой:

«...Дорогая Анна Константиновна, дня через два или три после отправления моего письма к Вам я не на шутку расхворался и месяца полтора представлял из себя почти неподвижное и ни на что негодное тело: мог только лежать или сидеть в креслах, в подушках, точь-в-точь как Вы, на той картине, что я с Вас писал...»*

Репин писал о картине «В теплых краях» В. Г. Черткову:

«Здесь, на выставке, изображение Анны Константиновны (работа Ярошенко) выздоравливающей очень мне понравилось. Выразительно и тонко написано. Прекрасная вещь».

Терраса имеет несомненную художественную ценность. Стенная роспись выполнена в помпеянском стиле. Она популярна и содержательна. По этому поводу Нестеров писал: «...Даже такой народ, как артисты, певцы, музыканты, раньше чем появляться перед большой публикой в «Казенной

(Из письма Ярошенко к А. К. Чертковой из Кисловодска, написанного 8 ноября 1896 г.)

гостинице» (лермонтовских времен), спешили на балкон к Ярошенко показать у них свое искусство и после этого отправлялись на концерт».

«На этой же террасе, — пишет Ольга Михайловна Нестерова (дочь художника М. В. Нестерова), — мой отец справлял свою свадьбу, когда в 1902 году женился вторично на Екатерине Петровне Васильевой. Собинов на этой свадьбе был шафером».

В доме Ярошенко почти ежедневно бывали гости. Всем нравилось интересное времяпрепровождение: пение, игра на фортепиано, литературные вечера.

«На этих встречах,— пишет Нестеров, — не знали, что такое скука, винт, выпивка, эти неизбежные спутники духовного оскудения общества».

В доме Ярошенко частыми гостями были многие выдающиеся люди России. Здесь можно было слышать могучий, покоряющий бас великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина, светлый, лучезарный тенор Леонида Витальевича Собинова, вдохновенно исполняли свои произведения композиторы Аренский, Танеев, Ипполитов-Иванов, проникновенно играл на рояле Сергей Рахманинов, вели задушевные беседы К. Станиславский, И. Репин, М. Нестеров, А. Васнецов и многие другие. Каких жгучих вопросов там только не было затронуто и разрешено теоретически. Здесь читались и обсуждались лучшие произведения литературы и искусства, здесь складывалось единство художественных взглядов, в этом доме воспламенялись любовью ко всему прекрасному, передовому, истинно русскому.

Бывали художники: Репин, Нестеров, Н. А. Касаткин, В. М. Максимов, В. Э. Борисов-Мусатов и Н. Н. Дубовской, писатель В. Г. Короленко, дирижер В. И. Сафонов, выдающийся виолончелист Белоусов, артисты М. П. Савина, Е. И. Збруева, М. М. Махарина, известный хирург Е. Е. Павлов, жена ученого А. Менделеева, друг Л. Н. Толстого В. Г. Чертков со своей семьей, основатель в России клиники отолярингологии Н. П. Симановский, врачи Разумовский, Яновский и другие деятели русской науки, литературы и искусства.

Николай Александрович устроил в доме мастерскую, не очень большую, но с широким окном, удобную для работы.

Для прогулок и писания этюдов Мария Павловна купила Николаю Александровичу верховую лошадь. Трогательно было видеть, как она снаряжала его в дальние поездки на этюды. Кстати сказать, Мария Павловна была очень популярна в Кисловодске.

Как-то один из знакомых Ярощенко, приехавший в Кисловодск в первый раз, стал нанимать извозчика на дачу Ярошенко.

— Ярошенко? — спрашивает извозчик,— что-то не знаю.

— Ну как-нибудь надо узнать, дача Марии Павловны и...— Он не успел закончить, извозчик его прервал:

— Марию Павловну? Ну, так и бы сказали. Садитесь, поедем.

«Если Мария Павловна узнавала, что кто-нибудь из друзей приехал в Кисловодск и остановился в гостинице, она шла и властно переселяла к себе: так случилось и со мной», — пишет А. И. Менделеева.

Мария Павловна, высокая, полная брюнетка была очень энергичной. Вместе с Н. В. Стасовой и В. П. Тарновской на высших женских курсах они вели активную общественную работу, устраивали вечера, всячески помогали курсисткам выйти из материального затруднения.

КИСЛОВОДСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Природа, с которой общался Ярошенко, наблюдая ее во всех проявлениях, привлекает и волнует художника. Богатая своим разнообразием, то солнечная и радостная, то суровая и щедрая, но порой неподатливая, она являлась для художника большим полем для его неутомимой творческой деятельности в этом жанре.

В пейзажах Ярошенко переживает не только любовь к родине, а как художник-пейзажист раскрывает прекрасное в том, чего мы с вами не замечаем в природе или проходим мимо, не обращая внимания, и делает содержательным то, чего мы до этого не знали, не видели, изображает красоту форм природы и ее живописность.

Безгранично любя родину, пристально ее изучая, Ярошенко много путешествовал по стране. Он бывал на Волге, на Урале, в Крыму, не раз посещал свою родную Полтаву. Неутомимый путешественник, он изъездил весь Кавказ. Стремясь ознакомиться с жизнью, бытом и искусством других стран, Николай Александрович посетил Швейцарию, Египет, Голландию, Италию, Турцию, Францию, Англию, Германию и Палестину. И всюду, где бы ни писал, в пейзажах Ярошенко свежесть, непосредственность и живописная сочность. В них чуткость, умение художника верно схватывать состояние природных явлений, глубоко чувствовать их очарование.

Живя в Кисловодске, Ярошенко разрабатывал свой маршрут путешествий и вместе с приятелем, соседом по даче, певцом Григорием Николаевичем Швецом отыскивал маршруты в большом Всемирном настольном атласе Маркса. Ныне этот альбом передан женой Швеца — Марией Георгиевной — в музей Н. А. Ярошенко в Кисловодске.

Особенно интересны пейзажи Ярошенко, написанные им в Кисловодске. Его захватывают и привлекают суровая красота и величие природы Кавказа.

Ярошенко восторженно любил природу Северного Кавказа и его обитателей-горцев, быт и нравы которых служили темой для его картин и

этюдов. Он часто уезжал на продолжительное время под Эльбрус, в Карачай, где среди горцев у него было много приятелей.

Благодаря такому простому, дружески-сердечному обращению к людям гор, Николай Александрович находил в их среде преданных друзей, что давало ему возможность заходить со своими принадлежностями: этюдником, красками и холстом в такие места, которые в его время были далеко не безопасны. Поэтому вполне оправданное беспокойство жены Ярошенко долгим отсутствием Николая Александровича было напрасным.

Бывало, Николай Александрович возвращался из аулов не один, а привозил с собой талантливых юношей, которых у себя дома обучал искусству живописи. В аулы Карачая Ярошенко привез любовь к искусству и прививал эту любовь народам гор. По бездорожью, через перевалы, вечно покрытые снегом, добирался он к вершинам Кавказских гор и всегда возвращался с чудесными этюдами суровой, неповторимо прекрасной и величественной природы.

На передвижных выставках эти этюды привлекали большое внимание зрителей и получили высокую оценку не только общественности, но и художников.

Да и сейчас такие этюды, как «Красные камни», «Балка вблизи Кисловодска», «Снежные вершины» и «Эльбрус» в особенности, вызывают заслуженный восторг. Они колоритны.

Свежо, живописно, сочно написаны этюды горных рек, балок и окраин Кисловодска, горные хребты, ущелья, облака, закрывающие снежные вершины Эльбруса, сочная зелень его подножий, пепельные либо мрачные тучи, пронизанные лучами солнца.

В. В. Стасов восторженно отзывался об этюдах Ярошенко: «Какие прекрасные этюды с натуры написал в прошлом году, да и в нынешнем, г. Ярошенко!»

На XI выставке Товарищества передвижных выставок в 1883 году были выставлены первые кавказские этюды Н. А. Ярошенко. Среди них: «Путевые заметки из путешествия по Кавказу», «Парк в Кисловодске», «Привал татар» и немало других.

По поводу этих пейзажей «Художественные новости» (1883 г., № 7) высказали следующее: «Очень хороши виды Кавказа Н. А. Ярошенко, составляющие плод его путешествий в этот край. До сих пор мы знали г. Ярошенко как портретиста, пробующего свои силы и в жанре; теперь узнаем в нем, кроме того, художника, наделенного большою способностью к пейзажу — такой способностью, что было бы с его стороны рационально обратить свою деятельность преимущественно на этот род живописи. Выставленные им 18 этюдов, снятых прямо с натуры, доказывают, что он обладает тонким чутьем к впечатлениям природы, непосредственностью и своеобразием в их передаче, и, что всего драгоценней, способностью дер-

жаться в сильных и ярких красках, соблюдая их естественность и гармоничность».

И в письме К. Савицкого к В. М. Васнецову 4 ноября 1888 года имеются строки: «...Ярошенко привез много интересных, очень сильных этюдов с Кавказа и пишет картину».

На материале этих этюдов, а также внимательном изучении природы Северного Кавказа художник создал пейзаж-картину «В горах Кавказа», написанную в 1898 году с большим мастерством и живописной силой цвета. На картине запечатлено величие и красота высоких гор, на фоне чистого кобальта, по которому плывут серебристые облака.

Но не только пейзаж интересовал художника. С еще большим восторгом и любовью пишет он жителей гор: «Житель Дагестана», «Горянка» и создает картину «Песни о былом».

В Кисловодске Ярошенко много писал на пленере (на воздухе). Вместе с ним ездил на Бермамыт и писал этюды известный пейзажист Архип Иванович Куинджи. В то время их тесная дружба еще не пошатнулась. Им посчастливилось видеть редкое явление в горах — Брокенский призрак. На поверхности облака они увидели радужный круг, внутри которого отражались увеличенные их фигуры.

Приезжал к Николаю Александровичу его друг, пейзажист Н. Н. Дубовской, с которым они вместе писали этюды, путешествуя по Кавказу. Вместе ездили верхом по Военно-Грузинской дороге.— Много было рассказов,— вспоминает писательница С. Караскевич,— об удивительном крае, который художники объехали, об удивительном народе, у которого свой язык, свои обычаи, своя культура и, кажется, своя раса. Забытые миром, на четыре месяца запертые в ущелье гор над рекой, бурлящей всю весну в единственной теснине-проходе, они живут тем, что дают им родные скалы, и умирают, когда их оторвут от родной горной щели. Прелестные горные этюды Ярошенко запечатлели на сотне холстов типы и пейзажи той экскурсии.

Окунувшись в жизнь Кавказа, сблизившись с людьми гор, Ярошенко написал картину «Песни о былом». Эта «песнь» в картине передает не отдых и не забаву, а крепкое единство и мужество народов Кавказа.

Я видел это произведение не раз в запаснике Государственного Русского музея в 1960 и в 1961 г. и в экспозиции там же; долго всматривался, изучая каждую изображенную деталь, каждую фигуру, стараясь осмыслить и понять ее значение. Я знал, что Ярошенко, как передовой художник, был в большой дружбе с основоположником карачаевской литературы Исламом Крымшамхаловым, основоположником осетинской литературы К. Л. Хетагуровым и другими передовыми людьми. Он не мог не вложить в картину глубокую сущность и идейный национальный исторический смысл. Долго искал ответа на многие вопросы о значении изображенно-

го певца. Однажды в Кисловодск, в наше Ставропольское краевое отделение Союза художников СССР, прибыло пополнение в лице скульптора Хамзата Крымшамхалова. Вскоре мы с ним подружились. Оказывается, его отец был родным братом Ислама Крымшамхалова. Хамзат рассказал, что его родители и родные были в большой дружбе с Николаем Александровичем Ярошенко.

От него я услышал и о нартских богатырях.

Он мне помог найти в Нальчикском институте языковедения рукопись Сафара Урусбиева — известного общественного деятеля того времени, современника Н. А. Ярошенко. Знакомство с этой рукописью позволило дать правильное истолкование картины «Песни о былом».

Картина навеяна сказаниями и преданиями о нартских богатырях, татарах-горцах Пятигорского округа, Терской области. Это сказание было написано С. Урусбиевым в 1879 году.

Н. А. Ярошенко не раз являлся свидетелем и слушателем песен, которые слагались певцами-горцами (акынами) о народах Кавказа. Горцы переводили ему значение этих песен.

Заинтересовавшись судьбами и историческим прошлым горских народов, художник Ярошенко немало прочитал о них специальной литературы, издававшейся в то время.

Из одного такого материала, написанного Урусбиевым в 1879 году, мы и приводим выдержки... «Сказания о нартских богатырях — это богатый эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени».

...Про образ нарта говорили: «Он храбр, хитер, силен, он молодец, как нарт». Говорят о каком-нибудь благородном уздене: «Он строен, статен, как нарт». Так отзываются горцы о человеке, отличающемся от других величественной и привлекательной наружностью, подвигами благородства, бесстрашия и силы.

Таким образом, название «нарт» в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним «удалого, доброго молодца».

Главное местопребывание нартов было в Кубанской области, на Северном Кавказе, оттуда они во время своих великих странствований доходили даже до Эрия — реки Волги.

Про нартов сложены песни. У горцев мотивы песен довольно однообразны. Песни эти по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде, Карачае и Балкарии путешествующими народными певцами-поэтами.

Эти певцы не имели никакой собственности, не занимались решительно никаким хозяйством; они не носили оружия, так как, разъезжая по Кавказу, присутствовали на народных всевозможных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребениях и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь народного сборища.

Здесь-то они и пели свои песни о временах давно минувших, воспевая важные современные события, прославляя современных героев.

...В своих свободных песнях они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали порок, проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни.

Но с распространением магометанской религии певцы входят в немилость у мулл. Имамы (муллы) начинают их преследовать, находя их дело грешным, противным новой религии. Приведу здесь один разговор, который может характеризовать отношение между певцами и муллами. Обратившись к певцу, мулла говорит:

— Ты человек, находящийся вне религии; ты вреден для общества; таких, как ты, нужно гнать и убивать!

— Нет, не меня надобно преследовать, а скорее тебя. Это ты находишься вне всякой религии, вне всего честного и доброго. Твое дело только грабить, обирать народ. Ты с нетерпением ждешь той минуты, когда мы теряем какого-нибудь человека, в особенности знатного и богатого, чтобы после смерти его завладеть какою-нибудь его дорогой вещью.

Ты человек наивреднейший, ты грабитель и обманщик, а я живу честным трудом и приношу посильную пользу народу.

Одним словом своим я из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа, вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет показаться мошенник; я противник всего бесчестного, нехорошего...

Николай Александрович одним из первых художников показал содержание песен этих боянов и с присущей ему достоверностью написал образы горцев, слушающих песни о верных сынах своего народа, о событиях давно минувших дней.

Все внимание приковано к певцу, но каждому, кто слушает песню акына, художник придал характерную позу, жест.

Картина написана в своеобразной коричневой гамме и хорошо сочетается по живописи с тепло-холодными тонами. Вечерний свет уходящего за горы солнца ярко осветил вход в саклю, задержался на лицах слушателей-горцев, чеканя живительной лепкой портретную характеристику каждого. Детали изображенной обстановки сакли с оружием на стенах, весь ее внутренний вид воспроизведены художником с убедительной точностью и правдой.

Не случайно певец-акын показан в центре холста. К нему художник приковал внимание не только горцев, но и нас с вами—зрителей. Этой картиной Ярошенко сам создал «Песни о былом» народов Северного Кавказа.

В Кисловодске художником были написаны «Хор» и портрет актрисы М. Г. Савиной. Портрет с Савиной Ярошенко писал у себя на даче. В дар музею Н. А. Ярошенко его передал писатель-драматург В. В. Тэн.

В 1890-е годы, в период зарождения и развития формалистических течений в русском искусстве, Ярошенко с прежней последовательностью и

настойчивостью продолжал отстаивать передовое искусство передвижников. Но, воспитанный на политических и эстетических идеях революционных демократов, он не понял нового нарождающегося в 90-х годах освободительного движения, возглавляемого пролетариатом, и не мог поэтому с прежней чуткостью улавливать характерные явления современности. В его картинах исчезает и постепенно затухает социальная острота. Творческий репертуар Ярошенко меняется. Социальные темы уступают место неглубоким жанровым сценам. К одной из них можно отнести и картину «На качелях». Композиция интересна, оригинальна. Действие происходит в воздухе. Все просто, ничего лишнего: фон неба, качели и двое людей. Хорошо передано чувство простора.

Солдат и его подруга. Их минутные радости. Они увлечены, свободны и счастливы. Художник подчеркнул все это живописным решением. Картина мажорна, радостна, построена на тепло-холодных тонах. Это еще одно подтверждение глубокой искренности и любви художника к простым людям из народа. Фигуры написаны на пленере (на открытом воздухе). Это нелегкая для живописца задача, но решена художником блестяще. Картина по размеру небольшая.

И то, что на картине показан крестьянин, пришедший от сохи и надевший военный мундир солдата, говорит о любви художника к простым людям и о полном пренебрежении к чинам, которых не видно на картинах Ярошенко.

Фигура девушки написана с жительницы Кисловодска, которую позже называли кумой Петровой. Скончалась она в 1946 году в Кисловодске. Солдата на качелях художник написал со своего денщика-кисловодчанина.

Несмотря на творческий спад и заметное снижение прежней остроты и идейной значимости произведений, художник до конца своей жизни отстаивал реалистическое искусство и ограждал его от различного рода формалистических влияний.

Ярошенко берется за актуальную для того времени тему из жизни рабочих-шахтеров, ту тему, которой он в прошлом в значительной мере обязан своей славой. Он как бы вновь расправляет крылья.

Тема труда постоянно волновала художника. Последние дни перед смертью Н. А. Ярошенко компановал эскиз к задуманной им картине из жизни горнорабочих. Материалы для этой картины художник собирал в рудниках Урала, куда он ездил специально, делая наброски, зарисовки, писал этюды прямо на месте, в шахтах и рудниках.

«Сохранившиеся этюды к картине отличаются такой силой колорита, такой жизненностью и экспрессией, что невольно останавливаешься перед ними, долго не отрывая глаз»,— писал один из современников Николая Александровича Ярошенко.

В этой начатой и незаконченной картине мы потеряли одно из интереснейших произведений художника, посвященное рабочему классу ста-

рой капиталистической России 90-х годов. По теме эта картина представляла бы огромный исторический интерес.

В 1880—1890 годах Ярошенко дважды побывал на Урале.

Его картина на уральские темы «Ночь на Каме» выставлялась на XII Выставке передвижников в 1884 году. На XXVII Передвижной выставке в 1899 году, после смерти художника, были выставлены картины: «В ожидании обеда» (Урал) и «Золотоискатель» (Урал).

Местонахождение этих произведений неизвестно. Нет с них и репродукций.

Художник был полон творческими дерзаниями, и никто не подозревал о возможности близкой катастрофы. 25 июня 1898 года (старого стиля) Николай Александрович, как всегда, проснулся очень рано, вышел, по обыкновению, в свой сад, сел на скамейку под большим деревом, залюбовался розами, которые были свежи, красивы, разноцветны. Он очень любил цветы, а розы в особенности.

Налюбовавшись цветами, Ярошенко вернулся в дом, вошел в мастерскую, сел за мольберт, на котором стоял холст с намеченными контурами задуманной картины, и вдруг почувствовал себя плохо.

— В это время,— вспоминает Анна Георгиевна Ягубичева (экономка их дома, полноправный член семьи), — я убирала смежную комнату и обратила внимание на открытую дверь мастерской. Николай Александрович не любил, когда кто-нибудь отвлекал его от работы. И поэтому всегда закрывал дверь. Я поспешила закрыть дверь. В это время Николай Александрович сильно кашлял, был бледен. Он хрипло позвал меня и движением руки показал в сторону смежной комнаты-спальни, где еще спала его жена, Мария Павловна. Я немедленно ее разбудила. Мы обе быстро вернулись, но было уже поздно. Николай Александрович сидел в кресле с откинутой головой. В опущенной левой руке еще держалась палитра. Николай Александрович был без всяких признаков жизни. Он внезапно скончался от паралича сердца в возрасте 52 лет.

Лечащие врачи Симановский, Васильев, Янковский при вскрытии обнаружили ожирение сердца. На сердце врачи мало обращали внимания и лечили его от горловой чахотки, которая в результате длительного лечения зарубцевалась. У него бывали сердечные припадки, но о них Николай Александрович признавался только своей жене Марии Павловне. Чувствуя приближение смерти, Николай Александрович часто говорил Марии Павловне: «Если со мною что случится, то прошу тебя, моя Манушка, ни одного солдатика не позволяй обижать, хорони без всяких военных почестей, выдай каждому солдату по 3 рубля деньгами. Да не забудь, хоронить меня можете со святостью, но после всю фотографию затемните, чтоб без всяких святых, оставьте только мое лицо».

Мария Павловна все так и сделала. Такая фотография имеется в экспозиции музея Ярошенко в Кисловодске.

В некоторых газетах писали, что Николай Александрович умер от горловой чахотки. Это неверно. Туберкулез горла, столько лет мучивший покойного художника, прекратил свою разрушительную работу; язва зарубцевалась, и болезнь остановилась. Ярошенко потерял голос, но чувствовал себя хорошо и совершил незадолго до своей кончины довольно отдаленные поездки — в Ялту и в Киев.

В Кисловодске, куда он приехал в половине июня, никто не подозревал о близкой кончине художника. За день до смерти, в тесном семейном кругу он весело беседовал, шутил, смеялся, рисовал карикатуры, утром совершил пешком прогулку к любимым «Серым камням», с которых в ясные дни открывается чудесный вид на Эльбрус и Кавказский хребет... В то время, как он был на «Серых камнях», начал накрапывать дождь, и, опасаясь простуды, Ярошенко поспешил вернуться домой. Как говорят, он пробежал довольно большое расстояние, спасаясь от дождя, и этому-то бегу приписывают непосредственную причину катастрофы. Накануне смерти, вечером, Николай Александрович пожаловался на легкую головную боль, которой ни он сам, ни домашние его не придали, однако, никакого значения. Художник умер от паралича сердца, без агонии, без стона.

При жизни Ярошенко не раз говорил, что он желал бы умереть такой смертью. Его желание исполнилось слишком рано.

Аудитория Ярошенко и как художника, и как человека, была обширна. И те, кто, будучи юношами, толпились и долго простаивали перед его картинами, и литературные круги, к которым всегда тяготел покойный художник, и простые солдаты, с которыми ему приходилось близко сталкиваться как военному, и, наконец, товарищи-художники, которым он всегда импонировал своей прямотой и искренностью, соединились в одном общем чувстве скорби над свежей могилой...

Ко дню погребения Ярошенко были присланы венки от редакции «Русского богатства», «Русских ведомостей», «Сына отечества».

Весь гроб почившего художника был усыпан розами. И когда опускали его тело в могилу, все собравшиеся проводить его к месту вечного успокоения бросали туда розы: белые, темно-красные, желтые. Узкий и глубокий вход в склеп также был усеян розами. Это были любимые цветы Николая Александровича.

Один венок из живых роз, гвоздики и миртовых листьев был повешен дружеской рукой на крест через несколько дней после погребения с надписью: «Дорогому другу». Мы все можем присоединиться к этим словам: Николай Александрович Ярошенко был истинным другом людей.

Большой художник скончался, далеко не исчерпав своих творческих возможностей.

По свидетельству очевидцев, похороны почетного кисловодчанина были многолюдными. Проводить художника-гражданина и человека большой души в последний путь приехало много народа из Петербурга, Москвы.

Прибыли на его похороны горцы из аулов в своих национальных костюмах. Немало приехало и из Дагестана, где также художник много работал.

Над свежей могилой Ярошенко Михаил Васильевич Нестеров сказал: «Его высокое благородство, его прямодушие, необычайная стойкость и вера в то дело, которому он служил, были, думаю, не для одного меня примером, и сознание, что такой правильный человек есть среди нас, ободряло на правое дело.

Человек своего времени, времени 70-х годов с увлечениями и ошибками памятной эпохи, он был одним из наиболее ярких и вдумчивых выразителей его идей...

Он записал на память будущим временам интересные, тяжелые страницы своей эпохи.

Описал горе и радости, печаль и надежды людей, живших, как и он сам, в это возбужденное, переходное время»...

Талантливый русский художник Николай Алексеевич Касаткин, также подолгу гостивший у Ярошенко и имевший с ним большую дружбу, узнав о смерти Николая Александровича, писал: «Первое, что томит душу каждого из нас,— это чем отзовется Товарищество передвижников на потерю дорогого человека Н. А. Ярошенко. В какой форме выразит ему и признательность, и уважение... Ни мне Вам, ни Вам мне не надо писать, чем был Ярошенко для всего Товарищества и для многих из нас...»

Художник Василий Николаевич Бакшеев, у которого мне довелось побывать в 1957 году, вспоминая о Ярошенко, говорил:

«Чудеснейший был человек. Вот единственный светлый ум художника... Знал его лично 23 года как честнейшего и преданнейшего делу человека. И нет такого художника, который не почтил бы Ярошенко добрым словом».

Он умер, но картины его получили вечную жизнь.

Обозревая весь творческий путь художника Ярошенко, от первой картины «Невский проспект ночью» и до последней, начатой и оставшейся незавершенной — «Горнорабочие Урала», необходимо отметить, что все передовые люди того времени Крамской и Репин. Стасов и Третьяков, Успенский и Плещеев, Менделеев и другие — высоко ценили произведения художника, восторженно отзываясь о них».

Некоторые из современников Ярошенко дожили до светлых дней Великой Октябрьской революции. И тогда же вспоминали о своем друге. М. В. Нестеров в журнале «Октябрь» № 5—6 за 1942 год так писал о нем:

«...Летом 1918 года на Северном Кавказе шли бои. Кисловодск переходил из рук в руки, и я как-то получил телеграмму, в которой меня просили обратиться в Москве к кому-либо из правительства и ознакомить с положением дела усадьбы Ярошенко, в которой белые уничтожили музей.

Я обратился с этим делом к Надежде Константиновне Крупской, которая меня приняла, внимательно выслушала и сказала, что в восстановлении порядка в усадьбе Ярошенко будут приняты меры.

Через некоторое время я получил письмо из Кисловодска, в котором мне сообщили, что по распоряжению В. И. Ленина, который, как и Крупская, любил и ценил Ярошенко, на его могиле было устроено траурное торжество, говорились речи, посвященные его памяти, а затем огромная процессия двинулась к дому Ярошенко.

Был восстановлен музей в этом доме, и улица, прежде Дундуковская, была переименована в улицу Ярошенко».

В газете «Советское искусство» за 1938 год так описан народный праздник в честь Ярошенко в Кисловодске.

«Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кисловодска, где жил последние годы своей жизни Н. А. Ярошенко, отнесся с большим уважением к памяти художника. В самый разгар гражданской войны — 8 декабря 1918 года — отдел народного просвещения Кисловодского горсовета организовал народный праздник—чествование памяти Н. А. Ярошенко».

Ниже мы перепечатываем текст специальной афиши, выпущенной по поводу этого народного праздника отделом народного просвещения Кисловодского совдепа.

«В воскресенье, 8 декабря с. г., отдел народного просвещения Кисловодского совдепа устраивает народный праздник — чествование памяти знаменитого гражданина Кисловодска Николая Александровича Ярошенко и основание музея его имени в доме, где он жил и скончался.

Н. А. Ярошенко, известный русский художник, проведший последние годы своей жизни в Кисловодске, изображал по преимуществу жизнь русского пролетариата и передовой учащейся молодежи, выделявшей из своей среды могучих борцов за свободу. Из его картин наиболее известны по многочисленным открыткам «Всюду жизнь» и «Заключенный». Первая картина переносит нас к вагону поезда, отвозящего арестантов в Сибирь, а вторая — в подземный каземат, где томится узник-борец за свободу, один из тех, которые «жертвою пали в борьбе роковой любви беззаветной к народу». Другие картины его — «Кочегар», «Студент», «Курсистка», «Причины неизвестны» (самоубийство) точно так же рисуют нам тягостные картины из жизни жертв буржуазного строя...

Согласно постановлению исполкома, именем Н. А. Ярошенко названа одна из улиц города.

Все профессиональные организации и учебные заведения Кисловодска приглашаются принять участие в народном торжестве, причем школам, не имеющим знамени, предлагается срочно изготовить таковые, дабы придать народному торжеству должное величие и красоту.

На могиле Ярошенко будут произнесены речи о жизни и деятельности художника, после чего оркестр на площади исполнит соответствующие моменту пьесы. От собора процессия направится к дому Ярошенко. На углу улицы члены отдела народного просвещения прибьют новую доску с

надписью «Улица Ярошенко». Подойдя к самому дому, участники церемонии повесят над входной калиткой вывеску «Народный научно-художественный музей в память художника-гражданина Н. А. Ярошенко», а рядом со входом—доску с указанием, что в этом доме жил и скончался Н. А. Ярошенко. После этого процессия с музыкой пройдет по всей улице Ярошенко вплоть до моста, где на углу будет прибита вторая доска с надписью «Улица Ярошенко». На обратном пути знамена будут внесены и помещены в здании музея, и процессия закончится. После этого начнутся в кинематографе сеансы для учащихся, а вечером будут открыты для народа все театры безвозмездно».

В 1918 году Кисловодск являлся фронтовым городом. Он был дважды захвачен генералом Шкуро.

Первый раз это произошло в июне. Шкуро тогда был в Кисловодске одни сутки. В сентябре шкуровские разбойники вторично заняли Кисловодск, но через пятнадцать дней были выбиты нашими войсками.

В январе 1919 года город вновь был занят деникинской добровольческой армией, но на этот раз на довольно-таки продолжительное время. Хозяйничали «завоеватели» больше года.

— Еще в то время, — говорит свидетель этих событий Павел Александрович Утяков, — имя художника Ярошенко подчеркивалось коренным населением Кисловодска, которое говорило: это наш человек.

Жена художника Ярошенко после смерти Николая Александровича делилась своим намерением создать музей. По этому поводу Караскевич пишет:

«Любимой мечтой Марии Павловны стало — создать музей имени Н. А. Ярошенко в Кисловодске. Она желала для этого завещать белую виллу, в которую поместить все картины не только самого Николая Александровича, но и всех его современников и товарищей по передвижным выставкам, портреты, письма, книги с автографами всех писателей, которые были близки к ее кружку, свою обширную переписку, дневники и заметки.

Пусть это будет музей 80-х годов, глухих и обидно забытых. А между тем в них родились и созрели все яркие мысли и события последовавших за ними боевых десятилетий».*

Привожу два письма, свидетельствующие об активных ходатайствах жены художника, Марии Павловны, по созданию музея, полученные мною из Центрального Государственного исторического архива Грузинской ССР.

---

* «Из «Русских записок», 1915 год, № 10, октябрь, стр. 30—31. Краткие воспоминания Караскевич «Семья Ярошенко».

Кавказский
Учебный округ
Директор
Пятигорской прогимназии
6 сентября 1900 г.
№ 975
г. Пятигорск.

*ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ПОПЕЧИТЕЛЮ
КАВКАЗСКОГО
УЧЕБНОГО ОКРУГА*

Вдова одного из известнейших русских художников, г-жа Ярошенко изъявила готовность пожертвовать картинную галерею покойного своего мужа тому учреждению, которое примет на себя постройку необходимого для помещения галереи здания в Кисловодске или в Пятигорске. Особенную готовность выразила г-жа Ярошенко принести свою галерею в дар учебному ведомству (Пятигорской прогимназии), которое могло бы учредить при галерее рисовальные классы. Галерея покойного Ярошенко состоит свыше, чем из ста картин, принадлежащих кисти более чем 30 русских художников; среди них встречаются такие громкие имена, как Репина, Нестерова и др., имеются в ней и некоторые друг. художественные предметы.

Не считая необходимым обратить внимание Вашего превосходительства на громадную ценность галереи самой по себе, я полагаю, что приобретение ее на столь льготных условиях, как постройка лишь помещения для нее, было бы неоценимым для Министерства просвещения и для Кавказского учебного округа, в частности, именно в том отношении, что дало бы возможность учредить при галерее рисовальную школу, обладающую пособиями, какие не могут быть приобретены на собственные средства школ...

...Согласно воли покойного мужа, работавшего последние годы в Кисловодске, г-жа Ярошенко согласна пожертвовать картинную галерею только при условии, чтобы последняя оставалась в пределах Кавказских мин. вод.

Директор прогимназии — подпись.

ЦГИА ГССР, фонд 422, д. 6955, лл. 3—4.

Мария Павловна Ярошенко была пропагандисткой творческого наследия своего мужа не только при жизни, но и после смерти художника, в подтверждение чего привожу ее заявление и ходатайства.

В Императорскую Академию Художеств
(Императорская Академия Художеств
19 янв. 1913
вход. журн. № 347)

Ввиду того, что нижние залы Академии будут свободны с 20 марта сего года, я позволяю себе всепокорнейше просить разрешить мне в этих залах выставку картин моего покойного мужа, Николая Александровича Ярошенко, сроком от 20-го марта по 20 апреля 1913 года.

М. Ярошенко

Мой адрес Троицкая ул., д. 3, кв. 14
Мария Павловна Ярошенко.

По докладу Е. И. В. Августейшему Президенту Великой княгини Марии Павловны, ея императорское высочество не изволило разрешить это ходатайство ввиду того, что посмертная выставка Н. А. Ярошенко уже имела место в залах Академии в 1898 году.

Секретарь —
20 янв. 1913 г.

Ей же № 526
3 февр. 1913 г.

М. И. Д. Императорская Академия Художеств Канцелярия
3 февр. 1913 № 526

Г-же М. П. Ярошенко

Вследствие присланного прошения о предоставлении нижних зал музея И. А. Х. для устройства выставки картин покойного Вашего мужа Ник. Алекс. Ярошенко, на срок с 20 марта по 20 апреля с/г. канцелярия И. А. Х. имеет уведомить, что ходатайство это не может подлежать удовлетворению, так как по наведенным справкам посмертная выставка Н. А. Ярошенко уже имела место в Залах И. А. Х. в 1898 г.

(подпись) В. *Лобойков*
(скр.) *Аберена*

КАК СОЗДАВАЛСЯ МУЗЕЙ

Была попытка организовать музей в 40-е годы, но помешала Великая Отечественная война. После войны, в 1948 году по случаю 50-летия со дня смерти художника Ярошенко, которое отмечала вся наша страна, общественность Кисловодска вошла с ходатайством в Совет Министров об организации музея Н. А. Ярошенко. Понадобилось много времени на подготовку к организации музея. Необходимо было освободить дом Ярошенко от жильцов, найти мемориальные вещи и подлинные произведения художника, собрать фотографии, письма и другие материалы, раскрывающие творческую и общественную деятельность Н. А. Ярошенко. Только после всего этого Совет Министров Российской Федерации 21 октября 1959 года принял решение об организации в г. Кисловодске музея Н. А. Ярошенко. В настоящее время дом полностью отремонтирован и восстановлен в том виде, в котором он находился до и после смерти художника, и открыт для обозрения трудящихся 11 марта 1962 года.

В день открытия музея немало гостей прибыло из Нальчика, Орджоникидзе, Черкесска, Карачаевска и других городов Ставрополья, а также и отдыхающих из городов Кавказских Минеральных Вод.

В доме-музее 5 комнат, и все они заняты под экспозицию. В трех больших залах размещены 50 подлинных произведений художника Ярошенко, в двух других выставлены подлинники картин художников: Репина, Нестерова, Касаткина, Дубовского, Васнецова, Куинджи, бывавших на даче Ярошенко.

Большинство произведений, собранных для музея, экспонируются впервые, а о многих не знала и история русского изобразительного искусства: прежде они находились в частных коллекциях, их видели лишь знакомые владельцев картин в Москве, Ленинграде, Свердловске, Киеве.

Эти работы являются новым словом в творческой летописи Н. А. Ярошенко. За многие годы здесь были собраны жанровые произведения, портретная живопись и вдохновенные пейзажи художника. Кроме этого небольшим, но весьма интересным разделом экспозиции



Музей Н. А. Ярошенко.

явились рисунки, акварели, шаржи и другие графические произведения Ярошенко и его современников.

Первый зал. Здесь находятся экспонаты и картины, рассказывающие о творческой биографии Н. А. Ярошенко, о его общественной деятельности в период формирования мировоззрения передвижничества и о ранних произведениях художника; здесь же, в специальном разделе, выставлены три великолепно выполненные копии с картин Ярошенко: «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь», которые вошли в сознание и память народа, как и незабываемые произведения И. Е. Репина «Иван Грозный», В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», И. Н. Крамского «Незнакомка». Они стали неотъемлемой частью общечеловеческой культуры. Эти три картины Ярошенко сделали его имя бессмертным, и без них экспозиция музея была бы неполноценной, лишенной главного в показе его творчества.

В первом зале зритель познакомится с ранними работами художника: «Старик с табакеркой», в которой Ярошенко уже показал свою профессиональную зрелость. Это не просто проба кисти, но и образ, раскрывающий характеристику изображенного, его отрицательные стороны—

лицемерие и ханжество. Здесь и акварель «Бурлак», и лучшая из работ Ярошенко на антиклерикальную тему — полотно «Монахи Киево-Печерской лавры», а также несколько графических работ художника.

Второй зал — бывшая мастерская художника. В этой комнате вдохновения, экспонированы пейзажи Северного Кавказа и Кисловодска, а также жанровые произведения «Девушки, собирающие цветы», эскизы к картине «Всюду жизнь», «Иуда», картины «Хор», «В вагоне».

«Хор» — большое полотно, невольно вызывающее довольную улыбку и своеобразные эмоции. Картина многофигурна, вся группа ребят хорошо и умело собрана, удачно скомпонованна. В центре композиции дирижер-дьячок. Его образ с традиционной косичкой и кумачовым платком, висящим из кармана, метко схвачен художником. Руки дьячка, поднятые вверх, как бы задержались на какой-то высокой ноте. Босоногая детвора, в различной одежде, в отцовских картузах, невольно вызывает улыбку. Каждому исполнителю песни художник сумел придать позу, выражение лица. Наблюдательность Ярошенко и здесь проникновенна. Лица мальчиков написаны с большой любовью, что делает картину жизненной и правдивой.

Удачнее всего в картине малыш справа, в розовой рубашонке и синих штанишках. За пазухой он держит бережливо собранные им камушки и с увлечением слушает пение своих старших товарищей.

Живописное решение картины, несмотря на большое разнообразие цветовых отношений, — зеленой листвы, фигуры дьячка, детворы и всего пленера,— предельно сдержанно, лишь фигура малыша сознательно освещена солнцем, что следует считать удачей художника.

Эта картина Ярошенко является выражением его искренней отеческой любви к детям. Небезынтересно сказать читателям, что один из малышей-певцов, изображенный на картине, и поныне является жителем Кисловодска. Это Семен Антонович Подушинский. Часто бывая в нашем музее, он подолгу задерживается у этого полотна, вспоминая и рассказывая о том, как Николай Александрович работал над этим произведением. (Его воспоминания написаны в специальном разделе книги). Написана картина в 1894 году, в Кисловодске, в саду, на даче Ярошенко. Картина поступила в музей от семьи известного ученого-физиолога Ивана Петровича Павлова.

Огромный интерес у посетителей музея вызывает небольшая по размерам картина Ярошенко «В вагоне». Она трогательна и волнует своим содержанием; в центре изображена женщина, сидящая у изголовья спящего ребенка. Художник считает главным композиционным центром профиль женщины. Поражает мастерство художника, умело передавшего внутреннее психологическое состояние матери, направляющейся по этапу в сопровождении жандарма, ноги которого видны в углу картины слева.

В профиле опущенного лица матери глубокое и горькое раздумье о месте в жизни и будущем своего ребенка.

Живописное достоинство этой вещи неоспоримо. Все подчинено замыслу и оправдано. Ярко-красная кофточка, темная юбка, весь интерьер вагона с небольшими пожитками — все выявляет главное: лицо матери. Об этой картине смело можно сказать: «Мал золотник, да дорог».

Из пейзажей лучшим, пожалуй, является «Красные камни». Маленький, свежий, совсем немногословный — всего только прозрачная голубизна неба с белым движущимся облачком, поляна да камни красного песчаника причудливых форм. Вот, пожалуй, и все.

Но как живописно, сочно, широко и смело написано! Точно кусочек живой природы выхватил художник из жизни. Он и поныне свеж, хотя и написан был в 1892 году, 70 лет тому назад.

А вот большой холст с изображением величественного Бештау, написанный Ярошенко в 1882 году. Холодный силуэт огромного Пятигорья — Бештау, возвышающегося на фоне неба уходящего дня, лесной густой массив, а на поляне переднего плана — фигуры людей, которые подчеркивают масштабность гор. Оживляет пейзаж, делает его жизненным облачко, зацепившееся за вершину большой горы. Оно вот-вот оторвется и по-прежнему станет продолжать свой путь по небу. В этом маленьком незначительном штрихе сказался художник-пейзажист. А написанный по горизонтали этюд «Эльбрус»! Глядя на него, невольно вспоминаешь стихи А. С. Пушкина об огромном, величавом Эльбрусе.

Обращают внимание два пейзажа художника Ярошенко: «Палермо. Гавань» и «Иерусалим», куда он ездил для сбора материалов к своей картине «Иуда», эскиз к которой находится в экспозиции нашего музея.

Эти две работы отличаются умелой передачей своеобразного, южного солнечного колорита с весьма сложным композиционным решением. Палитра их неповторима, и они резко отличаются от пейзажей Северного Кавказа. Все они разные по живописи и правдивые по состоянию.

Третий большой зал — бывшая спальня. Ныне в ней представлена портретная живопись Ярошенко. Прежде всего хочется сказать о портрете талантливой русской актрисы Марии Гавриловны Савиной, часто гостившей в семье Ярошенко при жизни художника, а также и после его кончины. Портрет этот написан на пленере, в саду усадьбы художника в Кисловодске, относится он примерно к 1894—96-м годам.

Актриса изображена сидящей на скамейке у орехового дерева, растущего и поныне, на фоне зеленой сочной листвы, в профиль, в довольно ярком голубом платье, с черным бархатным воротничком. На таком фоне красиво читается лицо актрисы, с хорошо переданным задумчивым взглядом. Устремленность мысли, приподнятая бровь красивого профиля создают такое впечатление, точно Савина обдумывает еще одну творческую деталь перед своим выступлением на сцене.

Рядом экспонируется портрет детской писательницы Т. А. Богданович, написанный Ярошенко в то время, когда ей шел восьмой год.

Татьяна Александровна Богданович, урожденная Крилль, родилась в 1873 году. Это племянница Александры Никитичны Анненской, ее воспитанница. Муж Анненской, Николай Федорович Анненский, был известный публицист. В. Г. Короленко был их другом и любил их, как родных. На даче под Петербургом в Куокалле они были соседями.

Шестилетней девочкой Танечка сопровождала А. Н. Анненскую при посещении Вышне-Волоцкой политической тюрьмы и тайком передавала Н. Ф. Анненскому и В. Г. Короленко карандаши, бумагу и записки. В семье Анненских Короленко находил утешение от преследований различных «пинкертонов». Будучи еще девочкой, Татьяна часто слышала интересные рассказы Короленко. Сам Анненский был шутлив и остроумен. На исторические данные Анненского, как известно, ссылался В. И. Ленин, а ленинская «Правда» назвала его представителем «честной демократической мысли».

Анненский и Короленко вдвоем редактировали журнал «Русское богатство». Н. А. Ярошенко, будучи хорошо знаком с Анненским и находясь в дружбе с Короленко, часто бывал в их кругу. Художника заинтересовала маленькая девочка. Когда ей было семь лет, Анненская читала ей не сказку «Конек-горбунок», а, главным образом, научные книги по зоологии, ботанике и физике.

По просьбе ее дяди, художника-любителя Андрея Никитича Ткачева, Н. А. Ярошенко с удовольствием согласился написать портрет девочки.

Ярошенко написал ее серьезной, необыкновенно умной, доброй, милой и сосредоточенной; такие лица детей — явление из редких. Глядя на портрет, как-то невольно проникаешься уважением и сочувствием к девчурке. Темный фон и такого же тона одежда ярким живописным пятном выделяют лицо. Взгляд устремленных на зрителя глаз выразителен.

Портрет написан с большой любовью, нежной отеческой кистью художника в 1880 году.

Неизменный интерес вызывает работа Ярошенко, выполненная на кафеле, техникой сухой иглы. Мне неизвестно о другом примере подобной техники, которая находилась бы в экспозиции какого-либо художественного музея. Нужно обладать высоким профессиональным мастерством рисовальщика, чтобы безошибочно, штрих за штрихом, линия за линией, воспроизводить задуманное.

На самой обыкновенной кафельной плитке, поверхность которой залита краской темно-коричневого цвета, художник выцарапывал изображение иглой. На такой плитке выполнен сложный портрет Надежды Петровны Симановской — сестры профессора Николая Петровича Симановского, первого основателя в Петербурге клиники отоларингологии.

На фоне быстро движущегося грозового облака, на краю обрыва изображена в рост женская фигура с распущенными волосами и с цветком в правой опущенной руке; левая рука опирается на трость.

В поникшем лице печаль, грустные раздумья.

Работа поражает совершенством технического исполнения и принадлежит к числу лучших в экспозиции.

Из воспоминаний внучки Симановской, Ольги Александровны Поповой, недавно посетившей наш музей, становится понятным, почему Ярошенко изобразил Надежду Петровну Симановскую в такой позе. Неудачно сложившаяся личная жизнь Симановской вызвала сочувствие художника и друга их семьи, который так великолепно, романтично, по-байроновски, решил композицию.

Смело, широко и живописно лицо старика с бородой, написанное в теплой коричневой гамме, а также и этюд сидящего юноши-студента с открытым, смелым и волевым лицом. Портреты «Старика-пасечника» и «Дагестанца», «Пожилой дамы в темном костюме» и «Девочки с куклой» — приемной дочери Ярошенко — завершают экспозицию третьего зала.

Четвертый и пятый залы представляют произведения художников, которые приезжали к Ярошенко в Кисловодск.

Здесь зритель впервые увидит женский портрет, написанный Репиным, когда ему было двадцать два года, «Тревожное» — полотно Касаткина и его «Тягольщика», звучный пейзаж Куинджи, освещенный таинственным лунным светом, задумчивый взгляд Всеволода Гаршина в этюде Мясоедова, проникновенные портреты в живописи и рисунках Нестерова, пейзажи Дубовского, жанровое полотно «Замерзающий студент» В. Васильева, лирические мотивы Апполинария Васнецова и других современников Н. А. Ярошенко.

В четвертой комнате экспонируются подлинные рисунки Ярошенко, его акварели и шаржи. Все это ново, интересно и познавательно.

Завершается экспозиция музея специальным разделом советской живописи.

Кроме подлинных произведений, в музее выставлено немало мемориальных вещей: рояль, на котором играл Сергей Рахманинов, исполняли свои произведения Танеев и Аренский, это тот рояль, у которого пели Шаляпин, Собинов, Махарина. На письменном столе терракотовый бюст Чайковского, переданный музею семьей Швец, мольберт и кресло художника; наконец, самое драгоценное — палитра, переданная Государственным Русским музеем. На ней Ярошенко, смешивая краски, выражал свои сокровенные мысли и чувства, создавая замечательные произведения живописи. Сама по себе палитра небольшая, внешне ничем не примечательна, но она трогательна, на ней следы красок, которые еще не стерты временем.

Небезынтересен сохранившийся семейный альбом с фотографиями лучших представителей поэзии, музыки, живописи и науки, полученный от родственницы Ярошенко, Екатерины Ростиславны Васильевой, живущей в Кисловодске. Немало здесь писем, высказываний. На письменном столе художника лежит «книга тех лет» — «Отечественные записки». В витрине первого зала выставлены журналы «Искра» и «Современник», которые, по существу, являлись настольными книгами художника Ярошенко. В других витринах и на столах можно видеть разные уникальные фотографии современников и близких к семье Ярошенко художников: М. В. Нестерова, А. Васнецова, Г. Г. Мясоедова, Ф. И. Шаляпина, Л. В. Собинова и других лучших людей того времени. Фотографии, к счастью, хорошо сохранились. Нами также получены уникальные вещи и материалы от племянницы Ярошенко — Наталии Николаевны Трусовой, среди которых редчайшие фотографии и письма.

В экспозиции имеется полученный нами журнал Германской Демократической Республики, на великолепно оформленной обложке которого репродуцирован «Кочегар» Ярошенко.

Радует отзывчивость наших советских художников, достойных продолжателей лучших традиций русской реалистической школы.

Лауреат Ленинской премии, старейший скульптор Сергей Тимофеевич Коненков, перевел в мрамор поколенный скульптурный портрет Ярошенко с палитрой в руке и вдумчивым взглядом, устремленным в будущее. Будучи в мастерской скульптора в ноябре 1961 года, я видел эту скульптуру в глине. Творческая оригинальность и своеобразность меня поразили. Видно, сказалась любовь Коненкова к Ярошенко. Мною записаны слова Сергея Тимофеевича о художнике Ярошенко, которые я и привожу: «...Люблю Ярошенко за его смелость и прямоту, его человечность и доброту, а главное, за принципиальность и твердость убеждений. Я счастлив тем, что и мне довелось внести свой вклад в дело увековечения памяти замечательного русского художника Ярошенко».

Лауреат Государственных премий художник Александр Павлович Бубнов написал также для нашего музея большое полотно «Ярошенко среди горцев».

Художник Михаил Владимирович Маторин подарил свою графическую работу «На Каме».

Дочь художника М. В. Нестерова, Ольга Михайловна Нестерова, близкая знакомая семьи Ярошенко, вышила шелковыми нитками порттрет Николая Александровича.

Имеются знаки внимания со стороны художников и других городов — Киева, Перми, что позволило нам составить специальный раздел экспозиции «Советские художники о Ярошенко».

Это счастливое начало для музея.

Музей систематически пополняется работами Ярошенко. Совсем

недавно к нам из Таганрогского музея поступило небольшое полотно «Горец».

Кроме этого Государственной закупочной комиссией приобретен акварельный портрет актрисы Стрепетовой из частного собрания, а семья А. Васнецова передала две интересные работы: «Портрет бакинца» Ярошенко и «Пейзаж Кисловодска» Васнецова.

Семья Н. А. Касаткина уступила музею работы Ярошенко и Касаткина.

Радостно сознавать, что в наше время имя художника Н. А. Ярошенко пользуется огромной любовью в многонациональной семье народов нашей Родины.

Со дня открытия музея — 11 марта 1962 года — его посетили десятки тысяч зрителей. Экскурсанты оставляют свои восторженные отзывы в специальной книге. С некоторыми хочется познакомить читателей.

...Ярошенко для советской живописи то же, что Горький для литературы.

Академик И. МИНЦ.

Да, действительно, такому человеку, как Н. А. Ярошенко, надо отдать дань, с чувством глубокого волнения знакомясь с его творчеством.

Герой Советского Союза НИКИТА АЛЕКСАНДРОВ, научный сотрудник Донского научно-исследовательского угольного института.

Лично я знала и посещала семью Николая Александровича Ярошенко как при жизни художника, так и после его смерти. Мои родные Аглинцевы были их соседями и друзьями. Как стало тяжело, когда опустел дом этой талантливой, гостеприимной семьи, а память о великом художнике, казалось, исчезла и забыта. Прошло много лет.

Но вот постепенно мне стало известно и видно, как, благодаря общественности и коллективу, все в доме ожило, как будто вернулся хозяин после долгого путешествия, и я снова посетила его, в привычной для дома обстановке. Удачно восстановлены эпоха, картины, личные вещи.

Мало сказать — великолепно выполнено, это ценно не только для нашего времени, но и для молодого поколения, как вклад в историю русского искусства.

11.III-62. Отличник здравоохранения и педагог М. Ф. СТАЛЬ.

Чувство большой радости и глубокого эстетического наслаждения я испытала, побывав в музее Ярошенко в день его открытия.

Кисловодск — моя родина, но я много лет живу в Рязани, и вот теперь специально приехала к такому торжественному моменту. На меня нахлынули далекие, но близкие сердцу воспоминания о любимом всеми Николае Александровиче и Марии Павловне Ярошенко. Их дом и весь высококультурный строй жизни, гостеприимство и общительность привлекали всегда людей самых разнообразных профессий.

Мне лично посчастливилось бывать в этой семье, встречаться с лучшими представителями науки и искусства. Как сейчас, помню игру композитора Аренского, исполнявшего свое трио с артистами Большого театра на том же рояле, который я вижу сейчас в музее.

Здесь, в домашней, уютной обстановке, звучал мощный голос Шаляпина, обаятельный — Собинова. Любимец публики восхищал всех своим чарующим пением. Артисты Большого театра Збруева, Махарина пели; играли композиторы Рахманинов, Танеев.

Часто бывали профессор Менделеев, профессор-хирург Алексинский, Симановский, Ковалевский, также великие артисты Станиславский, Савина, и, наконец, гордость русского искусства—Репин. Все они шли с живым интересом в эту семью.

У Ярошенко я познакомилась с художником Нестеровым и его дочерью Олей и была с ней в дружбе. Как-то раз она пришла к нам на дачу в синей амазонке с серебряным стеком в руке, как она изображена на картине «Дочь художника».

Проходя по великолепно оформленным залам музея, я была рада увидеть давно знакомую мне картину «Девочка с куклой». Эта маленькая Надя, приемная дочь Ярошенко, живо напомнила мне то время, когда она на нашей даче играла и прыгала через веревочку.

...Общее впечатление от музея: свет, изящество, красота. Создание музея Ярошенко является событием исторического значения для культуры и воспитания молодежи нашей страны.

Мне, как современнице и близкой знакомой семьи Ярошенко, особенно дорого увековечение памяти великого художника. От души благодарю много потрудившийся коллектив музея, проявивший истинно художественный вкус.

Композитор-педагог из Рязани
Е. Д. АГЛИНЦЕВА 11.III.1962 г.

Осмотрев Дом-музей замечательного художника Н. А. Ярошенко, мы восхищены чудесными его работами. Делается большое, очень нужное дело.

К прекрасному городу-курорту — это еще одна чудесная достопримечательность Кисловодска.

Министр культуры П. КОКОРЕВ.
Депутат Верховного Совета Мордовской АССР.

Посетили музей Н. А. Ярошенко в первый день его открытия. Мы очень рады этому. Хотелось бы сообщить, что очень многие знали Н. А. Ярошенко в Карачае и помнят его сейчас...

Мы рады тому, что его кистью изображены картины из жизни карачаевского народа.

Приветствуем открытие музея.

М. А. ХАБИЧЕВ, М. А. ХУБИЕВ, Х. Э. ДЗАСЕЖЕВ,
И. Х. УРУСБИЕВ, К. Г. ЛАЙПАНОВ.

Карачай.

Изумительно искусство Ярошенко! Страшно и радостно знакомиться с ним! Страшно потому, что испытываешь какой-то внутренний трепет перед всяким истинно великим талантом. Радостно потому, что действительно радостно сознавать, что Русь «убогая и бессильная» в прошлом, рождала таких титанов кисти, мысли, пера. Очень хотелось бы, чтобы молодой музей жил и процветал во славу родного искусства, во славу нашей прекрасной Родины.

5 августа 1962 г.

Профессор Харьковского университета
КОРОЛЬКОВСКИЙ.

Мы счастливы тем, что знакомим наших посетителей с большим искусством, которое является драгоценным, умным, тонким, вдохновенным искусством, составляющим значительную часть общечеловеческой культуры.

Произведения Н. А. Ярошенко в силу большой исторической правды и художественной ценности всегда будут заслуживать дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

Хочется думать, что сделано большое, полезное, нужное для народа дело.

К дому Ярошенко «не зарастет народная тропа». Напротив, все новые и новые тысячи людей будут с чувством волнения и благоговения подходить к этому скромному дому художника, с которыми он будет продолжать разговаривать своим неумирающим, вечно живым языком искусства.

СОВРЕМЕННИКИ О ЯРОШЕНКО

ОН БЫЛ ПРИМЕРОМ ДЛЯ НАС

С Николаем Александровичем Ярошенко я познакомился в Москве весной 1886 года.

Хорошо помню, как в школьную мастерскую вошел покойный Прянишников и с ним артиллерийский офицер, еще молодой, с заметной военной выправкой; в нем я тотчас же узнал художника Ярошенко.

Прянишников, обращаясь к нему, сказал:

— Рекомендую Вам Нестерова, будущего передвижника.

Слово «передвижник» пользовалось среди нас, молодежи, особенным уважением. Стать членом Товарищества было большой наградой, и кто из нас не мечтал хоть когда-нибудь приобщиться к нему!

Николай Александрович внимательно осмотрел мою картину и, хотя тема не могла увлечь его, отнесся к работе с полным беспристрастием, сделал несколько верных замечаний, ободрил меня и, приветливо прощаясь, пригласил бывать у него в Петербурге.

Имя Ярошенко мне было известно давно по картинам и портретам на передвижных выставках, отзывам о нем Крамского и молодежи, среди которой он был популярен. В рассказах о нем было много того, что могло действовать обаятельно на ищущего «идеалов» русского юношу.

То же, что узнал я потом, при ближайшем знакомстве с Николаем Александровичем не только не разочаровало меня, но всегда много удивляло и радовало. Его высокое благородство, его прямодушие и необычайная стойкость и вера в то дело, которому он служил, были, думаю, не для одного меня примером, и сознание, что такой правильный человек есть среди нас, ободряло на правое дело.

Человек своего времени, времени 70-х годов, с увлечениями и ошибками памятной эпохи, он был одним из наиболее ярких, вдумчивых выразителей ее лучших идей.

Будучи сам безупречным, он желал, настаивал, горячился, требовал, чтобы те люди, которые служат одному с ним делу, были на той же нравственной высоте, столь же неуклонными своему долгу, каким он был сам.

Его действия не были хитросплетенными махинациями, они были просты, трезвы и прямолинейны. Он не знал компромиссов. С его взглядами можно было расходиться, их оспаривать, но заподозрить в побуждениях недостойных, мелких — никогда. Нравственный облик его был чистый, не лицемерный. Взгляды его на жизнь и искусство были тождественны.

Как человек, Николай Александрович Ярошенко был, быть может, интереснее, разностороннее и ярче художника. То, что исповедовал он так пламенно, часто не поддавалось его кисти. И тем не менее место его в истории родного искусства—почетное. Он записал на память будущим поколениям интересные, хотя и тяжелые страницы своей эпохи. Он описал радости, надежды и печали людей, живших, как и он сам, в это возбужденное, переходное время.

Портреты его с Кавелина, Стрепетовой, Вл. Соловьева, а также покойного Шишкина — суть прекрасные тонкого анализа характеристики этих выдающихся людей. Теплым, хорошим чувством проникнуты его картины: «Заключенный», «Всюду жизнь», «Кочегар» и другие.

Деятельность Николая Александровича как члена Товарищества после деятельности Крамского можно считать наиболее полезной и достойной уважения. Лучшие качества души его здесь сказались во всей своей силе и привлекательности. Он был стражем, охранителем лучших традиций Товарищества, был как бы с о в е с т ь ю его.

Я не стану вдаваться в подробную характеристику и оценку деятельности покойного (это, думаю, сделают другие), мне же хочется лишь помянуть его добрым словом, отметить некоторые черты его, привлекательные мне лично, вспоминать о нем, как о человеке, которого я давно знал, любил и глубоко уважал.

Ближайшее знакомство мое с Николаем Александровичем началось с 1889 года, когда я впервые выступил в Товариществе со своей картиной «Пустынник», к которой Николай Александрович отнесся сочувственно и при встрече со мной повторил свое приглашение бывать у него. В ближайшую «субботу» я отправился на Сергиевскую, где проживал Ярошенко.

Еще и в то время «субботы» эти имели живой интерес, а для нас, новичков, и тем более. На них собирались люди разных положений, интересные и даровитые. Здесь нередко можно было встретить известных людей науки, искусства, литературы. На этих собраниях не знали, что такое скука, винт, выпивка — эти неизбежные спутники духовного оскудения общества.

Николай Александрович, то серьезный, то остроумный и милый хозяин, был душой субботних собраний на Сергиевской. За ужином, помню, бывали великие споры, иногда они затягивались за полночь, и мы расходились гурьбой обыкновенно поздно, довольные проведенным временем.

В 1890 году, перед операцией, меня послали в Кисловодск, где летом

обыкновенно жили Ярошенко. С великой благодарностью вспоминаю я то время; Николай Александрович и Мария Павловна Ярошенко делали все, чтобы облегчить, улучшить мое незавидное положение, и своим выздоровлением я столько же обязан заботам Николая Александровича и Марии Павловны, сколько и климату этого ласкового уголка сурового Кавказа.

А как памятны мне наши вечерние прогулки с Николаем Александровичем по темным и глухим аллеям Кисловодского парка к Нарзану, те многие разговоры, те нескончаемые споры об искусстве, понимаемом нами так различно, но любимом с одинаковой искренностью. И каким молодым, полным жизни казался мне тогда Николай Александрович. Горечь последних лет и болезнь тогда были еще далеко. Вера в хорошее, в жизнь была так сильна!

Минувшим летом 97-го года я опять часто бывал у Ярошенко в Кисловодске. Болезнь наложила свою тяжелую печать на характер Николая Александровича. Осознание близости конца делало его сосредоточенным, а потеря голоса — молчаливым. Лишь один раз мы собрались в горы и провели там время с бывалым оживлением. В конце лета болезнь обострилась. Грустно было смотреть на страдания дорогого нам Николая Александровича. Большой характер, огромная сила воли сказались и тут. С каким терпением переносил он страдания! Энергия духа настойчиво боролась с немощью тела...

Ушел человек крупный, место его должны занять другие, и дай бог, чтобы прекрасные, идеальные заветы покойного служили нам долго руководством и примером как в жизни, так и в искусстве нашем.

Вечная ему память и признательность!

Москва, 19/98, июль.

В. Н. Бакшеев

НАСТОЯЛ НА СВОЕМ

Когда я бываю в Третьяковской галерее, каждый раз не премину взглянуть на картины Николая Александровича Ярошенко. Жаль лишь, что их выставлено немного и нет в экспозиции ряда его графических работ.

Я познакомился с Николаем Александровичем за несколько лет до его кончины. На передвижной выставке была представлена моя картина «За советом». Произведения передвижников были экспонированы в здании Общества поощрения художеств на Большой Морской улице, куда я пришел вместе с Н. А. Касаткиным. Только мы вошли в зал, полный народу, как к нам приблизился мужчина среднего роста, с маленькой темной бородкой, усами и темной с проседью шевелюрой. Он был худощав, но лицо почему-то выглядело отечным. Все говорило о болезни.

— Знакомьтесь,— сказал Касаткин,— господин Ярошенко.

Так это Ярошенко! Я с нескрываемым удовольствием пожимал руку прославленному мастеру. Его произведения были мне, как и всей передвижнической молодежи, очень дороги, а его картина «Всюду жизнь» была одной из самых любимых.

Ярошенко подошел к моему полотну. Оно ему понравилось. Не скрою, как я был обрадован его похвалой.

Николай Александрович пригласил Касаткина и меня вечером к себе. Надо сказать, что с Касаткиным он был особенно дружен. Воинствующе-идейные произведения Касаткина были по душе Ярошенко. Автор «Кочегара» любил автора «Углекопы — смена». Ярошенко полагал, что Касаткин, который был моложе его на тринадцать лет, станет его продолжателем.

Жил Ярошенко в бельэтаже солидного дома на Сергиевской улице. У входа стоял дородный швейцар, с золотым шитьем на мундире. С этим швейцаром произошел занятный казус.

Ярошенко, окончивший две военные академии и читавший в одной из них курс математики, был генералом. Однажды подходит к парадной двери старик в полушубке и валенках и хочет пройти во внутрь.

— Ты куда прешь? — сердито остановил его швейцар.

— К Ярошенко Николаю Александровичу.

Швейцар недоверчиво поглядел на валенки.

— Ну и ступай через ворота и заднее крыльцо. Деревенщина!— добавил он с презрением.

«Деревенщина» усмехнулся и покорно пошел в ворота и через заднее крыльцо. А это был... Лев Николаевич Толстой. Он и Ярошенко долго смеялись над «усердием» швейцара.

Принял нас Николай Александрович радушно. В его доме все было просто, уютно. Жена Ярошенко, полная, добродушная, приветливая женщина, непременно напоит гостя чаем с разными вареньями, накормит ужином до отвалу. Так и именовали шутя ярошенковские ужины «демьяновой ухой».

В первый вечер у Ярошенко много говорили об искусстве. Николай Александрович откровенно высказывал, что превыше всего ценит в живописи содержание, идею, осмысленность.

Была у него небольшая коллекция картин. Он приобретал лишь то, что ему особенно нравилось. Поэтому для меня было приятной неожиданностью узнать о желании Ярошенко купить мою вещь «За советом», что и произошло вскоре.

В 1897 году появился портрет великого князя Павла Александровича работы Серова. Князь был изображен в кавалергардской кирасе подле выхоленной лошади. Портрет имел шумный успех. Я пришел к Ярошенко, заговорил о работе Серова.

— Натюрморт,— холодно отозвался Николай Александрович,— натюрморт человека с лошадью.

Ярошенко терпеть не мог придворных портретов, не любил он и купцов-миллионеров.

...Я помню, как справляли двадцатипятилетие Товарищества. Ярошенко тоже приехал на торжество и вместе со всеми пошел в ателье фотографироваться. Был он в своем обычном штатском платье.

Эта фотография хранится у меня в архиве как память о замечательном русском художнике-демократе.

Ю. В. Котельникова
(крестница матери Н. А. Ярошенко)

ВСТРЕЧА

Однажды, возвращаясь вечером из сада с книжками и тетрадями домой, я увидела спускающегося с горы в сад отца с двумя мужчинами. Один из них был военный.

«Кто это?» — подумала я, но, вглядевшись хорошенько, узнала в них Г. Г. Мясоедова и Н. А. Ярошенко.

Отец часто останавливался и что-то объяснял им, указывая на деревья и пр. Я хотела было свернуть в боковую аллею, чтобы не встречаться с ними, так как была одета по-домашнему, не хотелось показываться художникам в таком непривлекательном виде, но было уже поздно: отец увидел меня и, указывая в мою сторону, сказал:

— Вот она!

Я поняла из этого, что у них перед этим уже был какой-то разговор обо мне. Пришлось подойти, поздороваться.

Николай Александрович Ярошенко бывал в Полтаве в последние годы не так часто, как раньше, когда была жива его мать, а моя крестная. У Николая Александровича своих детей не было, и поэтому он всегда очень баловал меня, когда была девочкой, делал мне подарки.

— О, да она уже совсем взрослая девица, — сказал он, здороваясь и удерживая мою руку в своей.

— Да, старое старится, молодое растет, — сказал Г. Г. Мясоедов.

Мы пошли по аллее, в конце которой были устроены кегли (упиравшиеся в решетку соседнего с нами сада Хондзинских), возле которых стояли две скамейки со спинками (самое любимое место всей нашей молодой компании). Мужчины сели на одной скамейке, я—напротив, на другой. Ярошенко восторгался нашим садом и живописным положением дома на горе. Он остановился в Полтаве на несколько дней, проездом из Петербурга на юг, в Кисловодск, где у него была собственная дача в окрестно-

стях последнего. Жена его уехала вперед одна. Ярошенко был женат, как ходили слухи, на бывшей невесте поэта Некрасова — Марии Невротиной. Была ли это правда, не берусь сказать, хотя в литературе имеются на это указания (журн. «Минувшие дни» за 1928 г. Подруги поэта).

— Ну, что ж Вы сейчас пишете? — спросил меня Ярошенко.

— Сейчас некогда ей работать, — ответил за меня отец.

— Экзамены? — спросил Мясоедов.

— Да, — ответила я.

— Вы сделали большие успехи с тех пор, как я был у Вас здесь в последний раз,— сказал Ярошенко.

Мясоедов разглядывал меня внимательно с головы до ног изучающим прищуренным взглядом художника. Почти толкнул локтем сидевшего с ним рядом Ярошенко:

— А ведь не плохая модель, а?

Ярошенко одобрительно улыбнулся.

— Ничего... Вообще она расцвела! А девочкой была такая «бука».

Потом он обратился к отцу:

— Ну так как, Василий Алексеевич, отпустите Юлю ко мне на дачу?

Отец посмотрел на меня:

— Не знаю, как она... Хочешь на лето поехать к Николаю Александровичу в Кисловодск?

Я покраснела, смутилась от неожиданного предложения.

— А как же Николаев? — спросила я.

— А вот у тебя выбор: Николаев или Кисловодск,— сказал отец.

Ярошенко посмотрел на меня выжидательным взглядом.

Я не знала что сказать.

— Поработаем вместе, походим на этюды. У меня окрестности очень живописны. Так как? Согласны? — спросил он.

— Согласна.

— Ну вот и отлично!

Отец подумал и сказал:

— Вот не знаю только, как это устроить. Сейчас бы ей вместе с вами ехать... Так экзамены!

— Ну, когда сдаст все экзамены,— сказал Ярошенко,— тогда пускай сразу же катит ко мне.

— Она одна, пожалуй, не доберется...

— Ну, что вы, папа... Разве я маленькая?

Мясоедов криво усмехнулся и сказал:

— Еще, чего доброго, какой-нибудь черкес похитит ее в дороге, и она не доедет до Николая Александровича!

Все рассмеялись.

Потом у них зашел разговор о выставках, о картинах.

Досидели в саду до заката солнца. Становилось прохладно внизу, и

отец предложил подняться в дом, где в это время Лида (вернувшаяся из Петербурга) накрывала на нижнем балконе стол к вечернему чаю. Отец с Мясоедовым пошли вперед, а Ярошенко взял меня под руку, и мы несколько отстали от них. Последние годы у него сильно пошатнулось здоровье, и ему, видимо, трудно было подыматься в гору. Проходя мимо вишневого участка, он задержался:

— Вы пробовали писать когда-нибудь цветущий сад? — спросил он.

— Пробовала, но... Ничего у меня не получается, трудно.

— Да, это не легкая задача, передать всю эту цветущую массу. А красиво!

— Папа советует сперва писать отдельные деревья, это легче. Я сделала несколько таких этюдов.

— Удачно?

— Немного лучше.

— Я видел ваши этюды, но не все. Василий Алексеевич показывал нам с Григорием Григорьевичем. У вас есть неплохие вещицы... Но все же, я думаю, что это не ваше дело, вы—будущая портретистка, это бесспорно.

— Да, меня больше интересует человеческое лицо.

— И вы его уже достаточно хорошо изучили. Вот приезжайте ко мне, поработаем еще вместе.

Когда мы поднялись по лестнице к аллее акаций и подошли к площадке с качелями, отделяемой низкой решеткой от цветника перед нижним балконом, Ярошенко приостановился и сказал:

— Вот написать бы! Какой интересный световой эффект!

Действительно, картина была удивительно красива! Наш дом с мезонином, построенный в русском стиле, уже сам по себе был красив, а теперь, в сумерках, он возвышался, как какой-нибудь замок, выделяясь на розовом фоне неба темным силуэтом. Дикий виноград, густо окутавший балкон вместе с крышей, теперь, весной, был еще довольно редким, и сквозь молодые листья пробивались зеленые лучи лампы. Это сочетание тонов бледно-розового с ярко-зеленым давало эффектную картину. Мой глаз привык уже к этим хорошо знакомым картинам, а на свежий глаз, да еще глаз художника, это должно было производить чарующее впечатление.

Когда мы поднялись на балкон, Ярошенко сразу же сказал отцу:

— Что ж вы, Василий Алексеевич, такой прекрасный колорист, и не пользуете живой натуры, которая у Вас под боком? Ведь это было бы не хуже Вашей картины «Со страстей», да и «Гаданья» тоже, в смысле световых эффектов.

Отец как раз в это время начал работать над картиной «Со страстей», которую готовил к следующей выставке передвижников. И Ярошенко находил картину очень интересной, хотя она далеко еще не была закончена.

— Я Вам предсказываю большой успех с этой картиной! — говорил

отцу Ярошенко, когда после чая они снова перешли в мастерскую. Мясоедов молчал, но смотрел на картину с выражением плохо скрытой досады. Как ни странно, он, такой крупный художник, не выносил, когда хвалили других коллег, точно завидовал им. Эту его черту характера знали многие товарищи по искусству, и некоторые поддразнивали его, нарочито расхваливая в его присутствии чужие картины. Он же всегда находил недостатки даже у самых крупных художников. Мой отец, наоборот, всегда и всех хвалил и досадовал, что он не может написать так. За строгость к себе и своей работе от многих художников ему частенько доставалось, в том числе и от Ярошенко:

— Вы просто не знаете себе цены, Василий Алексеевич, — часто говорил он отцу.— Вы загубили себя на этом педагогическом, учительском поприще, и продолжаете себя губить. Вы закопались в провинции и отстаете от столичной жизни, от жизни искусства.

— Да... — отвечал отец, — вы правы, но... что делать! Слишком глубоко я пустил корни здесь, в Полтаве. Детей надо ставить на ноги! К тому же этот дом связывает. А продать его не могу, не мой, он детский, наследство матери. Да и привычка тоже... Всю жизнь ведь, как окончил Академию художеств, прожил здесь. И люблю я Украину, все эти гоголевские места, со «ставками да клинками».

— Но вы бы хоть почаще бывали в Петербурге.

— Когда же? Только летом, на каникулах, мог бы это делать. А летом-то как раз мне только и работать к выставке. Нет уж... Куда уж мне!

И все-таки каждый приезд в Полтаву Ярошенко сильно подбодрял отца и заставлял его энергичнее взяться за работу, за новые сюжеты. В эти годы отец писал «Со страстей». Для старухи ему позировала Софья, для мальчика-гимназиста — один из Колиных товарищей — Леша Старковский, девушку-подростка он писал больше из головы, а для рук с горящей свечой позировала я.

Кроме этой картины он работал еще над другой — «Гаданье», для которой тоже позировали Софья (старуха гадалка) и я. Эта картина тоже была построена (как и «Со страстей») на световых эффектах, что отцу всегда прекрасно удавалось, и многие считали его одним из лучших колористов той эпохи.

...После отъезда Ярошенко (которому я обещала по окончании экзаменов приехать в Кисловодск) у нас дома начались разговоры и обсуждения этого вопроса. Лида находила, что мне не следует одной ехать к нему, что у меня нет для Кисловодска подобающих «курортных» туалетов, что иметь и заводить все новое — надо много денег и т. д. Отец доказывал, что это ерунда, потому что я еду не на курорт, не в самый Кисловодск, а в окрестности, буду жить на даче, ходить на этюды с Николаем Александровичем, и мне туалеты не нужны...

А. А. Голубева

ВЕЧЕРА У ЯРОШЕНКО

Александра Александровна Голубева была взята на воспитание Николаем Александровичем Ярошенко из бедной деревенской семьи из Костромской губернии: он удочерил ее, воспитал и дал образование. Александра Алексадровна училась и окончила курсы вместе с Надеждой Константиновной Крупской.

Она была воспитана Николаем Александровичем глубоко революционно. Не раз Голубева участвовала в политических демонстрациях, преподавала в воскресных школах для рабочих.

В советское время А. А. Голубева, как дочь художника Н. А. Ярошенко, по ходатайству М. В. Нестерова, получала по возрастному положению персональную пенсию. Скончалась Голубева-Ярошенко от воспаления легких во время Великой Отечественной войны в Москве. Вот что она пишет о Ярошенко в своих воспоминаниях:

«Проживая в Петербурге, у себя на квартире, Николай Александрович Ярошенко устраивал бесплатно рисовальные вечера для учеников, которые готовились в Академию художеств. Сюда же приходили за советом и художники-самоучки.

Впоследствии эти вечера превратились в еженедельные собрания, так называемые «субботы», на которых для обмена мыслей об искусстве и литературе собирались выдающиеся люди того времени, студенты. Здесь бывали художники Крамской, Репин, Шишкин, Савицкий, Ге.

Нередко можно было видеть львиную голову Д. И. Менделеева, слышать громкий голос В. В. Стасова, звонкий смех В. Л. Соловьева.

Близкий друг Николая Александровича Ярошенко писатель Глеб Успенский читал свои рассказы, писатель В. М. Гаршин, всегдашний заступник угнетенных, со слезами говорил о каком-либо уличном происшествии. Поэт Плещеев декламировал свои стихи, артистка Стрепетова читала стихи Некрасова. Иногда приходили революционеры, но от меня, как от подростка, их имена скрывали.

Идеи и мечты художника о социальном равенстве плохо увязывались с его служебным положением и вызывали постоянные опасения его родных, как бы он не лишился заработка, так как картины его продавались редко и по дешевой цене.

После убийства Александра II Ярошенко выставил картину «У Литовского замка» — заподозрили, что на ней изображена Вера Засулич или Софья Перовская. Картина была снята с выставки, а художнику грозила отставка и даже арест. (Ограничились домашним арестом.)

Ярошенко любил Кавказ и его обитателей — горцев...

Будучи в ауле Крымшамхаловых, он увидел на стене пейзаж, написанный местным жителем. Ярошенко привез автора этого пейзажа в Кисловодск, стал учить его рисованию и вместе писал с ним этюды.

В 1918 году большевики заняли Кисловодск и устроили музей в его домике с мемориальной доской.

Когда Кисловодск попал опять в руки белых банд, музей был разграблен в одну ночь».

С. Р. Левицкая

МЕСЯЦ В КРЫМУ

Какое счастье! Я еду в Крым! Это решено. Мама отпускает меня с женой моего дяди — художника Мясоедова. Я бесконечно рада увидеть море, горы, узнать интересных людей!

...Путь до Ялты — одно наслажденье.

...Нас ожидала чудная квартира с мраморной террасой, обвитой настоящим виноградом. Я попала будто в заколдованный мир: прибой моря, музыка, доносящаяся из городского сада, луна, просвечивающаяся через ветки винограда, темное небо с необыкновенно яркими звездами, теплый ветерок, доносящий из сада аромат цветов... Все это буквально опьяняло меня. Несколько дней я провела как в чаду.

Однажды, часов в шесть вечера, мы услыхали шаги по мраморной лестнице и увидали входящего дядю. Мы ему очень обрадовались. Елизавета Михайловна сейчас же повела дядю Гришу осматривать дачу, которую она в этом году купила. Я тоже пошла за ними. В саду нас встретил господин невысокого роста, брюнет, в серой шляпе. Оказалось, что дядя приехал не один, а со своим другом, художником Ярошенко. Нас познакомили, и мы молча ходили за Елизаветой Михайловной и дядей. Потом на мраморную террасу, где мы расположились, был подан чай. Вечером мы все пошли в городской сад. Сидя за отдельным столиком, мы долго слушали музыку. А потом дядя и Николай Александрович Ярошенко начали спорить (сейчас уже не помню о чем). Я слушала, затаив дыхание и широко раскрыв глаза: все, что говорил Николай Александрович, мне ужасно нравилось. Мне казалось, что вот это же самое и я сказала бы... Что его мысли — мои мысли...

Николай Александрович всегда был со мной любезен и внимателен. Иногда Елизавета Михайловна просила меня исполнить какое-нибудь поручение. Обычно это было вечером. Николай Александрович шел со мной. Мы спускались к морю. Какие это были счастливые минуты для меня! Он интересно говорил об искусстве, спрашивал меня, что я люблю, что чита-

ла, советовал, что надо прочесть. Он был очень образованный человек и с большим умом.

Одно время дядя и Николай Александрович писали мой портрет. Дядя скоро его закончил, а Ярошенко все писал и писал... Помню, когда Николай Александрович писал мой портрет, в сад вошли музыканты и стали играть что-то очень красивое. Вероятно, под впечатлением музыки мое лицо выражало все мое внутреннее состояние. Ярошенко с жаром писал. Он хотел запечатлеть это выражение на портрете.

Иногда мы все ездили в окрестности Ялты. Как весело было ехать на маленьком «пятом» месте позади красивой «корзины»! Корзиной назывался экипаж с большим зонтиком, обитый красным бархатом, четырехместный — с пятым местом сзади. Художники садились писать этюды, а я бегала по берегу моря, собирала красивые камешки и те, которые Николай Александрович одобрял, прятала... Иногда мы ходили с Николаем Александровичем фотографировать. Один раз, открыв нечаянно камеру, я испортила целую пачку стекол. Потом художники писали на них прелестные картинки.

После обеда на мраморной террасе Николай Александрович стал писать для меня масляными красками картинки на испорченных фотографических пластинках. Он так увлекся этими картинками, что забыл про пароход, и только тогда вспомнил о нем, когда услыхал свисток. Он вскочил, стал укладывать краски и кисти, а я бросилась в комнаты отыскивать его серую шляпу.

Я знала, что вечером к чаю придет Николай Александрович с женой.

Наконец я увидела Марию Павловну Ярошенко. Это была дама лет сорока, высокая, довольно стройная, добрая, но нервная.

Мария Павловна любила ездить верхом, и у нас стали составляться кавалькады. Лошадей брали у татар. Для меня всегда брали прелестную серую лошадь. Ее звали Вальс. Я ее очень любила и всегда огорчалась, когда видела, что на ней едет какая-нибудь незнакомая дама.

Мария Павловна скоро переехала на дачу к своим знакомым, а Николай Александрович остался в Ялте. Он шел в горы писать этюды, и я шла с ним. Он нес краски, складной стул и гуттаперчевую подушку для меня. Надув ее, он уговаривал меня сидеть на ней, так как в Крыму очень обманчиво и можно простудиться. Я садилась около него, и какие интересные беседы мы вели тогда! Как он был умен и остроумен! Иногда он просил меня позировать на каком-нибудь уступе скалы, и я попадала на его этюд.

Наступил сентябрь. Приближался день отъезда Николая Александровича. Погода стояла чудная, точно июнь в Тульской губернии. Купанье было в самом разгаре. Какое наслаждение было утром бежать в купальню! У меня был костюм из синей фланели. Я надевала пробковый пояс и уплывала далеко из купальни, и в открытом море, лежала, покачиваясь на волнах.

У меня теперь было много знакомых, с которыми меня познакомил Николай Александрович. Из них я помню артистку Стрепетову, которая этим летом жила в Ялте со своим мальчиком. Среди новых знакомых был еще один молодой человек, банковский чиновник, директор отделения петербургского банка, бледный блондин.

Ярошенко на него и на меня рисовал карикатуры. Невозможно было смотреть на эти карикатуры без хохота.... Николай Александрович называл этого молодого человека «молью», уверяя, что своим бесцветным видом он напоминает это насекомое. Перед своим отъездом, укладывая краски, Николай Александрович взял пузырек с французским скипидаром, который бывает нужен художникам для мытья кистей, и сказал:

— А куда же я дену скипидар? Ах да, я дарю его вам, Софья Руфиновна... Чтобы «моль» не приставала...

Николаю Александровичу очень не хотелось уезжать из Ялты.

В Ялте он носил штатскую синюю тужурку, и странно было думать, что в Петербурге он носит военное платье.

Настал последний вечер. Я так привыкла к художнику, что не представляла жизни без него.

Провожать его приехала Мария Павловна. Она пригласила всех к себе на прощальный чай.

Пароход отходил в шесть часов утра. Я сказала, что непременно приду его провожать.

В пять часов я встала, оделась и стала ждать одну знакомую барышню, которая со своей матерью тоже собиралась провожать Николая Александровича. Когда я увидела их в саду, я бросилась в комнату к Елизавете Михайловне и сказала, что все едут провожать Ярошенко, и спросила, поедем ли мы.

— Да,— ответила она,— я сейчас буду готова. Наймите извозчика.

Ах, какая радость! Мы побежали нанимать извозчика, а через несколько минут ехали по набережной.

Когда мы приехали на пристань, Ярошенко с женой уже был там. Он был в военном костюме. Провожающих много. Кругом говорили, шутили, смеялись... Наконец наступило время садиться в лодку. В то время мола еще не было, и надо было из павильона садиться в лодку и плыть до парохода, который стоял вдали. Николай Александрович простился со всеми и к последней подошел ко мне, пожал мне руку и убежал садиться в лодку... Потом ушел и пароход... Вспоминались его слова, остроумные шутки...

Ко дню моих именин, 17 сентября, я получила от Николая Александровича большое письмо с его портретом. Он там снят в своей милой синей тужурке.

Прошло сорок лет. Сорок лет со всеми радостями и печалями. Но месяц в Крыму остался в моем воспоминании, как самая яркая страница жизни.

Судьба отняла у меня все. Отняла очень рано мужа. Потом старшего сына. Отняла здоровье. Счастье повернулось ко мне спиной... Но воспоминания — они мои, они во мне, их никто не может отнять.

Я не говорю с тоской «нет», но с благодарностью: «было».

1924, январь.

Е. Д. Аглинцева

ДРУЗЬЯ ХУДОЖНИКА

Художник Николай Александрович Ярошенко, будучи еще молодым артиллерийским генералом, без сожаления оставил военную службу и в 1892 году поселился в Кисловодске.

Краса и гордость Северного Кавказа — Кисловодск, с его щедрой природой, открыл художнику новые, неограниченные перспективы и возможности.

Кисловодск — это неутомимое солнце, трепещущий воздух, свежесть зелени, как будто только что покрытой лаком, эти горы, уходящие тяжелой грядой вдаль, разнообразные по цвету: то зеленые, то красные, то серые и синие и, наконец, снеговые гиганты, где на вершинах розоватая теплота лучей восходящего солнца. Это ли не пища для творческой души художника?

Как человек, Николай Александрович таил в себе сдержанность, тишину и созерцание. Тонкая, стройная фигура военной выправки, темные, немного ниспадающие волосы, легкая бахромка усов, просвечивающая бородка и глаза. Я как сейчас помню эти глаза художника. Большие, темные, с маленькой извилиной век — они притягивают вас. Мягкая улыбка при разговоре, обличавшая в нем человека высокогуманного, как бы завершала благородный образ Николая Александровича.

Подходил он к людям всегда с чувством доверия и уважения, вызывая к жизни лучшие качества человека. Такая обаятельная личность художника Ярошенко навсегда осталась в памяти. Не красотой и не блестящим внешним видом привлекал он к себе симпатии и любовь окружающих. Какая-то мягкая гармония делала его облик отличным от всех.

Николай Александрович страстно любил природу и иногда рассказывал моему отцу какое-нибудь из своих приключений. Вот одно из них:

«Спускаясь однажды по крутой, каменистой и узкой тропинке на кабардинской грациозной лошадке, по кличке Кунак, я почувствовал опасность, — рассказывает Николай Александрович. — В это время из-под ног лошади вырвался камень и полетел вниз. Мой Кунак споткнулся и упал. Я быстро высвободился из седла, с силой потянул повод к себе. Умная лошадь вскочила на передние ноги, и мы были уже в безопасно-

сти. Кунак потянулся ко мне, подтолкнул меня своими бархатными губами, норкой, как говорят кавалеристы, а его выразительные глаза сказали: «Спасибо». Немного поволновавшись, мы поскакали дальше и думали оба: «А ведь еще немного и полетели бы под кручу на радость голодному волку, орлам да коршунам».

В тишине легкой вечерней прохлады я продолжал свой путь. Спокойная и величавая природа, как ты прекрасна! Разгневанная и разбушевавшаяся стихия, как ты бесконечно опасна для человека! Ты можешь потопить корабли, ты можешь залить лавой громадные пространства и повергнуть в прах тысячи человеческих жизней. Но все можно простить, если любишь тебя больше своей жизни, больше самого себя. Я хочу тебя всю взять на холст, богатую, скудную, далекую и ту, что обнимает меня и трогает своей преданностью. А люди! Где вы, счастливые и свободные? Не слышу ваших веселых голосов. Я слышу приглушенный стон, я вижу нужду и нищету и слышу плач детей.

И вас слышу, гордые смелые борцы за счастье людское, вас, отдающих свою жизнь, свою судьбу делу борьбы за будущее народа.

Люди высокой чести, я хочу своей палитрой написать вас правдиво, как святыню, запечатлеть ваши благородные души и отдать народу как свой долг перед Родиной!»

Вот так думал, чувствовал и писал художник-демократ Н. А. Ярошенко.

Любовь к животным, свойственная охотнику, художнику или философу, также оттеняла его быт. Помню,— вспоминает Екатерина Давыдовна,— в семье Ярошенко была красноносая галка, их общая любимица, которая на чисто русском языке выговаривала, правда, немного грассируя, «Верра», «Верра» (это имя старой служанки). Помню, как Галя (галка) суетливо вбегала в комнату и по указу Николая Александровича прыгала к нему на плечо, заглядывала в лицо, а Николай Александрович говорил: «Позови, позови Веру, она принесет что-нибудь покушать», и Галя кричала: «Верра! Верра!» Служанка приносила кусочки мяса, и галка выклевывала их из рук хозяина. Все приходили в восторг от такой трогательной сцены, а Николай Александрович говорил: «Привязался я к этой птахе и, кажется, пользуюсь взаимностью».

Жена Николая Александровича, Мария Павловна, была женщина умная, одаренная, любила живопись. Она художник, но талант Николая Александровича поглотил ее дарования, она перестала писать, уступив первенство своему мужу.

Внешне Мария Павловна была невероятно полна, «обтекаемая» фигура колыхалась, а не шла, и все же, подвижная и живая, она была общительна, приветлива и приятна. Среднего роста, смуглая, с жгучими вьющимися волосами, черными глазами, она любила побеседовать, посмеяться, покритиковать, а когда нужно было возмутиться несправедливостью и стать

на защиту обиженного, она делала это не задумываясь. Отличалась гостеприимством, доверчивостью, за что иногда бывала наказана. Однажды Мария Павловна пришла к нам на дачу и говорит моим родителям:

— Приютила.

— Что такое? — спрашиваем мы ее.

— Приехал к нам господин с маленьким чемоданчиком, очень хорошего внешнего вида, и говорит: «Я друг вашего друга (называет имя нашего хорошего знакомого), прошу меня приютить. Я поэт, слегка охотник, немножечко художник, ну а сейчас — турист». Я сказала: «Какой симпатичный».

Мы с Николаем Александровичем открыли ему объятия, приняли его, как друга. Поэт, охотник и турист прожил у нас три дня, а на четвертый утром, когда Вера пошла приглашать его к завтраку, его в комнате не оказалось, также не оказалось и прекрасной подзорной трубы, подаренной Николаю Александровичу художником Репиным. Новому другу мы пожелали счастливого и далекого пути, а вот подзорную трубу, подарок Ильи Ефимовича, было жалко.



Ф. И. Шаляпин.

— Какой симпатичный,— сказал Николай Александрович.

Было стыдно, я сделала вид, что не слышу.

Мария Павловна ходила всегда в черном. Распашонка была единственным возможным фасоном для ее фигуры.

Семья Ярошенко любила принимать у себя знаменитостей науки, литературы и искусства.

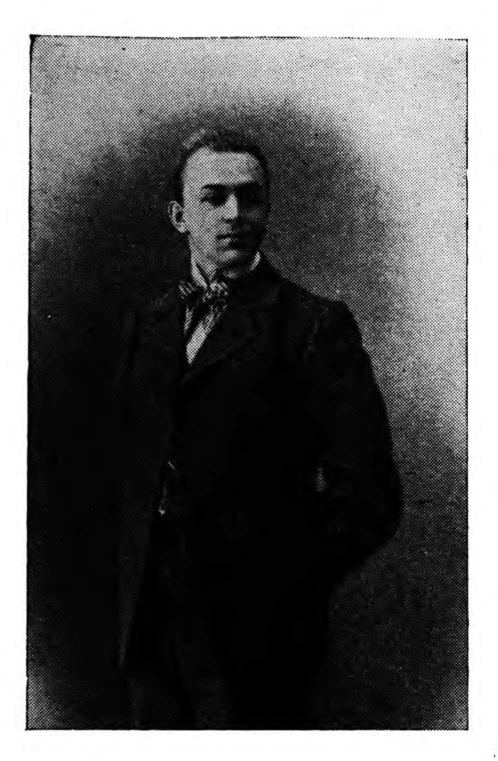
Помню, как однажды пристали к Шаляпину:

— Федор Иванович, расскажите что-нибудь.

И вдруг Федор Иванович говорит:

— Действие происходит в церкви.— Он достал из кармана кумачовый платочек, надел его на голову, завязал узелком, сморщил по-старушечьи лицо и пополз по полу, крестясь и приговаривая:

— Никак, двугривенный! Мать пресвятая богородица, заступница ты наша, посылаешь мне кроху на мою бедность. Так и есть, двугривенный.



Л. В. Собинов.

И вдруг, возмущенная, откидывается, ругаясь:

— Вот черти! Какой-то кружок, а я-то сдуру посчитала за двугривенный.

Богатырская фигура Шаляпина в роли сморщенной старушенции привела всех в восторг, да никто и не ожидал от него такого симпатичного выступления. Все ему зааплодировали, а Шаляпин говорит:

— Теперь твой номер, Леонид.

Всегда веселый, приветливый, Леонид Витальевич Собинов не сразу согласился выступить с юмористическим рассказом.

— У меня так не выйдет.

— Просим, просим, — заволновались все.

— Иду я вчера с компанией из курзала после оперы «Риголетто» и, еще не перевоплотившись в самого себя, запел «Сердце красавицы». Вдруг подходит к нам ночной сторож и говорит: «Ваше благородие, с вас штраф причитается». За что?—спрашиваю я.—«За нарушение общественной тишины».

— И, голубчик, да ведь это герцог поет, а ему все разрешается, все можно...

— Виноват, ваше благородие, я не знал, что вы будете герцог. Тогда извините-с, не знал-с, не знал.

Сторож смущенно отошел, а я вынул из кармана рубль и протянул сторожу:

— Выпей, голубчик, за герцога Монтуанского.

— Покорно благодарю-с, Ваше благородие.

Компания с веселым хохотом продолжала нарушать общественную тишину, именем герцога избавившись от штрафа.

— Леонид Витальевич, спойте «Сердце красавицы»,—воскликнуло несколько голосов, в том числе и хозяйка дома, Мария Павловна.

— Спою,— сказал Собинов,— если Евгения Ивановна споет «Хабанеру».

Вызов принят, и Леонид Витальевич запел чарующим голосом «соби-

новского» тембра, который буквально сводил с ума москвичей и каждого, кто слышал его.

Много арий и романсов спел в тот вечер Леонид Витальевич: арию Владимира из оперы «Князь Игорь», конечно, Ленского, дуэт Даргомыжского «В селе малом Ванька жил».

Из артистов Художественного театра особенной любовью пользовался Константин Сергеевич Станиславский. Однажды за ужином Мария Павловна говорит:

— Константин Сергеевич, вас все знают и любят, наверное, вы и здесь имеете большой успех?

— Не всегда,— ответил Станиславский. Как-то я пил нарзан у источника. Вдруг слышу позади себя: «Станиславский! Станиславский!» Я стал прислушиваться. Две барышни шепотом переговариваются:

— Посмотри, какой он высокий! Ты хотела, чтобы твой муж был такой высокий?

— Да. А ты?

— Я тоже.

— А посмотри, какие у него толстые губы, тебе нравятся?

— Да, а тебе?

— Мне тоже.

— А какие у него мешки под глазами, тебе нравятся?

— Нет, а тебе?

— Тоже нет.

— Разве тебе не все равно?

— Ну, все-таки...

Все засмеялись, а Мария Павловна спросила:

— А вам, Константин Сергеевич, не все равно, что сказали барышни?

Станиславский тихо ответил:

— Ну, все-таки.. Эти проклятые мешки под глазами мне всю жизнь карьеру портят.

Кто-то предложил:

— Выпьем за милых барышень.

А Константин Сергеевич добавил:

— Только без мешков под глазами.

Среди посещавших семью Ярошенко выделялась артистка Большого театра Евгения Ивановна Збруева, известная слушателям опер как исключительная Кармен. Обладательница прекрасного контральто, она приводила в восторг всех, и больше всего Марию Павловну, которая, слушая ее пение, вспоминала свою молодость и уносилась в прошлое.

Евгения Ивановна сама много пела и привлекла других больших музыкантов в салон высокой культуры Ярошенко. Ей аккомпанировала артистка Большого театра, красавица М. Н. Махарина, с которой в свое время скульптор вылепил статую «Россия».

Композитор Аренский в ансамбле со скрипачом и виолончелистом Большого театра исполнял у Ярошенко ряд инструментальных вещей. Он высоко ценил талант Евгении Ивановны, писал и посвящал ей свои романсы. Евгения Ивановна в свою очередь в честь Аренского организовала хоровой коллектив из любителей и под своим дирижерством пропела несколько произведений, в том числе «Хор поселян» из оперы «Князь Игорь»...

...Ярким примером гуманности супругов Ярошенко может служить следующий факт. В Кисловодске в семье Волженских (родственников Ярошенко) росла маленькая Надя, которая в силу каких-то обстоятельств попала в тяжелые материальные условия. Николай Александрович и Мария Павловна приняли в ее жизни горячее участие, взяли ее к себе и воспитывали как свою дочь.

О высоких моральных качествах Николая Александровича и Марии Павловны Ярошенко я всегда слышала от моих родителей, с которыми у них была многолетняя дружба. С этюдником в руках и холстом приходил Николай Александрович к моему отцу, полковнику Аглинцеву, и тихо говорил:

— Пойдемте, Давыд Осипович, за дом.

Там, на северной стороне дачи, он писал портрет моего отца. Прекрасный по живописи портрет остался у художника.

В доме Ярошенко я познакомилась с женой Репина. Пожилая, очень симпатичная, она живо рассказывала о своих путешествиях. Познакомилась я и с Верой Репиной (дочерью художника). Она потом выступала в курзале, а я с нею в качестве аккомпаниатора. Она имела недурной голос, чувствовалось, что умна и развита.

Семья Ярошенко была близка с художником Михаилом Васильевичем Нестеровым. Его дочь Оля дружила с шалуньей Надей, приемной дочерью Ярошенко.

Оля Нестерова, высокая, с синими глазами, была хороша собой. Как-то она пришла к нам на дачу в синей амазонке со стеком в руках и сказала, что позировала художнику, своему отцу. Писал ее, кажется, и Николай Александрович, точно не знаю, картина называлась «Портрет дочери художника». В конце лета состоялась свадьба Оли Нестеровой. Известно, что по старому обряду, два шафера по очереди должны держать золотой венец над головой невесты, одним из шаферов был Леонид Витальевич Собинов, другим—мой брат, врач К. Аглинцев. Леонид Витальевич потом шутя запевал: «Нет, за тебя молиться я не мог, держа венец над головой твоею».

С отцом Оли Нестеровой, известным художником Михаилом Васильевичем Нестеровым, я тоже встречалась в доме Николая Александровича и Марии Павловны Ярошенко. К сожалению, знакомства с ним более близкого у меня не было.

Е. К. Бондарева

Я ПОЗИРОВАЛА ЯРОШЕНКО

Кисловодск я хорошо помню с 1886 года. Это был маленький, простенький курортик, каким трудно его себе представить сейчас. О санаториях тогда и понятия не имели. Лучшим местом была Тополевая аллея, состоявшая из могучих деревьев-великанов.

Лечебный сезон открывался 1 июня, а закрывался 1 октября.

Над гротом Лермонтова, в парке, возвышалась так называемая «Казенная гостиница», нечто вроде клуба. Там устраивались танцевальные вечера, ставились спектакли и давались концерты.

На пустынных окраинах Кисловодской слободы бродили волки. Ночью слышался их вой... Не раз мне приходилось слышать о ночных набегах немирных горцев. Лошадиный топот, стрельба, сопровождаемые гиканьем и криками... Спешно запирались ворота, закрывались ставни, двери, гасили свечи и керосиновые лампы. Было жутко.

За Тополевой аллеей, у шоссе, были построены станция дилижансов и почта. На этой станции семья Ярошенко часто встречала своих гостей, среди которых было немало русских знаменитостей.

Хорошо помню художника М. В. Нестерова с дочерью, Станиславского и Книппер, Шаляпина и Собинова. Часто из дома Ярошенко слышалось пение, музыка и оживленные разговоры.

Мне было тогда 16 лет. Я также была их гостьей. Вступать в разговоры со старшими по этикету не полагалось.

У них были две воспитанницы, их приемные дочери, — Голубева, позднее народная учительница. Помню так же хорошо Надю Волженскую, ставшую Ярошенко. Ее отец женился на терской богачке, и Надя, в силу сложившихся тяжелых обстоятельств, вынуждена была уйти. Ярошенко полюбили ее и удочерили.

Однажды, будучи у них в гостях, я присела во дворе у стога сена. Николай Александрович увидел меня и попросил, чтобы я ему позировала в таком состоянии своего отдыха. Мне было приятно такое предложение художника, и я охотно согласилась.

Я должна была сидеть с соломинкой во рту, прислонившись к стогу сена. Писал Николай Александрович с жаром и увлечением. Но конца картины я не видела, так как должна была ехать учиться. Слышала позднее, что картина «Лето» получилась хорошей, экспонировалась на передвижной выставке и была приобретена, но кем — неизвестно.

Николай Александрович, несмотря на свой огромный талант, никогда не превозносил себя. Был очень сдержан и необычайно скромен. Постоянно осуждал тех, кто хвалил себя.

Я весьма ценю талантливого художника и удивляюсь, что некоторые не знают его картин, особенно молодежь.

Это был знаменитый человек своего времени. После кончины Ярошенко жители города ежегодно отмечали память Николая Александровича, оставляя венки и цветы на его могиле.

Фатьма Аскербиевна Крымшамхалова

ЕГО ЛЮБИЛИ ГОРЦЫ

Мы жили в Теберде. Нашим дорогим гостем иногда бывал художник Ярошенко. Он сразу обратил внимание на способности молодого Ислама. Ислам хорошо переводил на наш язык стихи и басни Крылова. Эти переводы и сейчас хранятся в Ленинской библиотеке в Москве. Николай Александрович Ярошенко подготовил и устроил Ислама в Академию художеств. Он не забывал о своем юном друге с гор и в Петербурге всегда оказывал ему помощь и давал ценные советы.

Упорство Ислама в достижении намеченной цели и дружеское участие в его судьбе художника Ярошенко позволили ему хорошо освоить живопись.

Впоследствии Ярошенко и Крымшамхалов были друзьями.

Ислам часто бывал в Кисловодске и гостил у Н. А. Ярошенко.

Мне известно также, что осетинский поэт Коста Хетагуров был другом Н. А. Ярошенко и другом Ислама Крымшамхалова.

Живя в Теберде, Ярошенко писал этюды вместе с моим старшим братом Исламом.

В Теберде живет и здравствует первый председатель аулсовета Шамаил Онаниевич Халамлиев. В детстве он носил этюдник Ярошенко. Это делала и я, и была счастлива, что такой человек доверял мне эту несложную работу.

Ярошенко завоевал любовь горцев за большую человеческую доброту.

Ляля Мисостовна Абаева-Крымшамхалова

ИСЛАМ ГОВОРИТ НА СЪЕЗДЕ

Ислам говорил, что сделал его художником Ярошенко.

Не помню, в каком году, в Екатеринодаре (ныне Краснодаре) состоялся съезд горских народов. Ислам был послан на этот съезд представи-

телем от карачаевцев. Когда стали говорить о равенстве, свободе и братстве, то Ислам заявил, что это такая свобода, какая существует у негров в Америке, и демонстративно ушел со съезда.

Эти высказывания явились результатом передовых влияний Николая Александровича Ярошенко.

Ислам был самородком, и если бы не Ярошенко, то Ислам бы не учился в Академии и не был бы художником.

Всю жизнь Ислам был благодарен генералу-художнику.

Коста Хетагуров также бывал в доме Ярошенко в Кисловодске.

Племянник Ислама Хамзат Балсанукович Крымшамхалов, советский скульптор, — член Союза художников СССР. Работает он в Нальчике.

Для Кисловодска Хамзат Крымшамхалов вылепил два бюста-героини гражданской войны Ксении Ге и первого председателя Совдепа Кисловодска т. Тюленева.

Из беседы с аспирантом Азербайджанского университета Лайпановым Кази Танаевичем.

ТРИ ДРУГА

Н. А. Ярошенко часто бывал в Теберде. Останавливался он в доме Ислама Пашаевича Крымшамхалова, где для него была отведена специальная комната, которая называлась комнатой Ярошенко, а другая комната была отведена Коста Хетагурову.

Часто у них гостили: инженер Кондратьев, увлекавшийся живописью и рисованием, артист Чупрынников, который изучал быт народностей Кавказа.

Ислам любил музыку, хорошо играл на скрипке. Его учителем по музыке был композитор Венявский.

Композитор Танеев также бывал в Кисловодске.

Рядом с дачей Ярошенко находилась дача полковника Аглинцева Давыда Осиповича (ныне санаторий «Узбекистан»).

Ярошенко дружил с Аглинцевым, написал с него портрет, местонахождение которого неизвестно.

Аглинцев являлся ближайшим другом Исмаила Урусбиева — человека большой культуры, больших знаний, ученого того времени. Урусбиев был дядей Ислама и был знаком со многими учеными мира.

Коста, Ислам, Ярошенко любили ловить форель в притоке Карасу. Все трое засучивали брюки, шли вброд и руками ловили рыбу.

Не раз Ислам и Ярошенко ходили на Муруджу, что недалеко от Домбая, откуда любовались красотами природы и принимались писать этюды Главного Кавказского хребта. Иногда с ними бывал и Коста.

Часто Ислам и Ярошенко пешком и на лошадях поднимались через Бермамыт на Бичисынское плато, на горные пастбища, а затем спускались в аул Хурзук, направлялись в большой Карт-Джурт, откуда недалеко была сакля — дом Крымшамхалова, в нем останавливались на несколько дней.

В честь дорогого гостя резали барана. Во время пребывания у Крымшамхаловых ходили на охоту. К ним присоединялся Абдул Керим Хубиев, один из прогрессивных деятелей, своеобразный адвокат. Ни раз они бывали в Архызе. Их возил Конав — отец ныне здравствующего в Теберде Шамаила Халамлиева.

Фатима Крымшамхалова вспоминает, что когда Ярошенко приезжал в Теберду, то всегда привозил гостинцы, подарки и игрушки, «а меня гладил по головке» (ей тогда шел 15-й год).

Николай Александрович отличался необыкновенной добротой, защищал горцев и делал для них большое, нужное дело. Мне всегда доставляет удовольствие вспоминать об этом хорошем человеке.

Если хозяину дома гость понравился, то хозяин-отец говорит кому-то из сыновей: «Ну-ка сходи и выбери из табуна самого лучшего коня»... (Ведь не случайно и поныне у карачаевцев существует поговорка: «Что он мне коня, что ли, подарил?!»)

Самым лучшим подарком у карачаевцев был конь с седлом, что являлось традиционным обычаем. Ярошенко подарили коня, по имени Кунак, что по-карачаевски означает друг.

В живописи Ярошенко немало запечатлено представителей народов Кавказа.

В Кисловодском музее Ярошенко имеется рисунок (факсимильный) с мальчика Якуба из аула Верхняя Теберда. Якуб жив и поныне, имеет внуков. Фамилия его Кумуков. Якуб жил по соседству с просветителем Исмаилом Акбаевым, который был близок с Коста и Исламом. Ислам, Ярошенко и Коста были друзьями, а Исмаил их другом, значит, и другом художника Ярошенко.

Есть и другие рисунки и наброски с очень меткой характеристикой каждого изображенного. Мы не знаем другого такого художника, который бы так щедро, любовно и проникновенно воспел в своих картинах жизнь, быт и нравы простых людей гор, величественную природу Кавказа. Честь ему и слава!

В Севастопольской картинной галерее имеется картина Ярошенко «Забытый храм». Это великолепно написанное полотно, размером до метра, относится к 1896 году. Живописный почерк картины отличается смелостью. Об истории ее создания мне поведали Лайпанов Кази Танаевич, аспирант Азербайджанского государственного университета, и Хубиев Магомет Ахьяевич, преподаватель карачаево-черкесского пединститута.

«Забытый храм» расположен в Карачаевском районе. Это Сентинский

храм X века в ауле Нижняя Теберда. Картина была написана в 1896 году, а храм реставрирован через два года — в 1898 году. Назвав этот храм забытым храмом, художник Ярошенко как бы напомнил о том, что памятники старины и архитектуры достойны постоянного и пристального внимания и бережного отношения. Картина — своеобразный упрек художника и умное, убедительное напоминание, выраженное средствами изобразительного искусства. Не случайно в 1898 году храм был отремонтирован и восстановлен. Живописный язык художника и здесь одержал победу.

ВСТРЕЧА С ПЛЕМЯННИЦЕЙ ЯРОШЕНКО

19 марта 1962 года, то есть через семь дней после открытия музея Н. А. Ярошенко, в адрес администрации пришла открытка: «Дорогие товарищи! Я — родная племянница художника Н. А. Ярошенко, дочь его сестры Веры Александровны Купчинской...» Далее она пишет: «Хотела спросить и предложить в музей Н. А. Ярошенко несколько хороших фотографий самого Н. А. и его сестры, моей матери. Есть любительские карточки его родного брата Василия Александровича. Если вас интересует, я могу вам их прислать...» Указала адрес: г. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, д. № 182 кв. 17-а, Трусова Наталья Николаевна.

Я решил увидеться с Натальей Николаевной Трусовой лично. Знакомство с родственницей замечательного художника сулило много впечатлений. Получив командировку, вылетел в Киргизию, уведомив ее о своем приезде.

Наталья Николаевна меня ждала. Несмотря на поздний час, она сидела на скамеечке у порога.

Находясь во Фрунзе 10 дней, ежедневно посещал Наталью Николаевну. Вместе мы отобрали в ее сундуке и свертках годные для экспозиции фотографии, этюды, письма, имеющие отношение к художнику Ярошенко.

Ей 78 лет, по специальности она художник-майолистка. С 1941 по 1957 годы Наталья Николаевна работала художником-декоратором в Киргизском государственном ордена Ленина театре оперы и балета в городе Фрунзе. После 73 лет ушла на вполне заслуженную пенсию; была много раз премирована за свою безупречную работу.

Наталья Николаевна рассказала мне о встречах с Н. А. Ярошенко.

...Дядю Колю в своей жизни я видела всего только раз, дома, в Киеве, у моей мамы, его сестры Веры Александровны Купчинской. За год до своей смерти, чувствуя себя больным и предвидя скорую кончину, он приехал к нам в Киев, чтобы проститься с любимой сестрой и с племянниками. Тогда он уже вышел в отставку и носил штатское платье. Институт, где я училась, был на той же Институтской улице, в саду. Моя мать обратилась к начальнице с просьбой отпустить меня с уроков на несколько часов. Это

было в 1897 году, мне было тогда 13 лет. Просьбу моей мамы удовлетворили. Я помню, как пришла домой и увидела дядю. Он сидел в зале, на подоконнике среднего окна, раздвинув цветы. От встречи и разговора с ним осталось приятное впечатление. Темы нашего разговора не запомнила, — и не мудрено, с тех пор прошло 66 лет... Но мне много рассказывали о жизни Николая Александровича.

В Петербурге, на Сергиевской улице, самой фешенебельной в то время, где жил дядя Коля с женой, Марией Павловной, по субботам собирались лучшие и знаменитые люди того времени: писатели, критики, композиторы, артисты, врачи, художники, преимущественно передвижники. В уютной гостиной они беседовали об искусстве, успехах передвижных выставок, литературе.

Я училась в школе технического рисования в Петербурге.

Когда готовила конкурсную работу, мне была нужна авторитетная профессиональная консультация, и я обратилась с письмом к другу Николая Александровича Ярошенко и давнишнему знакомому нашей семьи (Купчинских), художнику Михаилу Васильевичу Нестерову, который жил тогда в Москве, на Донской улице. В ответ получила от него приглашение приехать погостить к нему в Москву. Так я и сделала. Две недели, которые я пользовалась его гостеприимством, я отдала на изучение нужного для моей композиции материала; он находился в Кремлевском Благовещенском соборе и заключался в изумительных по колориту иконах живописца Рублева. Находились они в верхних главках этого собора, эта большая художественная ценность оберегалась от повреждений, и потому вход и осмотр для посторонней публики были запрещены. Но художнику М. В. Нестерову, расписывавшему в это время тимпан над входом в общину сестры, бывшей государыни Елизаветы Федоровны, на религиозную тему, входы и доступ к реликвиям старины были открыты. Мы с Михаилом Васильевичем несколько раз взбирались на верхушки собора.

М. В. Нестеров вырос как художник при непосредственной творческой поддержке моего дяди художника Ярошенко и, как бы в благодарность за это, помогал мне советами, радуясь моим успехам.

Была я знакома с Виктором Михайловичем Васнецовым. Знакомство состоялось в то время, когда М. В. Нестеров сидел за работой тимпана «Явление Христа народу», а я смотрела, как он работал, и разговаривала с ним. Туда же пришел и приходил несколько раз Васнецов, с которым Нестеров познакомил меня, как окончившую училище Штиглица, с заграничной командировкой. А его со мной, как с автором картины «Три богатыря».

После выполнения на нескольких листах ватманской бумаги всех чертежей в общем виде и в деталях своего задания — «иконостаса», фотография с которого передана мною в дар дому-музею Николая Александро-

вича Ярошенко, задания, прекрасно выполненного в ярких рублевских красках, — я была послана в командировку на стипендии, по собственному выбору, в Италию. По желанию нам предоставлялось право ехать в любую страну Запада или Востока. Но нельзя же ехать на Восток, не видевши Запада.

После отсылки работ нам полагался месячный отдых, который мы могли использовать на любую поездку. Мне очень хотелось посмотреть Париж и Лондон, но, благодаря некоторым затруднениям, связанным с надвигавшейся войной с Германией, пришлось отказаться от кругосветного путешествия по западным столицам и удовлетвориться поездкой на остров Капри, находящийся в 60 километрах от Неаполя, в Тирренском море.

Я посещала единственный клуб на этой стороне острова, и, играя там на биллиарде, оказалась в комнате, в соседней с той, в которой ежедневно играл со своими товарищами Алексей Максимович Горький. Однажды, когда я практиковалась, Горький подошел, внимательно посмотрел на мою игру, и, не выдержав моих «успехов», заметил: «Вы не так кий держите, барышня», взял у меня кий, стал давать мне уроки биллиардной игры, во время которой мы шутили, острили и смеялись. А потом, при встречах на прогулках, он очень мило раскланивался и непременно справлялся о моих успехах на биллиарде. Ходил он всегда окруженный толпой поклонников.

Случалось иногда, что художники обменивались своими этюдами, эскизами к картинам. В один из таких вечеров И. Е. Репин подарил Н. А. Ярошенко один из эскизов к картине «Иван Грозный», небольшого размера, написанный масляной краской. В этом эскизе есть интересная подробность: в дверях изображена няня сына Грозного, с ужасом на лице (свидетельница всей трагической сцены).

Впоследствии И. Е. Репин эту подробность не ввел в картину, чтобы, подчеркивая трагизм момента, не раздваивать впечатления зрителя...

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА НЕСТЕРОВА РАССКАЗЫВАЕТ

...После того как Николай Александрович доброжелательно отнесся к выставленному моим отцом «Пустыннику», он пригласил его, тогда мололодого начинающего художника, бывать у него на Сергиевской, в Петербурге...

Несмотря на разницу в годах (Михаил Васильевич был намного моложе), встреча их очень сблизила и подружила, с тех пор Михаил Васильевич стал частым гостем на ярошенковских «субботах».

Однажды Николай Александрович спросил у моего отца, читал ли он новую книгу рассказов Горького «Челкаш». Отец ответил, что не только не

читал, но и имени автора не слышал. Николай Александрович пристыдил отца и дал ему прочесть эту книгу. На другой день, возвращая книгу, отец заговорил о ее содержании, и оба согласились в ее оценке—очень талантливые и свежие для того времени рассказы. Друзья предсказали их автору большое будущее.

Лично я многим обязана Марии Павловне Ярошенко. Я жила и не раз гостила у них на даче и часто не одна, а со своим отцом. У Марии Павловны ко мне были самые нежные чувства. Я знала также их приемную дочь, Александру Александровну Голубеву. Помню также их приемную дочь Надю Волженскую.

У Ярошенко в Кисловодске был большой фруктовый сад, всего было изобилие, и дворнику Федору разрешалось даже продавать фрукты.

Мы с Надей лакомились фруктами, так как на террасе постоянно стояла большая полная корзина. На даче было две собаки сенбернары — сторожа, очень злые. Они всегда сопровождали Марию Павловну.

На веранде стоял большой стол, который никогда не пустовал, а к обеду всегда на нем стояло множество различных вкусных блюд и утоляющего жажду питья. Это все напоминало роскошный натюрморт. Мой отец любил раков, и Мария Павловна всегда подавала их полное блюдо.

Рояль стоял при входной двери в гостиную. На балконе цвели розовые олеандры, рядом с террасой возвышалось абрикосовое дерево, а вокруг цветник, много роз, разных оттенков и цветов.

Николай Александрович, по словам отца, был очень сдержан, внутренне и наружно всегда подтянут. Его племянник Савенков Александр Викторович был настоящим революционером, сидел в тюрьме и умер в Сибири. У Ярошенко бывал Гаршин, и Николай Александрович очень хорошо к нему относился...

Е. Н. Дерзикова

СЕРДЕЧИЕ И ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Я бывала в семье Ярошенко. У них, в добром доме, было всегда много гостей. Знаменитости, приезжавшие в Кисловодск, никогда не проходили мимо их дома.

Сам художник был веселым, добрым, подвижным. Не раз он пытался писать с меня портрет, но я убегала, не хотела позировать.

Мария Павловна Ярошенко была очень гостеприимна, простая, очень добрая.

Она возглавляла благотворительное общество, организовала лотерею в пользу пострадавших от неурожая в Поволжье. 29 июня, «День белой ромашки», был также организован Марией Павловной в пользу больных туберкулезом.

В 1914 году, за год до смерти, Мария Павловна помогала раненым воинам, узнавала нужды госпиталя и доставляла туда сахар, муку, белье. Часто у нее бывали сестры милосердия от общества Красного Креста.

Мария Павловна очень любила молодежь, многим помогала. Она учила Павла и Сашу Евсеевых (ныне учителя-пенсионеры), платила за их учебу в Пятигорскую гимназию.

После смерти Николая Александровича за всякой помощью шли к Марии Павловне, сердечная и отзывчивая, она никогда не отказывала, помогала бедным.

М. Ф. Доценко

ГОСТЕПРИИМНЫЕ ЛЮДИ

...Мне было 18 лет, когда я у них работала. Все три дома во дворе Ярошенко принадлежали художнику. Маленькая веранда с улицы, так же как и большая, была открытой. Ее стены были расписаны. Был у них рояль, на котором я слышала игру их приемной дочери Нади Волженской-Ярошенко.

Была у них конюшня, где стоял их выезд: лошадь и коляска.

Ярошенко был человек хороший, с нами обращался не как хозяин, а как родной, свой, близкий человек. Гостей у Ярошенко было всегда много, хозяин дома был гостеприимный, отзывчивый, словом, хороший.

Помню, что в последние дни у Николая Александровича болело горло, говорил плохо.

На картине «Девушка-крестьянка» он изобразил меня, я ему позировала для этой картины у него в мастерской, в Кисловодске... (Картина находится в Горьковском художественном музее.)

Г. И. Раев

МЫ УЧИЛИ ДРУГ ДРУГА

Раев Григорий Иванович, известный русский фотограф, всю жизнь проживший в Пятигорске, был другом Николая Александровича Ярошенко и очень любил о нем говорить и вспоминать. Два раза я виделся с ним — в 1953 и в 1954 годах.

Вот что он рассказал: «В доме Ярошенко бывали многие знаменитости того времени. Шаляпина, который очень дружил с Николаем Александровичем, художник просто называл Федей, как лучшего приятеля. Ярошенко вообще был человек для всех простой и гостеприимный. Барином никогда не был, был очень скромным и отзывчивым. В доме находился

рояль, у которого часто собирались артисты. Ярошенко много времени проводил на веранде, где работал, но иногда, в виде прогулки, доходил до крепости Новой Слободы, где ныне санаторий «Крепость».

Там стоял полк и были построены качели, вот тут-то, при виде этих минут отдыха, у Ярошенко зародилось желание написать картину «На качелях», что он и выполнил, изобразив разумное развлечение простых людей — солдат и кухарок. Николай Александрович учил меня живописи, а я учил его фотографировать. Во время прогулок в горы я делал снимки, а он писал этюды. Я видел, как сам Ярошенко репродуцировал свои картины и очень неплохо...»

Е. Н. Юркина-Савельева

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ

Отец мой, Никодим Никанорович Юркин (псевдоним Иванов-Панов), был полковым писарем и сверхсрочно (семь лет) служил у Ярошенко. Он выполнял все поручения Николая Александровича, который доверял отцу тайные письма к народникам и другую переписку. Николай Александрович очень ценил моего отца и хорошо к нему относился, несмотря на свой высокий чин генерала. В марте 1884 года отец поехал по поручению Ярошенко и дорогой неожиданно для всех умер от разрыва сердца. Это скорбное событие произошло за 3 месяца до моего рождения. Николай Александрович взял меня на воспитание. Часто к Ярошенко приезжали народники-революционеры, с которыми он подолгу беседовал, сидя в своей любимой качалке. Немало приходило медицинских работников и учителей. Посещали квартиру Ярошенко и люди из рабочей среды, которых он, как и других, принимал в столовой. Его кабинет, а вернее мастерская, был всегда открыт для всех, кто имел желание посмотреть его картины.

Когда бывали гости и велись разговоры о политике, меня сажали в столовую как ширму от любознательных прислуг, которые часто заходили, но, видя, что я читаю сказку «О царе Салтане», уходили, не решаясь подслушивать при мне.

Говорили о В. И. Ленине, о казни его брата Александра, о свержении самодержавия и республиканском образе правления. Мне было тогда 12—13 лет.

Звала я Николая Александровича крестным отцом.

Его другом был полковник Бударин из Тверского гарнизона, часто приезжавший в гости из Твери. Учились они вместе. Бударин также был из передовых людей своего времени и разделял взгляды Николая Александровича.

Два раза на «субботах» я видела сына Герцена и хорошо помню, что

была у него на елке. В Петербурге при мне не раз бывал у них и ночевал Л. Н. Толстой, которого мы называли дедушкой.

Николай Александрович очень любил детей. Хорошо помню, как Николай Александрович написал картину «Дети Кавказа», которая была на Всемирной выставке в Париже. Писал он ее в Кисловодске. Среди детей разных национальностей на переднем плане, справа, была написана и я. Кстати сказать, что самым лучшим местом в картине было мое живописное пятно, так как я была самой маленькой из всех, написанных в картине, и была изображена в легком платье с корзиночкой в руках. Картина была очень хорошо исполнена и вызывала у зрителей восторг. Когда Николай Александрович вернулся из-за границы, он взял меня на руки, стал то поднимать, то опускать, приговаривая: «Ленуська, милая, да ведь это ты подкупила всех зрителей, это ты доставила мне такую радость и удачу!», и целовал меня много раз.

Большая по размеру картина была приобретена Романовыми. А когда я была уже учительницей, лично видела эту картину и себя на ней в Зимнем дворце в Петербурге в 1911 году. Местонахождение ее в настоящее время мне неизвестно.

Николай Александрович часто ездил со своими картинами в Рим, Париж, где и устраивал выставку своих произведений. Помню, часто в газетах появлялись сообщения о том, что такого-то числа художник Ярошенко уехал в Италию. По возвращении его из-за границы также оповещалось, что возвратился художник Ярошенко со своими картинами после участия на выставке. По этому поводу Мария Павловна мне говорила: «Вот видишь, Ленуська, какой он у нас знаменитый!?» Мария Павловна гордилась им, сама читала газеты и давала мне.

Профессор Герд приносил Ярошенко газеты с этими извещениями. Николай Александрович часто брал меня с собой к художнику И. Н. Крамскому в мастерскую, в которой работали молодые художники. Он подходил то к одному, то к другому, советовал, проверял, поправлял. Его появления ждали, его любили и ценили. Когда крестный вышел в отставку, а это было в 1892 году, он пригласил нас с мамой к себе на дачу, в Кисловодск. Но сбыться нашим желаниям не удалось. Мой дедушка (мамин папа) был в преклонном возрасте и, проживая в Сыктывкаре, очень просил мою маму приехать. Нам дали денег на дорогу туда и обратно. Там мы и остались. И только тогда я узнала, что это и есть моя мама, так как до этих пор воспитывалась я у Ярошенко.

Николай Александрович и Мария Павловна не хотели меня отпускать, так как имели желание меня удочерить. Они скрывали это от моей мамы и от меня, что у меня есть мама. И вот здесь-то, когда моя мама стала настаивать на том, чтобы меня Ярошенко отпустили, тайна раскрылась.

Этот листок из журнала «Север» с портретом Николая Александровича мне очень дорог, как память о моем отце и воспитателе. Меня очень

любили в семье Ярошенко и баловали, доставляя радость. Гости, приходившие к ним, дарили мне подарки. Первое образование дали мне Ярошенко. Училась я у частного учителя, а позднее у Успенских. Хорошо помню, что вместе с нами жила его родственница Феня, которая также меня воспитывала. Мы с ней ходили в Таврический сад и другие места прогулок. Когда я болела, я находилась на излечении в той самой больнице, в которой работала моя мама.

Николай Александрович был очень добрый, помогал деньгами бедным, а Мария Павловна, не совсем разделяя его доброту, говорила: «Ты нас разоришь своей добротой!», хотя и сама была не менее щедра.

Своих детей у них не было, и со мной он бывал всегда очень ласков и добр, играл в прятки, бегал. Бывало, ищет меня, но проходит мимо, хотя и видит, где я спряталась, и просит, чтобы я отозвалась. Мария Павловна тоже уделяла мне много времени, относилась хорошо. Однажды она купила мне кубики, помогала строить домики. Случилось, что моя подруга Зоя стала их отнимать. Я сердилась, но Мария Павловна сказала: «Не ссорься, услышишь грубость, не отвечай; а если ответишь, то вот и ссора». Так учила она меня уму-разуму. Мне нравилось время, когда Надя Волженская гостила у Марии Павловны в Петербурге, особенно вечера. Мария Павловна шила мне платья, покупала ботиночки, а после одной стирки платья и небольшой носки обуви Мария Павловна складывала все в сундучок, а нам шила новое. А то, что складывала, раздавала бедным детям на своей даче в Кисловодске. Волею судеб я осталась жить у Успенских в Сыктывкаре.

С Марией Павловной мы переписывались пять лет. После смерти Николая Александровича в 1898 году Мария Павловна звала меня и маму в Кисловодск. Но моя мечта — побывать на даче в Кисловодске — не сбылась.

В 1901 году, будучи уже учительницей, на Севере, в Коми, я жила с мамой. Мой муж, Василий Владимирович Савельев в 1921 году, догоняя свой полк, пробыл один день в Кисловодске, поклонился за меня памятнику моего отца-воспитателя Н. А. Ярошенко. С грустью он увидел, что сад разорен, ограда вся поломана, дома запущены.

Ф. А. Герасименко

Я НОСИЛ ЕМУ ГАЗЕТЫ

Шел мне тогда десятый год. Работал я разносчиком газет и журналов.

Хорошо помню, как носил газеты и журналы Николаю Александровичу Ярошенко. Приносил ему газеты на малую веранду, на которой всегда стоял стол, а на столе шумел самоварчик, белый, никелированный, конусообразный и красивый.

Николай Александрович ожидал моего появления и всегда брал у меня газеты «Русское слово», «Новое время» и особенно любил читать газету «Копейка», которая являлась наиболее демократичной, но постоянно переплачивал, вместо копейки платил 5—10 копеек, а вместо 7 копеек за другие газеты платил 15—20 копеек.

Из журналов Ярошенко всегда покупал «Ниву» и также переплачивал.

Не было случая, чтобы художник после покупки газет не усадил меня за стол и не угостил чаем с пирожными или рожками с маком, приговаривая: «Кушай, кушай, не стесняйся!» Это меня подбадривало, и я не стеснялся скушать лишнюю сдобу!

И до сегодняшнего дня, вспоминая об этом, я не могу забыть угощений этого доброго, гостеприимного человека, искренне любившего нас, простых людей.

Довольно часто, усадив меня за стол, Ярошенко расспрашивал у меня о нашей семье, жизни, задавал вопросы: чем занимаются мои родители, как живут, сколько зарабатывают, и кем я хочу быть?

Несмотря на то, что он был генералом, он всегда ходил в штатском костюме, и я никогда не видел его в мундире генерала, хотя и велико было желание посмотреть. Щедрым и добрым он был не только ко мне. Мой товарищ детства, который доставлял ему письма (почтальон), также всегда получал подарки.

Ярошенко интересовался тотализатором на скачках, которые происходили на том же месте, где и сейчас,—на станции «Скачки», у Пятигорска. Садовником и дворником, и как бы управляющим по дому Ярошенко, был некто Ягубичев Федор, человек строгий, но с добрыми, как у хозяина, глазами и, что мне особенно запомнилось, с большой окладистой бородой. Позднее с его сыном Иваном Ягубичевым я дружил много лет, работали вместе. Иван Федорович был столяр, умер осенью 1958 года.

Часто я видел Николая Александровича у стен Крепости (ныне санаторий «Крепость»), ходил он туда, интересуясь, как военный специалист, ее сооружением.

Было у Ярошенко два денщика, одного из них он изобразил в своей картине «На качелях».

И. Ягубичев (его отец Федор Григорьевич был садовником у Ярошенко в Кисловодске)

НЕ ТЕРПЕЛ „ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА"

Помнится мне, как они говорили: «черный двор» и «белый двор». В так называемом «черном дворе» были расположены конюшня, каретник, погребледник.

А на территории «белого двора» находились 3 жилых дома Ярошенко и специально построенная кухня.

«Черный» и «белый» дворы были обнесены живой изгородью, сиренью.

Ярошенко очень не любил, когда его величали «Ваше превосходительство». В таких случаях, обращаясь к своей жене, он говорил: «Маша! И когда это ты заслужила и стала «его превосходительством?»

Когда я становился на повозку кверху ногами, то Николай Александрович хрипло говорил мне, чтобы я не сорвался. Часто угощал меня кренделями. Не только мои родители, но и мы все его очень любили за доброту и человечность.

М. Г. Швец

ПОДАРОК

Мария Григорьевна, жена Григория Николаевича Швец, проживающая по улице Ярошенко в доме № 6 г. Кисловодска, рассказала, как однажды, по случаю дня рождения П. И. Чайковского, ее мужа пригласили в дом Ярошенко, где было немало гостей, среди которых находились певцы и музыканты.

«...На этом вечере мужа попросили спеть что-либо из произведений Чайковского (что именно, не помню). Он с большим подъемом исполнил несколько произведений Петра Ильича Чайковского, за что был награжден не только возгласами одобрения, но получил от самого Ярошенко небольшой терракотовый бюст композитора-юбиляра.

В настоящее время этот бюст находится в музее Ярошенко в Кисловодске.

Мой муж часто посещал семью Ярошенко. Николай Александрович очень любил украинские песни, муж охотно их пел, а Ярошенко, сидя за роялем, аккомпанировал. Ноты многих украинских песен сохранились в двух альбомах, которые мною переданы в музей Ярошенко, и они экспонируются на рояле.

Замечательно то, что всякий, кто хоть раз бывал в этой гостеприимной семье, чувствовал себя легко, не испытывая ни малейшего стеснения или неудобств. Оживление, необыкновенная простота и задушевность всегда царили в доме.

ПИСЬМО ДОКТОРА ПОМЕРАНЦЕВА

Драгоценнейшая, всеми уважаемая Мария Александровна!* Очень рад был узнать, что Вы свой талант желаете посвятить всеми любимому Н. А. Ярошенко.

* Мария Александровна Виленская — Марко Вовчок, по мужу Лобач-Жученко.

Я очень буду рад откликнуться на Вашу просьбу и поделиться всем, что я знаю.

Являясь его домашним врачом, я был вхож в его дом и знал его десятки лет. Он наша совесть. Его все любили. Перейду к его жизни. Он из полтавских дворян. Учился в кадетском корпусе, потом в Академии, а впоследствии служил на военном заводе в Петербурге. Несколько лет он заведовал арсеналом в г. Георгиевске. Еще обучаясь в Академии, он познакомился с дочерью генерала Стебницкого К. К. и женился на ней. Прожил с ней 6 лет и похоронил ее, умерла она от чахотки. Эта смерть так на него подействовала, что он не писал ряд лет. Гораздо позже—известную картину «В теплых краях»; там изобразил он свою любимую жену. Позже он вступил во второй брак с уважаемой Марией Павловной. Когда они поселились в г. Кисловодске, то двери их дома были открыты для званых и незваных. Собирались у них каждую неделю все образованные люди.

На этих вечерах были господа: В. Л. Форкати, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, С. В. Рахманинов, У. А. Кюи, В. Д. Поленов, И. А. Бунин, П. Д. Телешов, Короленко, Гаршин, С. Г. Скиталец, Успенский, К. А. Коровин, А. П. Чехов, С. И. Мамонтов, Е. Н. Чириков, И. П. Пеняев, граф Л. Н. Толстой, князь Дундуков-Корсаков, князь Голицын, священник О. Цаликов с тремя дочерьми, Коста Хетагуров; офицеры-топографы Обломеевский, Александров, А. В. Пастухов; доктора Бард, Молчанов с супругой, Померанцев, известный в Кисловодске врач Свешников, Ларин; коммерсанты Сиферов, Райхель, Нагорный; горные инженеры: Незлобинский, И. М. Пугинов, А. Н. Огильви; архитекторы И. Н. Байков, Е. Шреттер, К. Н. Кампус, Перетяткович; из живописцев хочу отметить часто бывавшего Нестерова, который здесь же и венчался, на его свадьбе в церкви пели артисты Собинов с Шаляпиным; М. И. Иванов-Ипполитов сочинил музыкальную вещь. Все эти господа бывали тогда, когда они приезжали курсовать, это бывало в сезон — летом; зимой общество бывало меньше. Тогда бывали с семьями господа: Померанцевы, Соловьевы, Пугинов, Байков, Кампус, Бард, Нагорный, Хетагуров, Цаликов, Шреттер, Корсаков, Огильви, Ларин, Незлобинский; городские головы Утяков и Орлов, профессор Нечаев.

Помню вечер летом 1897 года, когда г. Ф. И. Шаляпин и Рахманинов играли вдвоем, и г. Шаляпин пел задушевным голосом «Сомнения», а потом затянул во весь богатырский голос «Эй, ухнем!», да так, что аж зазвенели стекла в доме.

Господин Ярошенко был в переписке с г. Лопатиным, другом Карла Маркса. С Лопатиным Ярошенко познакомился через Успенского во время своего путешествия за границей. Г-н Лопатин несколько раз бывал на квартире Ярошенко в г. Кисловодске, приехавши сюда под другой фамилией. Ярошенко восхищался Лопатиным и написал с него превосходнейший портрет. За границей Ярошенко подружился с Жюль Верном, Флобером,

Жан Масне, П. Сталь и был с ними в переписке, получив от них много писем.

Частым гостем у Ярошенко был Раев с супругой, содержатель первоклассной фотографии.

Умер Ярошенко почти на моих глазах. Утром он чувствовал себя прекрасно, потом он пожаловался на легкую усталость, посидел в саду и пошел писать картину из уральских тем о рабочих. Немного поработав, он попросил принести кофе, что и было сделано его супругой. Она ушла, а находившаяся в соседней комнате горничная, услышав шум от падения чего-то, вбежав в комнату, увидела Ярошенко в кресле бледного, что-то говорившего.

Она закричала; когда мы, услышав ее крик, вбежали, то он уже молчал и пульса уже не было. Было произведено местными докторами вскрытие трупа Ярошенко, которое установило, что он умер от порока сердца.

Вот и все, что я знал.

Ваш покорнейший слуга ПОМЕРАНЦЕВ

г. Пятигорск, 20 сентября 1905 г.

О. Д. Грирогова-Менделеева

МЕНДЕЛЕЕВ И ЕГО СЕМЬЯ

Когда мне было 18 лет, отец взял меня с собой на Кавказ, куда он ехал по нефтяным делам. Это путешествие было полно интересных впечатлений, которые он и хотел дать мне, как взрослой дочери.

...В пути отец окружил меня заботой и всевозможными житейскими удобствами, причем как-то раз сказал: «Вот мы едем в первом классе, а я в молодости всегда ездил в третьем классе, и было преинтересно». Из Москвы мы выехали с Рязанского вокзала, и с нами, только в другом купе, ехали два француза, путешествовавшие по России и ни слова не говорившие по-русски. В Рязани они уже обедали с нами, восхваляя малороссийский борщ.

Французы, узнав, что мы едем в Кисловодск, тоже решили ехать туда же, хотя билеты у них были дальше по прямому направлению. Мне было очень интересно рассказывать им обо всем, что мы видели из окна вагона. Французы не отставали в любезности по отношению к отцу и ко мне, и я ехала превесело.

...В Кисловодск мы ехали гостить на несколько дней к художнику-передвижнику Николаю Александровичу Ярошенко, которого очень любил и уважал мой отец.

У Ярошенко была своя дача в Кисловодске. Нас ждал он и его же-

на Мария Павловна, и мы были встречены, как близкие родные. Мария Павловна была со мной необычайно ласкова, хотя и видела меня в первый раз. И сейчас у меня на сердце делается тепло, когда я вспоминаю эту дружную семью и те дни, что я провела с ними.

Николай Александрович был тогда артиллерийским генералом, несмотря на то, что ему было, как мне кажется, не больше 45 лет.

После ужина Мария Павловна провела меня в отведенную для меня комнату. Кровать была уже приготовлена, а на столике стоял графин с нарзаном. Я, никогда его не пивши до тех пор, выпила сразу на ночь два стакана, и у меня поднялось такое сердцебиение, что я не спала до утра. Французы остановились в гостинице и ждали нас. Мы провели у Ярошенко два или три дня, и утром снова была подана коляска, чтобы доставить нас в Минеральные Воды, а оттуда мы ехали через Владикавказ, по Военно-Грузинской дороге, в Тифлис и Баку.

В нашу коляску должен был сесть и Николай Александрович, решивший проехать с нами до Баку.

В передней, когда все толпились перед выходом, отец шепнул мне: «Ты сядь напротив, на скамеечку». Мы вышли, и я первая быстро села на переднюю скамеечку, спиной к кучеру, а Николай Александрович сказал: «Ну уж нет, прошу вас сесть, как взрослая дама, иначе я не поеду». Конечно, я пересела, отец сел около меня, а Николай Александрович напротив. Такого милого спутника, остроумного и веселого, я еще не имела в своей жизни.

Николай Александрович был крайне внимательным и необычайно остроумным в разговоре, я очень к нему привыкла за время нашего путешествия. Он был и как кавалер и вместе с тем смотрел на меня, как на ребенка, которого надо все время веселить.

Французы двинулись с нами.

Вечером мы приехали во Владикавказ. Мне очень понравился этот кокетливый городок, объятый сумерками, быстро сменившимися темнотой.

Мы освежились после дороги и поужинали кавказскими блюдами: пловом и чахохбили, поданными нам в общей столовой. Николай Александрович обратился к отцу с просьбой отпустить меня с ним в городской сад. Согласие было получено, и мы вышли. Горели тут и там фонари, милые, наивные керосиновые фонари; домики, окрашенные в белую краску и все с верандами, были окружены фруктовыми садами и казались очень уютными, а навстречу нам слышалась музыка из городского сада. Я никогда не видела до сих пор провинциальных городских садов, где по вечерам собирался весь город, чтобы подышать прохладой, увидеть знакомых, поиграть в карты и хорошо поужинать.

Николай Александрович повел меня в так называемую «ротонду», где играл военный оркестр и шли танцы. Вдруг музыка прекратилась, и

раздались голоса: «Лезгинку! Лезгинку!» Вся зала стала кольцом, и в центр этого круга вошел молодой человек в национальном костюме, подошел к стройной девушке и, поклонившись ей, пригласил на танец. Сейчас же у девушки в руках появилась тонкая белая чадра, и под нежные звуки музыки началась лезгинка. Я с интересом следила за этим новым для меня зрелищем; пара танцующих была так легка и изящна, что, казалось, они танцевали по воздуху, не касаясь пола.

Среди окружающих было слышно имя княжны Чавчавадзе — это она танцевала. Все старики, побросав карты, подошли к кругу и вместе со всеми начали притопывать и ударять в ладоши в такт танцующим. Я вся обратилась в зрение. Николай Александрович стоял сзади меня, и вдруг за самыми нашими спинами, в темноте сада, раздался оглушительный револьверный выстрел. Я вся прижалась к Николаю Александровичу, он быстро взял меня под руку и вывел из сада. Долго не спала я в эту ночь, а рано утром к гостинице был подан своеобразный экипаж — карета с очень длинным сиденьем около кучера и сиденьем сзади, запряженная четырьмя лошадьми в дышло и двумя спереди, с форейтором. В этом экипаже ехали мы, Николай Александрович и два француза, не отстававшие от нас ни на шаг. Мы двинулись по Военно-Грузинской дороге. Нас сразу обступили горы, темные, без растительности, громоздящиеся друг на друга далеко впереди.

В Дарьяльском ущелье мы шли некоторое время пешком. Терек шумел, пенился и прыгал с камня на камень. Я нашла очень гладкий камешек, на котором попросила Николая Александровича потом написать мне масляными красками «Дарьял», и он написал, но только «Дарья», а «л» сказал напишет потом, и этим долго дразнил меня. На станцию «Казбек» мы приехали к вечеру и здесь остались на ночь в казенной гостинице. В общей комнате топился камин, и все же было холодно. Спали мы плохо, в общей комнате, не раздеваясь, а с восходом солнца сели в тот же экипаж, но запряженный лишь четверкой лошадей. Мы тронулись дальше...

Начался спуск в Грузию. Здесь картина сразу изменилась: мрачные горы и нависшие скалы остались позади, и солнце мягко освещало долину Грузии внизу, где скрещивались две реки — Арагва и Кура, а наверху, налево от дороги, виднелся Мцхетский замок. Экипаж легко катился под уклон, было свежо, но не холодно, и ясно.

Часов в двенадцать дня мы въехали на пригород Тифлиса и затем, запыленные, но веселые и бодрые, остановились около самой фешенебельной гостиницы «Лондон». Вечером ужинали все вместе, а, войдя к себе в номер, я увидела на столе в вазе громадный букет азалий, составленный мастерской рукой садовника, с приложенной визитной карточной. При виде букета отец улыбнулся и сказал: «Французики знают хорошо, что им надо делать».

...На другой день мы вдвоем с Николаем Александровичем пошли в тем-

ные ряды, и тут на свободе я выбирала шелковые материи на платья матери и себе, несколько отрезов, и затем кавказские шелковые большие шали, тканые и вязаные. Больше мне ничего не хотелось, а отец подарил мне еще несколько камней бирюзы. Всем близким я накупила подарков, и все очень тщательно уложила для перевозки.

...Я все время проводила с Николаем Александровичем или переговаривалась с ним с моего балкончика на балкончик, где он сидел и писал вид на море. На столе у нас всегда стояло огромное блюдо, наполненное елизаветпольским нежнейшим виноградом, без косточек и с розовой кожицей. Я часто брала ветку и перекидывала ее на балкон Николая Александровича, а он ловил на лету, но ягоды винограда не выдерживали подобного обращения и многие лопались, так были они нежны. А надпись на камешке «Дарья» не подвигалась вперед, сколько я ни просила ее докончить.

Совещания у отца шли все время изо дня в день, так что, если бы не Николай Александрович, мне пришлось бы очень скучать. За все время пребывания в Баку, а оно длилось неделю, у нас были две поездки на нефтяные промысла в Балаханы и Сураханы.

...Мы уехали незаметно на пароходе «Михаил», отходящем в Астрахань. С Николаем Александровичем мы распрощались, и он в тот же день уехал к себе в Кисловодск.

С. А. Подушинский

Я ПОЗИРОВАЛ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

В конце 80-х годов отец познакомился с Николаем Александровичем Ярошенко, поселившимся недалеко от нашего домика. Мне было 6 лет, когда я первый раз увидел Николая Александровича. Он захаживал к нам поговорить с отцом и стал присматриваться ко мне. Всегда приносил в корзиночке спелые вкусные фрукты и угощал меня. Однажды он позвал меня в сад к себе, угостил фруктами, а потом посадил около большого дерева и стал рисовать карандашом. Сам сидел обычно на скамеечке около дерева. Я сидел и не двигался, а он рисовал.

Помню, первый раз, когда Николай Александрович повел меня рисовать, спросил: «А ты надел рубашку в клеточку?» Я расстегнул бешмет и показал ему свою красненькую вылинявшую рубашечку в клеточку (я ее очень любил), и мы пошли в сад к Николаю Александровичу. Он еще велел мне надеть башмаки и чулочки. Посадил он меня под деревом в саду, недалеко от дома, а чтобы я смирно сидел, рядом поставил сапетку с яблоками, и стал писать.

С меня была написана картина «Постреленок» (находится в Ашхабадском музее), а в картине «Хор» я написан среди группы детей в центре.

Небезынтересны письма Н. А. Ярошенко и к его другу художнику Касаткину, которые были посланы из Кисловодска за год до кончины Ярошенко. Они затрагивают различные стороны их взаимоотношений, друзей и близких. Не скрывает Ярошенко и состояние своего здоровья. Первое письмо датировано 18 июня 1897 года, второе писалось 28 сентября того же, 1897 года, с которыми и знакомлю читателя.

18 июня 97 г.
Кисловодск.

Дорогой Николай Алексеевич!

Очень рад был получить от Вас весточку и, не зная, что Вы странствуете за границей, я не раз попенял Вас за Ваше молчание.

Зная, что Вы были за границей недавно и что нынешние салоны по общему отзыву из рук вон плохи, мне сдается, что Вы напрасно проводили 10 дней в Палермо, 10 в Неаполе и неделю в Помпее. В смысле здоровья поездка не принесла мне ничего, потому что я вернулся с голосом худшим, чем выехал из Петербурга, в остальном отношении чувствую себя так же хорошо, как и прежде. А так как без голоса и дома скверно, а путешествовать и вовсе неудобно, то, естественно, что от поездки я получил гораздо менее приятного, чем всякий здоровый человек, через это и не работалось, и сделал я очень мало, да и теперь все сижу и ленюсь — ничего не хочется делать.

Здесь застал все в хорошем виде, и Марию Павловну, и Надюшу, здоровы и обе Вам кланяются. Очень здесь хорошо, зелень, тепло, жаль, что не приехали. Что у Вас делается? Кого видели? Пишите обо всем. Сидя вдали, интересуют всякие мелочи и с радостью встречаются всякие письма. До свидания, целую Вас. Искренне Ваш.

Н. Ярошенко.

28 сентября, 97 г.
Кисловодск.

Дорогой Николай Алексеевич!

Спасибо за весточку, хотя она такая маленькая, что я остался голоден после нее. И зачем Вы покупаете почтовую бумагу такого формата, на котором ничего написать нельзя. Но во всяком случае и за это спасибо. Очень был рад хоть что-нибудь узнать о Льве Николаевиче. Из газеты я знаю, что одна из дочерей его была больна тифом, но только от Вас узнал, что это была Марья Львовна. Отчего это с ней?

Как жаль, что Вы ничего мне не сообщили о Черткове, о котором я вот уже почти год, как ничего не знаю, не знаю его адреса, чтобы ему написать, и сам он мне не пишет. Вы, верно, слышали о нем у Толстых, напишите, пожалуйста, что знаете. Это для меня тем важнее, что я не думаю останавливаться в Москве на возвратном пути в Петербург, потому что без голоса я все равно не буду в состоянии общаться с людьми, с которыми видеться и поговорить мне бы хотелось, а являться в виде привидения нет смысла. Подожду поздравлять Вас с выборами Серова, я его не знаю; он хороший художник, но, мне кажется, без увлечения и без больших творческих задатков, слишком он мне кажется холодным и самодовольно покойным, чтобы пробуждать к жизни и возбуждать энергию молодых талантов. Буду рад очень, если я ошибаюсь; повторяю, что я его слишком мало знаю.

Здесь у нас все по-старому, живем очень уединенно, из приезжавших знакомых лиц остался только больной Перов. А как же у Вас будет правление, когда Савицкий ушел, Васнецов уезжает, а Мясоедова нет в Москве? Надо бы Вам списаться с Мясоедовым.

Мое здоровье было бы хорошо, если бы не противный голос, который как бродяга пропал в пути и не хочет возвращаться. И не надеешься на возвращение, а все ждешь.

Мария Павловна и Надя Вам кланяются, а я Вас целую.

Искренне любящий Вас Н. Ярошенко.

СОДЕРЖАНИЕ

Современники о Ярошенко

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Автопортрет. 1846 год.



Невский проспект ночью. 1875 год.



Якуб.

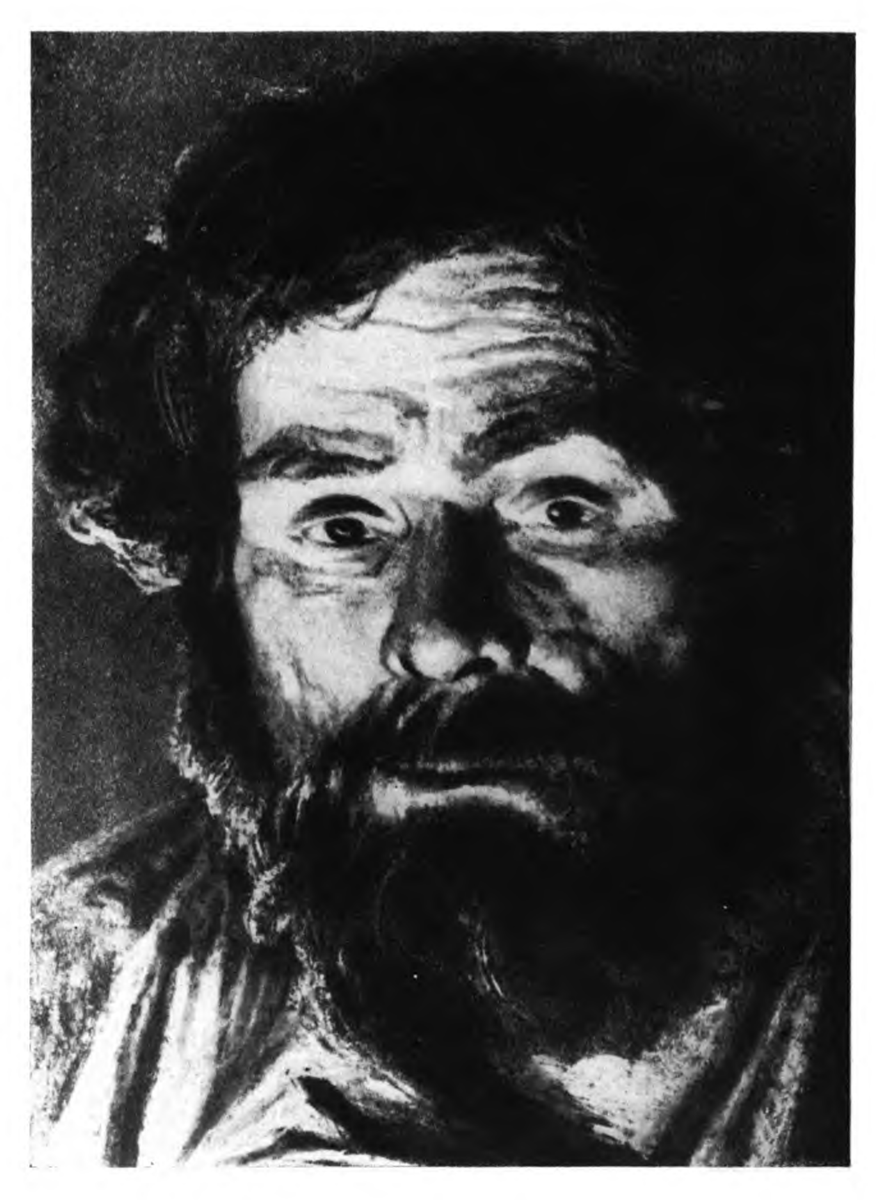


Причины неизвестны. 1884 год.





Бурлак (акварель). 1869 год.



Кочегар. Фрагмент. 1878 год.



Заключенный. 1878 год.

«Даровая квартира». 1862 год.

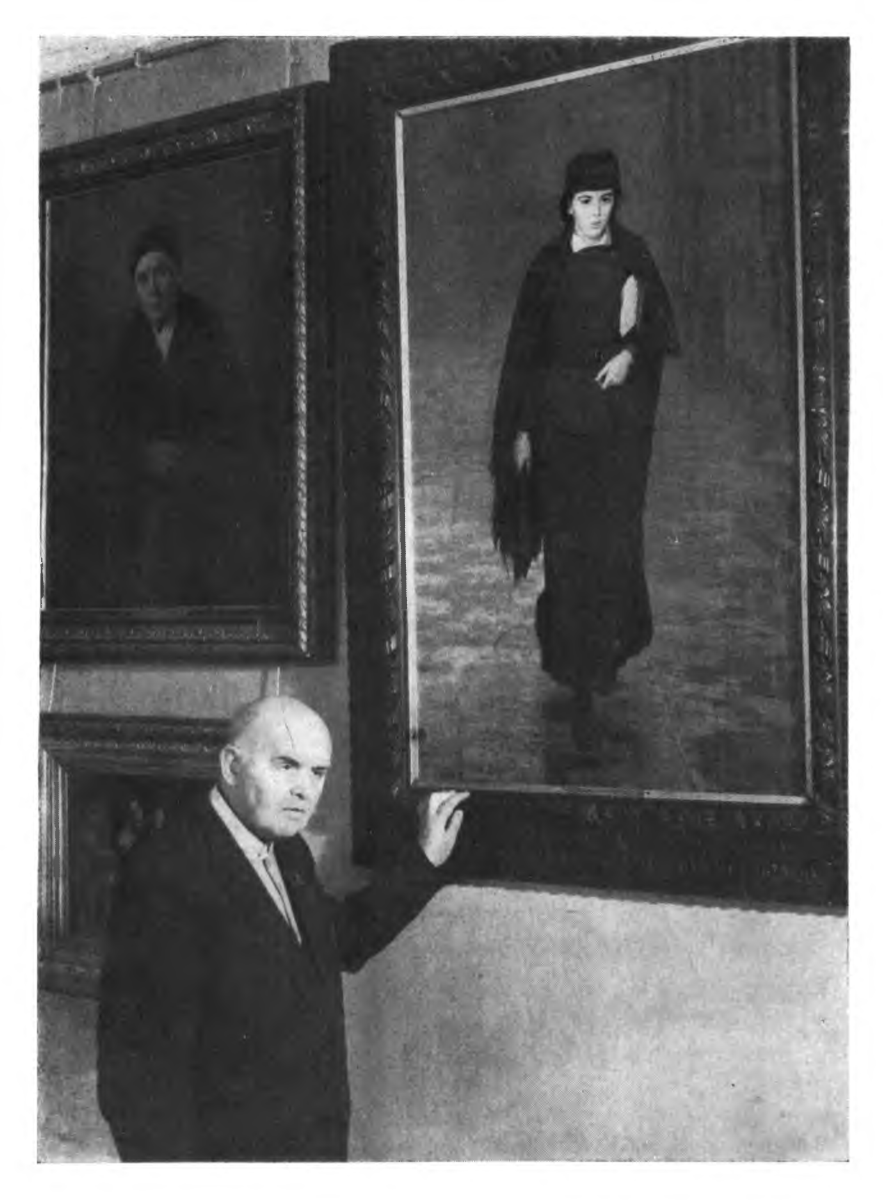


Под конвоем. 1891 год.





Студент. 1881 год.



В. В. Чертков у картины «Курсистка», написанной Н. А. Ярошенко с его матери в 1883 году.



Всюду жизнь. 1888 год.



В вагоне. Конец 1880-х годов.



Песни о былом. 1894 год.



Хор. 1894 год.



Летом. 1895 год.



Портрет М. П. Ярошенко, 1875 год.



Украинка.



Портрет артистки М. Г. Савиной. 1897 год.



Портрет артистки П. А. Стрепетовой. 1886 год.



Портрет П. А. Стрепетовой. 1884 год.



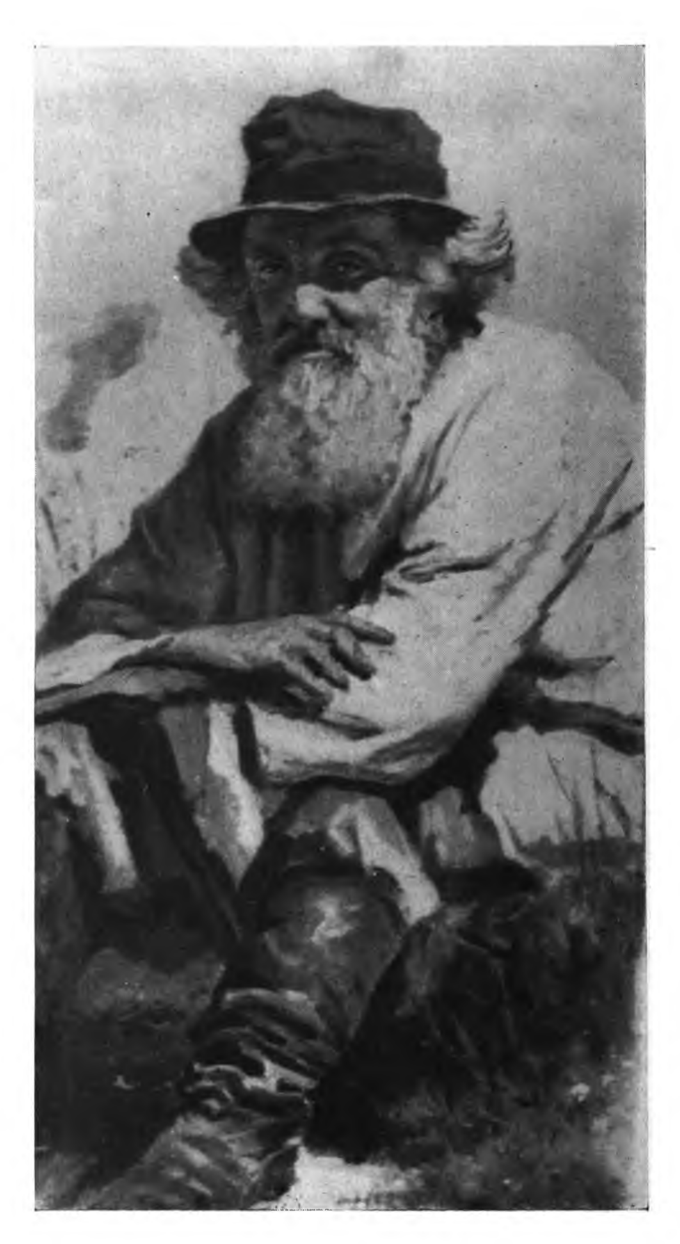
Портрет Тани Богданович. 1880 год.



Голова еврея. 1896 год.



Бакинец. 1886 год.



Пасечник.



Портрет молодого человека.



Портрет В. Г. Черткова. 80-е годы.

Голова ученого. Сухая игла. 90-е годы.





Портрет ученого. Сухая игла.
90-е годы.



Портрет А. П. Симановской. Сухая игла.
90-е годы.



Дагестанец. 1894 год.

Бештау. 1882 год.



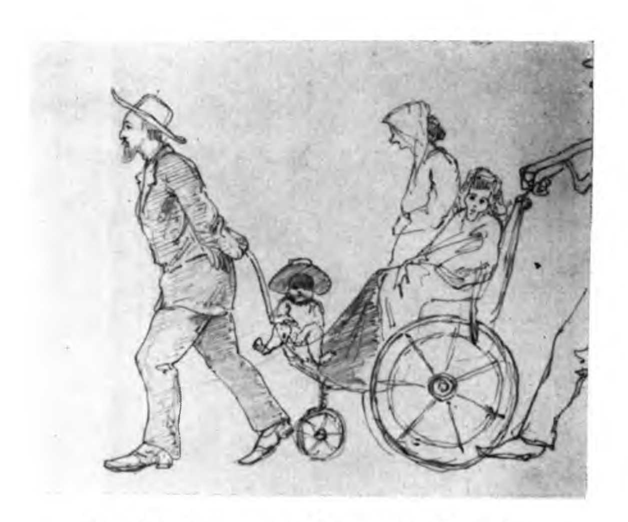
Иерусалим. 1896 год.

Красные камни. 1892 год.



Снежные вершины. Этюд.

Порт Палермо. 1897 год.



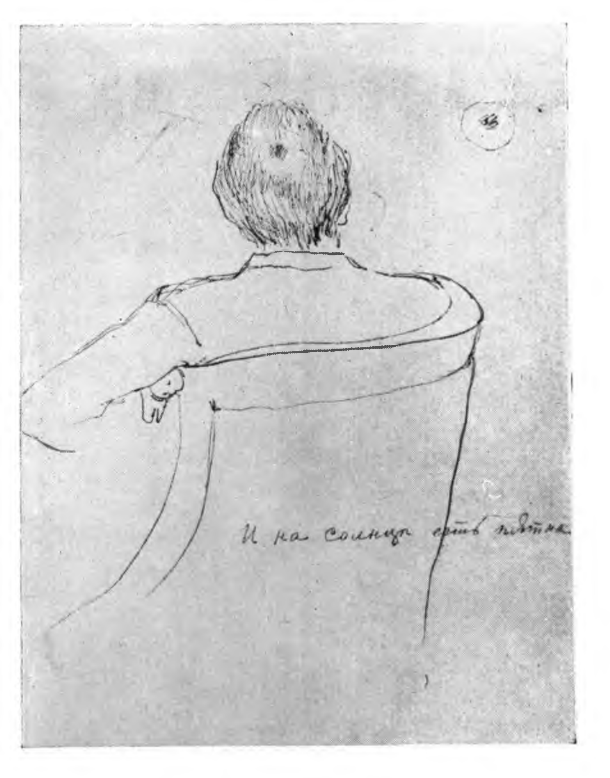
Дружеский шарж на Черткова. 90-е годы.



«Благословение». 1891 год.



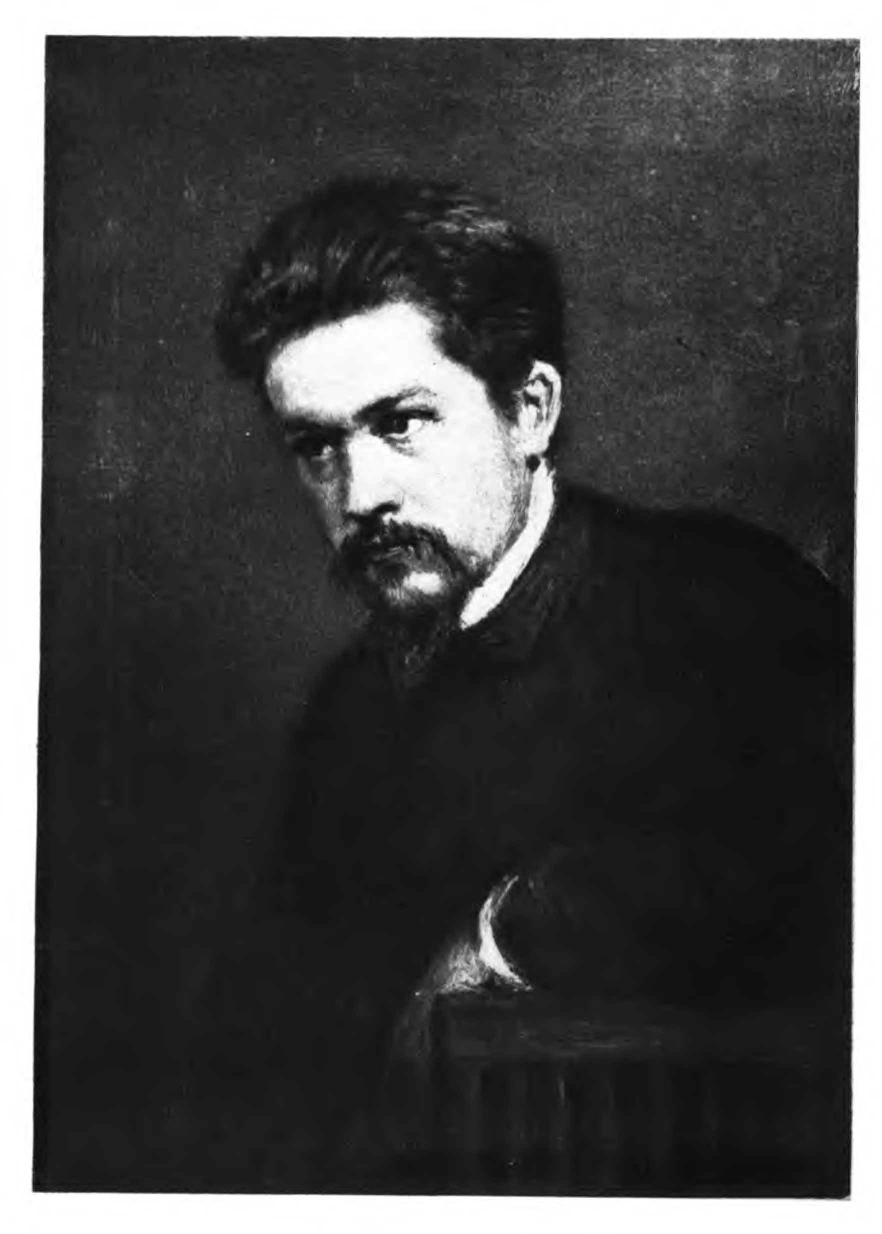
Набросок с И. П. Павлова.



И на солнце есть пятна. Карикатура. 1892 го

Карикатура. Рисунок.





Автопортрет. 1895 год.



Житель Дагестана. 1888 год.



На качелях. 1888 год.



Старый служивый. Конец 1870-х годов.

Цена 1 руб. 11 коп.